

80

СИОН

ציון СИОН

1-2

1-2

1973

С И О Н

ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Год издания 2-й

1973
תשל"ג

1-2
(4-5)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**З. Гительман, А. Гиттельсон (отв. редактор),
П. Гольдштейн, З. Гольцберг, Ю. Граузе, М. Занд,
В. Свечинский, К. Фрусин, И. Якоби.**

СОДЕРЖАНИЕ

Наша классика

Х. Н. БЯЛИК — Родная деревня и мой сон (к 100-летию со дня рождения).	5
В. ЖАБОТИНСКИЙ — Х. Н. Бялик	12

Новые стихи и проза.

З. ДУБНОВ — Стихи.	17
Ю. ШМУКЛЕР — Два рассказа.	19
Н. ВОРОНЕЛЬ — Я с детства пишу стихи...	35
Три стихотворения	
Е. МАНЕВИЧ — Стихи.	38

Исход: проблемы и документы.

А. ВОРОНЕЛЬ, В. ЯХОТ — Новое требование	40
Пресс-конференция активистов движения за выезд евреев из Советского Союза в Израиль.	45
Хроника одного дня	58
Открытое письмо киевлян	62
Интервью с Натальей и Ниной Михоэлс-Вовси.	64
М. Н. — Древнейшая еврейская община Диаспоры.	72
В. ПОЛЬСКИЙ — Как и за что осужден Лазарь Любарский	74
В. ПЕРЕЛЬМАН — Вчера, сегодня, завтра	78
В. ЗАРЕЦКИЙ — Последний шанс	85

На нашей земле.

Бывшие начальники Генерального штаба — о нашей молодежи	90
Министр И. ГАЛИЛИИ отвечает журналу «СИОН»	98
И. БЕН ПОРАТ — Территории — кто за что и почему?	101
И. ВИЛЕНЧУК — Проблема воды	108
ЦИОН РАВИ — Динамика роста населения.	119

М. РИКЕ — Уловки палестинцев.	131
И. ОРЕН — От Библии до Каббалы.	133
Э. ЛИВНЕ — Смысл сионизма в Израиле.	145

Два мнения

Ш. ЭТТИНГЕР — Еврейская сущность возрожденного государства.	154
Б. ЭЛИАВ — Наше государство и его связь с мировым еврейством	160

Отклики читателей

М. РАВИНОВИЧ — Что мешает... «Стать единым народом»?	165
Э. КУЛИКОВА — Ответ Амику	167
А. СОНИН — Не снобизм, а реальный сионизм	171

Воспоминания

З. ГОЛЬЦБЕРГ — Об одном подвиге и об одной фальсификации.	176
---	-----

Наши публикации

Б. ГАПОНОВ — Библейские мотивы в творчестве Руставели.	184
И. ВИТКИН — Воззвание к еврейской молодежи	193

Страницы забытого

М. ГЕРШЕНЗОН — Из предисловия к антологии еврейской поэзии.	199
--	-----

О книгах

М. Н. — Будет переиздана «ЕВРЕЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» .	201
М. УЛЬМАН — Так пишется история	202

ХАИМ НАХМАН БЯЛИК

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ И МОЙ СОН

(к 100-летию со дня рождения).

Сколько лет, сколько зим прожито нами с тех пор, как я впервые ощутил себя в родной деревне, до дня, когда мы — я со всем отцовским домом — переехали в предместье соседнего города — не помню. Я был заброшенным ребенком, кажется, мне еще и пяти лет не исполнилось, а что малютке до хода времени? Наверное, и в моей родной деревне не нарушались первоначальные порядки: времена года сменялись в положенные сроки, и все в мире шло своим чередом. Но тот первоначальный, древний мир, вынесенный мною из деревни и все еще хранящийся в сокровищнице души, в заветном ее тайнике — тот странный, чудесный, единственный мир — он, кажется, никогда не знал ни зимы, ни осени. Все, что я мог охватить взглядом в деревне той поры, было сделано из одного цельного полотна, из беспримесного лета. Летнее небо и летняя земля; все растения, и все животные — летние; даже Фейгеле, моя единственная на всю деревню ровесница и подруга — тоже летняя. Мне вспоминается лишь один жестокий

зимний день, весь отлитый из льда, злобный и свирепый; он стоит вооруженный топором, как разбойник, а рядом ненастный осенний день, тоже один — единственный, повергнут в грязь и немощно пахнет, обливаясь то скливыми слезами. Но эти двое, ведь из рук вон как плохо. Подонки. А чистый и ясный мир, тот мир, что широко раскинулся между поросшей травой стеной нашего маленького дома и зимней роццей, замкнувшей кругозор на окраине деревни — этот мир был летним.

На этом полотнище красок небесной лазури и луговой зелени вышита вся панорама моего мира в те первые годы, — легкие и спокойные, как чистые тучки, пейзажи — полузагадки, полусны — и все же предельно ясные и четкие и подлиннейшей любовью действительности. Они, эти первые образы и силуэты, на которых зиждется весь мой душевный мир, подарены мне небом, пожалованы Божьей милостью и благодатью за то мое малолетство, и беспомощность, и немощу, и сердечное томление, Маленький и хрупкий, я был предоставлен самому себе; не умел еще ни спрашивать, ни называть предметы по имени, и не было рядом никого, кто вызвал бы меня на разговор, кто пробудил бы мою мысль. Никто не вел меня за руку, никто не навевался в мой уголок. Как сиротливый птенчик, я одиноко блуждал вокруг гнезда. Отец и мать меня забросили, некому было присмотреть за мной. И Бог сжалился, подобрал и приютил меня под покровом Своих крыльев, позволил мне молча сидеть у Себя в ногах и тихонь-

ко играть кисточками Своего платья и полами плаща. Днем Он велел невидимым ангелам тешить меня мечтами, вызывая улыбку на мои губы, и никто этого не видел, а по ночам Он посылал ко мне крошечных карликов петть мне при лунном свете и разгонять мои страхи, и никто их не слышал. Он разместил их, зорких и невидимых, вокруг меня, водворил их в любой темный угол и в каждую черную дыру, и моя душа исполнилась сладким смятением и бесконечным изумлением; Его невидимая рука рассеивала чудеса по всем моим тропинкам и роняла загадки повсюду, где задерживался мой взгляд. Каждый камешек и сучок — загадочное предание, в любой щели и скважине — извечные тайны. Как притаилась искра в камне, и кто рассеял немые тени по стенам дома? Кто нагромоздил огненные горы на краю небосвода, кто закрепил луну в лесной чаще? Куда устремились вершицы тучек, и за кем гонится ветер в поле? Почему все во мне ликует с утра, и о чем так невыразимо томится моя душа в сумерках? О чем тихо плачут воды родника, и почему мое сердце сжимается от их журчания? Чудеса обступили, одолели меня, вооружили мою слабую головушку, и некуда было бежать, некуда деться от них. Они расширили мои глаза и углубили сердце, побудили видеть скрытое в главном и смутное в четком. Стоило мне уставить в небо оконца моей души — два моих глаза, — и божественные зрелища устремились ко мне с четырех стран света, а я и не звал их. Иногда они всплывали и подни-

мались ко мне из недр тишины, похожие на образы, являющиеся во сне или в светлых озерных водах. Ни слова, ни звука — только образ. И говор тоже беззвучный, неслышимый. То был дивный минутный говор, звук его таил, — а он все жил. И я слышал его ухом, он проникал в мою душу через другой потайной вход. Так проникают в душу уснувшего ребенка любовь и жалость матери, когда она стоит у его изголовья, исполненная тревоги и волнения, а он и не знает ничего. Иногда образы возникали и ткались из обретенных звуков и их сочетаний. Много звуков на белом свете, и все такие непохожие, многообразные до бесконечности. Кто разъяснит их значение, и кто проникнет в их смысл? Голоса дневные и голоса ночные. Наглые и скромные. Резкие и робкие. Тянутся без конца и вдруг обрываются. Крик о помощи утопающего где-то на краю земли и последний стон зарубленного в лесу еще бьющегося в предсмертных судорогах. Они казались мне бестелесными духами, Божьими гонцами и вестниками, носящимися по воздуху из конца в конец. Они летят, как стрелы, из одного убежища в другое, мгновенно набегают и внезапно исчезают, и никто не знает, откуда и куда, и никто больше их не видит. А то случалось мне слышать тишину и видеть голоса, потому что мои чувства еще не знали меж и границ и забредали в неположенные пределы. Звук влек за собой образ, образ манил звук, и оба они тянулись к запаху. Не разбирались я тогда и в величинах и размерах: маленький холмик в поле при-

нимал за гору Ор, пруд — за океан, а окрину деревни считал концом света.

Правы те, что говорят — человек видит и постигает мир только в одну пору жизни: в детстве. Первичные образы, еще нетронутые, словно только что вышедшие из-под рук Творца, в них самая суть вещей, их ядро, — а эти, поздние, они только копии с тех, повторенные и испорченные копии. Вроде первых, бледное подобие их, но не подлинное они. Я испытал на себе и знаю: все видения, небесные и земные, которые я благодарно благословлял всю жизнь, живы только силою первых впечатлений. Через много лет я увидел небо Италии, его пленительную лазурь. Я всходил и на горные вершины Швейцарии. Я смотрел на них, и душа исходила тоской: когда открылась мне лазурь пленительнее этой? И где явились мне горы выше и грознее этих? При виде великолепного заката или восхода солнца, я каждый раз останавливаюсь пораженный: ведь видел же я однажды закат или восход великолепней и чудесней этого? Прохожу ли я мимо зеленеющего поля, — я сам не знаю почему, — мгновенно возникают перед глазами другие зелены, впервые увиденные в деревне, когда я еще ни на шаг не отходил от моей старой няни, — да будет благословенна ее память. То были свежие и сочные зелены, стойкая новь, по пояс стоявшая в светлой воде, и вся усеянная прелестными цветочками; их влажные желтые головки просовывались между стеблями, и в каждом их гла-

зочке дрожала чистая жемчужина слезы.

Когда мы оставили деревню, — мне было тогда лет пять — мир показался мне мрачней, и яркий свет его потускнел. На новом месте, в предместье города, нас поглотили суетливые будни, хмурые будни еврейского местечка с их хлопотней и незадачливостью. Вокруг меня нарастал людской шум, а я все глубже замыкался в себе, и радостные восторги моего сердца поплыли на убыль. Я попал в руки невежественных меламедов, и они разогнали мои детские грезы своими сердитыми лицами и ремешком. Те первые образы, те божественные видения являлись мне теперь лишь изредка, когда оставляли меня наедине, в стороне от дневного шума и подалее от меламедов. Они притаились за невидимой завесой, и время от времени подмигивали мне оттуда, воскрешая и обновляя мои мечты. Взглядывали на меня и тут же исчезали, взглядывали — и исчезали. Капля по капле, как драгоценный, животительный напиток, они вливали в мое сердце сияние тех дивных дней, показывая мне отдельные уголки из мира моего детства. В воздухе внезапно возникали осколки образов и обрывки давнего говора. Далекий краешек небосвода в его нетронутой чистоте, полоса земли в начале весны, черная, сочная, душистая полоса — первозданная земля; она только что скинула с себя холодную пелену снега и трепещет всем телом. Одинокая и пустая сторожка в заброшенной бахче. Закат пылает на небосклоне. В лесу раздается вой. Станный птичий крик слышится

ночью. Луна повисла над дымовой трубой одной из крыш. В отцовском доме собрался праздничный «миньян», и стайка испуганных ребят врывается в дом с криком: волки в деревне! И тут же евреи, облаченные в галлеси, стоят на крыше, лицом к лесу, к волкам, простирают руки в воздух и грозят медвежьим ревом: агу-у! агу-у! А вот и Фейгеле. Это она, она! Спряталась за старым дубом, на минуту высунулась оттуда и кличет меня: ку-ку!

Но в заветные минуты, осененные святой благодатью, когда сердце исполнено сока, как спелый виноград, и родники жалости открываются в нем вдруг сами собой, в такие минуты я едва закрою на миг глаза, и как при вспышке зарницы увижу все тропы моей жизни с самого ее начала, и все они от края и до края озарены белым и ярким светом. Будто внезапно показалась огненная кисть неведомой быстрой руки и протянула мне все мое детство в миниатюре, драгоценный дар долгих дней и годов, вложенный в крошечный ларчик одного мгновения. Я вижу воочию жилье утра моей жизни и зеленый уголок моего раннего детства, со всем большим и малым, что живет в них и заполняет их, — ничего не убыло. И снова я смотрю на них с тем же чувством, которое я испытал, когда увидел их впервые. Откуда-то из глухого угла Во льни, из зарослей болотных тростников, из бесконечных лесов, всплывает передо мной моя родная деревушка со всеми ее днями и ночами, с ее праздниками, и субботамаи, и ежегодными торжествами, — и она все та же,

какую сотворил ее Бог: маленькая, спокойная и скромная. Все по-прежнему стоит на скудном участке земли, отведенном ей с сотворения мира. Полдеревни ютится в долине, другая половина вскарабкалась на склон холма. Вся укрытая тенью кустов и деревьев, в красе садов и бахчей, как прежде тихая и скорбная под ярмом своего праведного существования — она молчит. Ничто не изменилось в ней, каждый камешек сохранился на прежнем месте. Все те же низенькие глинобитные мазанки и деревянные избы, рассыпавшиеся по долинам и холму, как стадо испуганных овец; за деревней все та же немая роца в прохладной темноте додумывает недоброе; да прямо перед отцовским домом зеленый холм, как страшный зверь, как дикий бык, залегший на дороге, ежедневно под вечер глотает целую золотую буханку — заходящее солнце — каждый вечер по целой буханке; все то же озеро, сверкающее у холма, как начищенное зеркало, и гуси совершают в нем обряд очищения, то и дело кувыркаясь и опрокидываясь головой в воду, хвостом к небу; и все те же тропинки извиваются, как змеи, в неизбежной тоске, и теряются в неведомых дальях. Безмолвно, как во сне, встает передо мной все совершавшееся за год здесь: субботы и будни, лето и зима, дни благодати и грозные времена, дневные радости и ночные страхи, — все самые противоречивые впечатления возникают рядом, слившись все вместе, но не растворяясь одно в другом. У каждой поры свой неповторимый цвет, у каждого дня свое обличье. И все-та-

ки все они — тоже как во сне — сплетаются в один узор, имя которому: моя родная деревня. Молодые весенние дни, усеянные белыми цветами и устланные свежей и нежной травой, весело трепещут рядом с жгучими летними днями, истомленными зноем и перегруженными золотом; и тут же унылые осенние сумерки молчаливо томятся на тлеющих углях, и сердито хмурится картинный зимний небосклон. На миг блеснет мне оттуда и снег, первый, чистый, чарующий снег; он веет над Божьим светом спокойно и тихо, как сквозь легкую дремоту, и слипает мне веки, отдав мое сердце белой и свежей прохладой. Так уцелел в сокровищнице моих воспоминаний остаток целой зимы, похищенной у меня, — я так и не узнал, куда она делась. Безвозвратно пропала зима, и также бесследно стерлись в памяти начало и конец одной большой грозы, застигшей меня внезапно в знойный день на тропинке холма, между высокими травами, в ту минуту, когда я направлялся вниз, домой. С края света ринулась гроза и обрушилась на деревню — и в мгновение вся земля была охвачена ужасом. Небо омрачилось, наступила темнота. Издалека ревел лес, деревья валялись, травы холмика, дрожа, лгнули к земле. Клубились столбы пыли и соломенные крыши взлетали в воздух. И не успев опомниться — я тоже взлетел! Ураган подхватил меня, поднял, как перышко и понес на могучем крыле к подножию холма и верхушке изгороди нашего дома. Как я потом вошел, или меня внесли в отцовский дом — не помню. Но чувство, изведенное

в том полете, — как передать его другим? Лишь в ночных снах выпадает на долю человека вкусить хотя бы каплю такого восторга.

Иногда, отрезвившись, я твержу себе: ничего подобного никогда не было! Деревни, той деревни, что рисуется в моем воображении, не было и в помине, ни ее, ни леса, ни карликов, ни Фейгеле, — ровно ничего. Все они лишь отрывки сказок и снов, проросшие сами собой, как сорняки, между немногими подлинными воспоминаниями, чтобы скрасить их ребятам. Во всяком случае — здесь перепутались времена и смешалось все прочитанное. Раннее и позднее сдвинулось и поменялось местами. Фантазия — выдумщица, нельзя доверять ей!

Пусть так! Моя совершенная вера в безусловную подлинность этих выдумок ни на волос не уменьшилось. Не все ли мне равно, были или не были? Они живут в моей душе, их существование запечатлено в моей плоти и крови. Божий перст начертал их на скрижалях моей жизни, и кто сметет их? Если сны таковы, то нет ничего истинней их истины и подлинней их подлинности. Как вино, хранимое в раю для праведников с первых дней творения, сохраняются они в душе человека, пока он жив и дышит. Их аромат не улетучится и вкус не утратит остроту. Наоборот, со временем они станут еще озаренней и острее; чем старее, тем они сильнее и пленительней. И правда нет вина крепче и слаще, чем сказка нашего детства. Иногда одной ее капли довольно, чтобы опьянить ею сердце до безумия!

До изнеможения! Благословен наш ангел-хранитель, подносящий нам этот райский напиток по капле, да и то лишь изредка. Одна капля лишняя, или чуть крупней положенного — и сердце в тот же миг умрет блаженной смертью.

И я знаю наверное, что в день, когда меня постигнет конец, сужденный всем смертным, и передо мной откроются выходные ворота нашего мира, — в этот последний час выйдут из-за завесы все видения моего детства и встанут передо мной сплоченной толпой. Все до одного придут, чарующие и нежные, во всем своем первоначальном сиянии, какими мне дано было их увидеть на утре моих дней. Они встанут передо мною, четкие и яркие, и молча посмотрят на меня. Вдруг их озарит первоизданный свет — и они погаснут навеки заодно с моей душой.

Сны вещают пустое, но не все. Вот и я, прежде чем приступлю к изложению самой малой толики из душевных перипетий и неотступных мечтаний еврейского самосейки, позволю себе рассказать один из моих снов, без видимой связи с предыдущими и последующими событиями, а только для того, чтобы провести между ними разграничительную линию; этот сон издавна запал мне в сердце и жив в нем до сих пор со всею четкостью и во всех подробностях. Не знаю, удастся ли мне довести до чьей-нибудь души самый мой сон, так чтобы он вкусил тот несказанный свет и воздух — как это трудно, когда речь идет о сне! — и все же расскажу, будь что будет. Этот сон мне в самом деле снился, — он почти настоящая действитель-

ность: поэтому нет в нем никаких необычностей и превратностей, вообще ничего поразительного. Кажется, здесь он у места.

Во сне — я вижу длинную дорогу, занесенную тяжелым песком. Дорога загружена вереницами возвращающихся с ярмарки, и я иду в одной из таких верениц. Как и откуда попал я туда — не знаю. Но я иду почти невольно, поглощенный и увлекаемый суматошной толпой народа. Вокруг шум, гам, галдеж. Телеги и кибитки, пустые и заваленные поклажей, их седоки, и вожаки, и провожатые, верховые и пешие, тьма людей и лошадей — ползут тяжело и бесильно в тучах пыли через завалы песка. Продвигаться здесь не легче, чем переправиться через море. Колеса и ноги тонут в песке. Пыль. Зной. Сил нет. Все усталые и разбитые, все обливаются мутным потом. На всех лицах озлобление, все угнетены — и все кричат и хлещут по лошадям в ожесточенной ярости. Видно, ярмарка не удалась: никому из них не посчастливилось торговать и половину вожделенной выручки. Вот они и срывают злобу на жалкой скотине. Дорога становится все трудней, они теряют последние остатки терпения, а шум и неразбериха все разрастаются. Никто не слышит, что говорит другой. Все горючат, а заодно и задерживают друг друга: «Гей! Гей! Посторонись и проходи, человек! Стой, стой, собачий сын! Ни с места!» — Но никто из них не двинется и не остановится по своему желанию. Человек идет — потому что все идут. Стоит — потому что все стоят. Стадо. И я один

из такого стада. Я мечусь среди них — и не знаю, что мне до них. Я устал. Как болит голова! Сейчас я потеряю сознание, — а все продолжаю идти. Идти поневоле. Как одурманенный. Я иду — и мне начинают мерещиться заросли речного камыша. Открываю глаза — клянусь: настоящий речной камыш! Живые и свежие стебли, высокие и густые, тянутся справа во всю длину дороги; их зеленая стена отделяет идущих от какого-то другого мира, мира чудес, что по ту сторону зарослей. Я увидел и ожил. Удивительно, как я не заметил этого раньше: ведь они были здесь с самого начала. Да и сейчас, кажется, никто, кроме меня, их не замечает. Душа рвется к речному камышу — и не переставая думать о нем, я по-прежнему плетусь за вереницами. «Там, за камышевой изгородью, есть другой мир, ясный и спокойный — и я знаю его, и никто, кроме меня, не знает» — и я плетусь за вереницами дальше. Все же глаза непрерывно следят за камышами.

Что за диво! Сквозь разреженные несплошные участки и небольшие проломы в камышевой изгороди мелькает мне отражение кого-то Загадочного в речной воде. Он одиноко сидит за изгородью, в траве, на берегу светлой речки, спиной к камышам, и лицом к спокойной и ясной воде. Шум и гам верениц, проходящих по эту сторону, видно, не доносится до него, словно, весь он погружен в иной далекий мир. Как пригвожденный к месту, сидит он лицом к зеркалу вод, и не двинется, не шевельнется. И все-таки, как я ни ухажу, ни отдаляюсь от него, — он тут. Его темное отражение мер-

цает мне издали сквозь сеть камышей из каждого нового пролома, словно сам он, и тихая речка, и весь окружающий их мир бесшумно и незаметно провожают меня, двигаясь чуть-чуть, расстояниями неуловимыми для глаза — как луна в речной воде. Кто он, этот Загадочный? Неужели я его совсем не знаю? Никогда не бывал с ним? Ведь он так близок мне, моему сердцу! Ведь мы с ним сходны во всем! Будь что будет, я должен выбраться отсюда и тотчас же бежать, укрыться в том чистом спокойном мире, за зеленой завесой! Тот берег, та чистая светлая речка — они ведь мои родные места, и я жил когда-то там, давным-давно. И все-таки я по-прежнему плетусь за вереницами все той же дорогой, дальше, дальше, дальше. Меня поглотили тучи пыли, на меня обрушился неистовый гомон. А я все иду и отдаляюсь, все отдаляюсь, все отдаляюсь, и иду. Где речные камыши? Их больше нет! Я оставил их позади себя со всем тем светлым миром, с чистыми речными водами и с Загадочным, неизменно сидящим на берегу. Вдруг меня осенило, и сердце оборвалось в груди: этот Загадочный, оставленный мною на берегу реки — это я, я сам! Никто другой, как я!

Я рассказал свой сон, а истолковать его может разве только Бог. Оставим пока Загадочного, пусть сидит себе одиноко на прежнем месте. Мы не нарушим его покой. Кто знает, быть может, мне еще случится увидеть вновь его отражение сквозь какую-нибудь щель. А до тех пор — что ж делать? — буду плестись дальше по глубокому песку, в толчее ярмарочных верениц.

Перевод Тамары Должанской.

ХАИМ НАХМАН БЯЛИК

(Из статьи В. Жаботинского)

Хаим Нахман Бялик родился в 1873 году на Вольни. Отец его был бедняк и служил у арендатора надсмотрщиком лесного участка. Семи лет Бялик остался сиротой. Мать занялась мелочной торговлей в разнос, а по ночам вязала чулки на продажу. Есть было нечего. Дед с отцовской стороны согласился принять Хаима Нахмана на воспитание. Как отец, так и дед были талмудистами.

Учителя были им довольны. Он оказался способным и понятливым и легко усваивал труднейшие места Мишны. Когда мальчику минуло 13 лет, было признано, что учителям больше с ним нечего делать. Тогда он стал заниматься в Бет Гамидраше. В свободное время он все больше увлекался книгами «просветительного» содержания. 15-ти лет Бялик окончил в знаменитом воложенском ешиботе. Там он показал себя очень способным к Гемаре. С помощью сверстников он выучился читать по-русски. Первой книгой на русском языке, которую он прочел, были стихотворения Фруга, они произвели на юношу громадное впечатление.

В 1891 году в газете «Гамелиц», издававшейся в Петербурге, появилось его первое произведение — статьи палестинского содержания под заглавием: «Идея колонизации». В это время товарищи уже смотрели на Бялика, как на будущего писателя. Среди его набросков имелись вполне законченные вещи, как например стихотворение «К ласточке», которым он вскоре дебютировал в качестве поэта. 18-ти лет он решительным шагом вывел свою жизнь из рула, по которому она была до тех пор направлена, и без ведома родных, без денег и без связей очутился в Одессе. Здесь он познакомился с писателем И. Ровницким, который и напечатал его первое произведение в сборнике «Гапардес».

Дальнейшая жизнь Х. Н. Бялика может быть рассказана кратко: по внешним событиям она похожа на множество других жизней, на жизнь любого еврейского бедняка и автодиакта. В Одессе он терпел и голод и холод; впрочем тамошние писатели ему покровительствовали, доставали ему платные уроки еврейского языка, дали возможность выучиться немецкому. 19-ти лет он женился и занялся лесной торговлей, потом переехал в Польшу. В 1900 году он опять поселился в Одессе, где с небольшими перерывами жил до переселения за границу. Одно время он редактировал беллетристический отдел ежемесячного журнала «Гашиолах», затем организовал вместе с И. Ровницким книгоиздательство «Мория», которое приобрело репутацию одного из серьезнейших факто-

ров развития еврейской литературы.

К началу мировой войны Бялик был наиболее признанным еврейским поэтом как на иврите, так и на идиш. Большевицкая революция едва не стоила Бялику жизни. Офицеры денкинской армии хотели его расстрелять, как родственника одного из большевиков, но неожиданное появление генерала спасло его. В 1921 году Бялику удалось с большим трудом пробраться за границу. Он жил несколько лет в Берлине, где продолжал заниматься издательской деятельностью в издательстве «Двир». В 1924 году он переезжает на постоянное жительство в Палестину, и поселяется в Тель Авиве. Его особняк, находящийся на улице его имени, стал центром культурной жизни палестинского еврейства.

Бялик уже давно страдал от болезни почек, и летом этого года* поехал в Вену для операции. Операция прошла довольно удачно, но в ночь со среды на четверг, 5-го июля Хаим Нахман Бялик неожиданно после сердечного припадка скончался.

Основное содержание поэзии Бялика — это обожание солнца, природы, жизни — жизни обожаемой, иногда похожей на ясную радость, иногда на мучительную жажду; преклонение перед книгой, святой книгой с ее пятнами воска и сала, с ее ароматной стариной быта, с ее преданиями о погибшем величии; и, наконец, или прежде всего, слезы, слезы разной крепости и разного состава, от явных слез

уныния до затаенных, ядовитых слез нестерпимого гнева.

«Свиток о пламени» одна из знаменитейших поэм; эта поэма о роковой неполноте национального народа в изгнании. Со дня, когда была утрачена независимость, а за нею родина — со дня, когда на разрушенном алтаре загорелось святое пламя, — символ полновесной, многоцветной жизни, — еврейский народ ограничил свое бытие суровыми и тесными железными гранями.

Все, что есть роскошь жизни, было изгнано из национального обихода: изгнана любовь, изгнана радость, изгнано творчество, изгнано все то красивое, сверкающее, полнокровное, что Бялик объединяет в символе женщины, женственного начала. Жизнь стала подобна каменистому пустынному острову. Только этой ценой мог безземельный бродяга сохранить остаток того, что есть высшее сокровище каждого племени, — остаток свой самобытной личности, последнюю прядь от догоревшей «гривы огненного льва».

И вот на почве этой двадцативековой борьбы между радостью бытия и суровой миссией самосохранения, развивается у Бялика великая трагедия современного еврейства — нецельно, двойственно, сумеречная шаткость и зыбкость еврейской души.

Из двух основных элементов складывается жизнь гетто, из слез и «Книги», из горя житейского суровой дисциплины духа. Солнца, солнца в широком смысле нет в этой жизни. Отсюда и родилась жажда света и счастья, та жажда, которая, постепенно

* Статья написана в 1934 году.

расширяясь, углубляясь, обобщаясь, вылилась в многообразном еврейском мятеже, ознаменовавшем последние десятилетия. У одних это был мятеж против вечного насилия, у других — против несправедливости мирового строя, у третьих против нищеты и наготы родного племени; но у всех революционеров, социалистов, сионистов, — это был в сущности тот же мятеж против жизни, заклеянной Бяликом «Жизнь без надежды, затхлой, топкой, грязной — жизни пса, что рвется на цепи голодный...».

Бялик тоже мятежник, но в другом смысле. Его мятеж глубже, его молот бьет не по внешнему врагу: Бялик игнорирует внешнего врага, не снисходит до упоминания о нем, а когда уж необходимо, отделяется от него двумя словами, полными непередаваемой брезгливости. Мятеж Бялика направлен вовнутрь, удары его бьют по еврейской голове и еврейскому сердцу. В его глазах нет виновного, кроме самого еврейского народа: он виновен, потому что терпит, потому что соглашается страдать. Этим мятежом против себя, восстанием против собственного рабства духа, отмечена у Бялика одна категория произведений под названием «Песни гнева». Это невыплаканные слезы, скороненные в глубине, перегоревшие, ядовитые.

Бялик подходит вплотную к самой печальной, самой малодушной, самой жалкой стороне еврейского упадка: к ассимиляции. Рост поэта слишком велик для обычной полемики против людей, или партий: он трактует ассимиляцию с высоты, как

судья, а не как противник и охватывает всю глубину этого уродства с редкой остротой анализа, обличающей в авторе мыслителя, почти вровень с ростом поэта. Он не останавливается на видимых признаках болезни, как утрате национального языка, или забвения национального прошлого. Он подходит прямо и непосредственно к самой душе ассимиляции, вскрывает и расчленяет без жалости эту маленькую съезжившуюся душу — и не находит там ничего, кроме самого безграничного из унижений.

Что особенно его поразило, это — искренность рабства, рвение и усердие не за страх, а за совесть. Это не просто порабощенный человек, несущий ярмо по принуждению, — это раб сознательный, раб с удовольствием, охотно целующий руку.

«Величайшей из казней Божьей» называет Бялик эту извращенную черту, эту способность внутреннего приспособления к неправде, это умение «отрекаться от собственного сердца»:

Служите камнем чужбины
с упоением, с жалкой
любовью.

В раболепно-усердном поте,
Пожирающим ваше тело,
в муках, истекая кровью,
Вы впридачу душу даете.
Строите новый Рамзес,
попирающим вас

фараонам.

И кирпичами служат ваши
дети:

И не слышите хруста детей,
и не внемлете жалобным
стонам,

Зачарованы свистом плети.

Особенно это последняя жертва, заклание младенцев на чужом алтаре, подымает бурю отчаяния и горечи в душе поэта и решительно нечего прибавить к его безотрадному пророчеству, которое в сущности давно уже сбылось:

И если родится среди вас
орленок с орлиным взором
Вы его прогоните сами;
И потом воспарит орел к
красоте, и лучам и
просторам —
Но не для вас, и не над
вами...
...Так все лучшие ваши
уйдут по чужой дороге,
И бездетным оставят
жилище,
Оскудеет ваш шатер, и
станет в вашем чертоге
Безобразно, тоскливо и
нище...

Это было написано в 1905 году...

7-го апреля 1903 года разразился кишиневский погром и показал воочию, с кровавой осязательностью, как невероятно глупо была на самом деле пропасть между предками и эпигонами. Тогда Бялик обрушил на склоненное темя своего народа самую ужасную страницу, какую только знает еврейская литература после пророков — он написал «Сказание о погроме».

В Кишиневе история подвергла перерождающееся гетто большому испытанию, страшному испытанию на зрелость. И перерождающееся гетто провалилось на испытании, жалостно, постыдно и ужасно. Его дети оказались еще не подготовленными

к открытой борьбе, у них еще не оказалось ни отваги для отпора, ни гордости для того, чтобы скрестить руки и ждать смерти на пороге своего дома...

Тогда Бялик бросил в лицо своим обесчещенным братьям «Сказание о погроме» и открыл им, что это за чувство имени, которого они не знали, — это был позор. Более, чем день траура, то был день срама: вот основная мысль этого удара молотом в форме поэмы. Она в художественном смысле далеко не лучшее у Бялика.

Она не может похвалиться ни такой скульптурной чистотой образов, как «Мертвецы пустыни», ни такой роскошью красок, как «Зори», ни такой глубиной поэтической концепции и кристаллической обработанностью языка, как «Свиток о пламени». Но это — одно из тех редких литературных произведений, которые кладут печать на свою эпоху.

Важный и трудный момент еврейской истории, на переломе двух эпох, историческая роль выпала Бялику. Только на час, но часа этого мы никогда не забудем.

Бялик отказывается от какого бы то ни было служению кому бы то и чему бы то ни было, Для него еврейский народ не только самоцель, но и больше того: над свежими гробами братьев, прямо в лицо всем пляшущим «на празднике чужом». он провозглашает, что благо родного племени есть для него единственное есправданье мира, единственный смысл бытия и вселенной и вне этого

блага все для него ложь—и прогресс, которым мы лишь одни не воспользуемся, и «солнце правды», которого мы лишь одни не увидим.

Но освобождение мира есть ложь и гадкая насмешка, если мы должны быть раздавлены под колесами чужого счастья; и величайший праздник будущего, о котором грезят лучшие борцы человечества, будет тогда в глазах поэта наглым пиром на нашем кладбище...

—
Личная жизнь Хаима Нахмана Бялика могла бы сама послужить канвой для большей поэмы, не потому, что события этой жизни были так необычайны, а потому, напротив, что они так обычны, так характерны для той среды. Вся жизнь гетто в эпоху его распада отразилась бы в этой поэме. Но совокупность собственных произведений Бялика можно рассматривать, именно, как такую поэму. Тогда нам станет особенно понятен их смысл и внутренняя связь. Тогда нам станет понятно, что Бялик — национальный поэт в полном

и высшем смысле этого слова, национальный даже там, где ему поется о солнце и любви. Ибо он написал только то, что пережил, а жизнь его была во всех его делах и днях, отражением и повторением коллективного бытия еврейской улицы в последнюю четверть XIX-го века и начала XX-го.

Бялик является также одним из лучших прозаиков новой и древне-еврейской литературы, Бялик также был критиком и публицистом. Его дорога к науке — была дорогой к еврейским сокровищам мудрости. Он считал своей задачей возродить древне-еврейский классицизм. Он восстановил перед нами ренессанс еврейской поэзии средневековья. Большую роль сыграл Бялик в качестве переводчика. Он перевел на иврит «Дон Кихот» Сервантеса, «Вильгельм Тель» Шиллера, и мн. др. Он также показал себя мастером не только иврита, но и идиша.

С его смертью ушел вождь еврейского культурного возрождения.

3. ДУБНОВ

ПИСЬМО К М. С., В РОССИЮ

Есть время любить и время
ненавидеть... время собирать камни
и время их разбрасывать... и на
крúги свои возвращается ветер.
(Экклезиаст).

Вряд ли ты хоть когда-нибудь
сможешь прочесть
эти нервнобегущие строки.
Истекло наше время любить,
истекло,
все меж нами просрочены сроки.
Многогочия все
превратились в точки,
все стали неважны причины...
Суждено было мне
поневоле отпраздновать
нашу с тобой годовщину.
По дороге
на скорости семьдесят миль
(это больше, чем сто километров),
Задремав за рулем,
в обреченной ночи
я нечаянно спасся от смерти.
Что ж, пусть будет в другой раз.
Как ветер судьбы,
на свои возвратившийся крúги,
Я не связан ничем на земле,
и пусты,
бесконечно пусты мои руки.
Как я нищим пришел в этот мир,
так уйду от него
над недобрým ноябрьским рассветом,
Никому — лишь себе задолжав,
ничего не купив — не продав,
но оставшись поэтом...
Сколько нас разделяет
вокзалов и взглядов —
ты даже представить не можешь!
Умирают года,
только крúги все те же,
как небо над нами все то же.

Только прошлоосенние

желтые листья

мою устилают дорогу,

Пронесенные ветром

сквозь кладбища лет и веков,

как дыханием Бога...

Я вхожу, одиноко,

в эту новую осень

чужим неуверенным шагом.

Возвращается вечности ветер

на веси, на выси,

и бродит, как брага.

Блудный сын,

возвращается ветер к вершинам

и там над увиденным плачет...

Это я

возвращаюсь от жизни к себе

и глаза виноватые прячу.

Приговор,

возвращается ветер

последним ответом на все вопрошенья.

Это время пришло,

чтоб разбрасывать камни и ждать,

собирая прощенья.

ноябрь, 1971 г.

Нью-Йорк — Бостон.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ НАРОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Ночь, ах, ночь Иудей, ах, звездная ночь,
Как проникнута ты, как обласкана близостью Бога!..
Ах, пастух-пастушок все не может себя превозмочь,
Отвести свои очи к земле от небесного ока.

Сколько звездных глубин, сколько тайн в этом небе ночном,
Их не меньше, чем в стаде голов, даже больше, пожалуй,
Ах, пастух, берегись, ты заснешь заколдованным сном,
Осмотришь, не смотри, как по небу звезда побежала.

Осмотрителен будь, не смотри, как мигает звезда,
Не мечтай, как влюбленный Иаков мечтал о Рахили
Двадцать сотен ночей, погоняя Лаваньи стада
На равнинах Арама, чужих, славно идолы, или

Словно странность, нелепость обычаев там, в том краю.
С той поры столько лет уж прошло, сколько стад к водоюю...
Не мечтай же, пастух, позабыв про заботу свою,
Не вздыхай, и душой не гонись за упавшей звездою...

Волки жадною стаей вокруг стада, смыкаясь, кружат,
Как русалочьей песней, свирелью небес зачарован,
Ты не можешь услышать предсмертного крика козлят,
Беззащитных, как к небу воздетые руки Нова...

Пробуждаться тебе слишком поздно. Взмолился же о том,
Чтоб Он сделал тебя, Животворным Дыханием вея,
Не столбом соляным, а усыпанным звездами сном,
Чтоброшен в ночи покрывалом на лик Иудей.
Август, 1972 г. военный лагерь. «Б'ад Арба», Бейт-Эль.

Ю Л И Я Ш М У К Л Е Р*

Ч У Д О

Однажды Бог явился мне и сотворил чудо. Конечно, как-то трудно представить себе, чтобы столь грозный, мстительный, со всклокоченными сединами старец, каким является Адонай (в Библии его имя заменено двумя почтительными черточками) мог заинтересоваться такими пустяками, как четырехлетняя девочка в детском саду при картонажной фабрике имени Розы Люксембург. Тем не менее, чудо произошло; мне остается только рассказать о нем, честно и правдиво, чтобы другие тоже могли надеяться; а кроме того — для учета, ибо чудес-то настоящих — раз, два, и обчелся, а мое, между прочим, не из худших.

Род мой со стороны отца был великолепен.

Прадед, реб Бенци, управлял именьями польского графа, так и хочется сказать — Потоцкого. Суть, конечно, не в Потоцком, а в том, что реб Бенци управлял имением один, руководствуясь в основном Библией и Талмудом, и держа в голове двойную бухгалтерию, дебет-кредит, а также все, что могло понадобиться впредь. По нынешним понятиям, на это потребовался бы небольшой главк с райкомом впридачу, и через пару лет Потоцкий ходил бы с шалкой по вагонам. Реб же Бенци, как крупный администратор, не только умножил чужие богатства, но и себя не забыл — потому что хорошие дела требуют денег, а реб Бенци любил делать хорошие дела.

* Оба рассказа математика Юлии Шмуклер были получены редакцией до приезда автора в нашу страну.

Каждый, кто хотел есть, мог зайти в его дом и сесть за общий стол. Каждый, кто нуждался, мог попросить у него денег и получить их. Он давал приданое бедным, но добродетельным девушкам, содержал вдов, и сирот и платил за их обучение (сирот, разумеется).

Поэтому известен он был как «святой реб Бенци», и через полвека после его смерти, на семинаре по расширению возможностей автоматов (бывает такое), совершенно православного вида гражданин, уставший от тяготины, которую нес докладчик, спросил меня: «Правда, что у тебя дед был святой?».

И я ответила: «Правда».

Это память о реб Бенци таинственными и окольными путями добралась из местечка Мосейки за тысячи верст в напыщенное и бездарное здание, где все ревностно расширяли свои возможности, и зеленым огоньком зажглась в моей груди.

Деньги свои реб Бенци практически роздал, и сын его, реб Эля, мой дед, был мечтатель, композитор и музыкант. Главная страсть его горела в коричнево-золотом теле скрипки, на которой он выучился играть самоучкой — и играл так, что из всех, самых отдаленных местечек, собирались евреи и плакали, слушая его. Заправляла домом бобе Фрейде, его жена, здоровенная и очень серьезная женщина, и она-то родила моего отца, который был совсем уж ни на кого не похож.

В восемь месяцев он пошел, в два года — скакал верхом, в три — поехал на корове, держась за рога. Корова с перепугу понеслась в хлев и изо всей силы трахнула отца о низкую притолку. Бобе Фрейде осмотрела его, выпорола, когда он пришел в себя, вожжами, запрягла коня и, гикая, сама отвезла сына к доктору — у мальчика была сломана рука. Коня бобе Фрейде загнала — так она торопилась.

В пять лет отец упал в колодезь, в десять — один, зимней ночью, стоя в широких розвальнях и нахлестывая обезумевшую лошадь, ускакал от стаи волков, бросив им шапку и рукавицы. Если бы лошадь споткнулась — они оба пропали бы. Но лошадь не споткнулась. Ничего такого не случилось, что могло бы загнать в землю вольную эту душу, хотя поводов было больше, чем достаточно, и отец вырос высоким, стройным, с мощной грудью и тонкой талией. И всегда он был весел и светел, как вечерняя заря — и драться умел поразительно.

В 14 году он один сцепился с четырьмя подвыпившими русскими парнями, защищая честь скромной еврейской девушки, жених которой убежал в кусты при первом намеке на опасность. По свидетельству жениха, наблюдавшего драку издали, парни у отца летали «как галушки».

В 16 году в городе Киеве, не имея права жительства, будучи дезертиром и без копейки в кармане, отец сажился в трамвай, когда его схватил за воротник жандармский полковник: «Стой, жидок, ты куда?».

И отец развернулся и дал ему в зубы — этим его поступком я горжусь, как гордятся в каком-нибудь английском роду пожалованием рыцарства за научные заслуги. Когда собралась толпа, отец сбежал и поехал жениться на моей маме (свадьба была назначена на следующий день), которая из-за него ушла из дому и всю жизнь обожала — да и с кем, собственно, можно было его сравнивать?

А что за жизнь для него началась, когда он сел за руль машины! Он догонял на машине поезда, и падал на машине в пропасть, и раз на него наехал паровоз — мама в ужасе закрывала глаза и молилась, а ему хоть бы что, он только бахвалился и смеялся, и даже советская власть ничего не могла с ним поделать — по крайней мере, на первых порах.

В 37 году, когда в местной газете нашего городка появилась статья «Остап Бендер в Укрлеспроме», посвященная отцу, он не стал дожидаться, пока его возьмут, а уволился и мотанул в Москву. Сперва он ночевал на вокзалах, а потом устроился в какой-то захудалой конторе — и даже начальником: русских интеллигентов советская власть давно искоренила, и вынуждена была пользоваться евреями, которые в силу природной живости и склонности к энтузиазму тянули самые безнадежные дела. Старый дом с сиреневым садом отец сменял на комнату в коммунальной квартире и забрал в Москву, семью: жену, сына и дочь, двадцатилетних, и меня, двухлетнюю.

Я родилась также в результате некоторого странного случая: ночью, во сне, моей маме явились святой реб Бенци и реб Эля, оба к тому времени покойные, и очень просили, умоляли родить им еще одного ребенка, причем обещали мальчика с голубыми глазами. Старик знал, что говорили. Мамины дети рождались с карими, а у отца были голубые глаза — и мама всю жизнь мечтала о сыне с голубыми глазами. К тому же она сильно уважала обеих дедов, а перед реб Бенци просто трепетала.

Папа и дети-студенты были в ужасе от маминого мероприятия, но кроткая кареглазая мама один раз в жизни настояла на своем — и, конечно, прокинулась — родила в сентябре 36 года девочку с карими глазами. Знакомые хихикали — все это было безумно неприлично — а брат отказывался даже находиться со мной в одной комнате. В Москве, поскольку комната была единственная, его претензиям пришел конец, да и ситуация переменялась: я уже была пупом мироздания, всеобщей любимицей, веселой и смышленной; я пела, плясала, читала стихи — и меня баловали до невозможности, умирали надо мной со смеху, удивляясь, как это раньше они могли жить без меня.

Даже соседи по квартире, Акардий Иванович, как я звала его, и Екатерина Федоровна, обожали меня (детей у них не было), заманивали в свои полутемные комнаты и развращали пирожными. Екатерина Федоровна была лет на десять старше Акардия Ивановича, но оставалась еще очень свежей, полненькой блондинкой с бледно-голубыми глазами на выкате и немецким фарфоровым лицом. Акардий Иванович, наоборот, был высокий, темный и у него часто болело сердце. Зарабатывал он на жизнь малеванием портретов вождей масляными красками. Однажды я забралась к нему под стол, где подсыхал очередной вождь и, как могла, разукрасила его, в оранжевых и лиловых тонах, насколько мне помнится. Акардий Иванович чуть не умер от ужаса — утром вождя надо было сдавать — страшно кричал и топал ногами, а я редела, и меня отмывали керосином. После этого он звал меня не иначе, как «свинья-художница», и любил пуще прежнего.

В один из приступов Акардий Иванович упал на улице и слег надолго. Екатерина Федоровна преданно ходила за ним, а потом стала просить отца устроить ее на работу: надо было кормиться. Шел 39 год, война с белофиннами. Трудность заключалась в том, что специальности Екатерина Федоровна не имела, до этого не работала, и часть дня должна была находиться дома, чтобы присматривать за Акардием Ивановичем. Отец нашел поистине соломоново решение — взял ее в свою контору курьером, так что она всегда могла поехать с каким-нибудь поручением и по дороге завернуть домой.

И вот тут удача покинула отца. Рано или поздно, этого, конечно, следовало ожидать, но все так привыкли к его неуязвимости, так верили в его счастливую звезду, что совсем перестали бояться — а отец, тем временем, был уже обречен.

Попался он, конечно, на добром деле.

В лучших традициях деда Бенци отец организовал на своей работе снабжение сотрудников дешевыми продуктами: раз в месяц экспедитор собирал со всех деньги и на казенной машине отправлялся подальше от Москвы, за картошкой, маслом и крупой, благодаря чему еще тлела жизнь мелких строителей коммунизма (социализм, как известно, был уже выстроен). Настоящий, смертельный голод настал позднее, во время войны с немцами, но и тогда было уже достаточно плохо, чтобы сотрудники очень дорожили своими харчами и на разные лады выражали отцу признательность.

Тем не менее, кто-то не удержался и направил в соответствующие инстанции скромное письмо с вопросом: а позволительно ли в наше советское время такое безобразие? И не наживается ли, упаси бог, начальник на разнице цен?

Отец, предвидя подобные сомнения, никогда не заказывал продуктов для себя и участия в дележе не принимал. Однако, была организована авторитетная комиссия, которая вскоре получила ценное признание: нашелся человек, который подписал заявление о том, что отец лично продал ему бутылку подсолнечного масла по цене, вдвое выше государственной.

Этим человеком оказалась Екатерина Федоровна.

Почему она это сделала? Никто так и не смог объяснить мне; мама говорила — из зависти. Одной вещи Екатерина Федоровна все же боялась — чтобы Акардий Иванович не узнал и не ушел из дому. Это были подсознательные страхи, бояться, в сущности, было нечего — она знала, что мама никогда не скажет Акардию Ивановичу, только-что выжившему, больному. Она была настолько уверена, что когда утром, после того, как взяли отца, мама, шатаясь, вышла на кухню, она сказала холодно: «Сегодня ваша очередь» — и мама мыла в тот день места общего пользования и коридор.

Страшная была ночь, когда забирали отца.

Часа в три меня разбудили, вытащили из кровати, и те, кто делал обыск, какие-то военные, в хаки, стали рыться в моей постели —

искали драгоценности. Шкаф распахнул свои дверцы, сверкая желтыми внутренностями — все было выброшено, измято, валялось кучами на полу. На кучу наступали ногами — и ничего. Середину стола занимало вещественное доказательство — три куска хозяйственного мыла. Это было все, что нашли у нас. Рядом, в сереньком дорожном пиджачке, скрывавшем его широкие плечи, стоял отец — и меня поразило, какой он молодой и печальный. Он не поднимал глаз, а рядом, в двух шагах, мама, тихо заламывая руки, все время звала: «Исаак... Исаак...» — тоже, очень тихо, чтобы разрешили. Брат и сестра стояли молча, в одном углу, а я почему-то была одна и все происходящее навеки отпечатывалось на дне моих широко раскрытых глаз.

Потом сказали: «Можете прощаться», и мама бросилась к отцу, и начала страстно его целовать — господи, какая у них была любовь, я только теперь понимаю — отец обнял нас по очереди, сына по-мужски (брат старался не плакать), а меня долго прижимал к себе, и целовал, и говорил, чтобы я его помнила, не забывала, а я шептала, что всегда буду. Потом он отдал меня сестре, ему заложили назад руки — и увели.

И вступило в наш дом горе, все стало черным.

Древним, обреченным движением мама надела на себя черную шапочку, надела прямо, не заботясь, идет это ей, или нет; застегнула черное пальто — и я понимала, что так надо, что она хоронит себя и всегда теперь такая будет — черная, сухая и каменная. Я боялась ее, боялась ее черной шапочки, а она каждое утро будила меня ровно в шесть, когда за окном еще стояла ночь, раздражаясь, одевала меня при электричестве и без четверти семь, чуть только начинало промозгло сереть, мы выходили из дому и молча шли к метро, и молча ехали в переполненных, грохочущих вагонах, с пересадками, среди таких же, как мы, черных, отчаявшихся людей, и очень важно было занять место, сидеть, а мама все молчала, и я знала, что так теперь будет всегда.

Без четверти восемь она сдавала меня в детский сад, а сама шла на фабрику, склонив голову в черной шапочке; я целый день ждала ее в этом проклятом детском саду, и вечером она приходила за мной, и мы опять мчались, и все кругом грохотало, и мне казалось, что я с ума сойду от этого грохота, и надо было опять занять место, чтобы сидеть, чтобы выжить, и черные мокрые пальто мазали меня по лицу. Я так уставала, что дома сразу же валилась в кровать — а утром все начиналось сначала, и мама не замечала меня, и впереди было метро, и грохот, и день ожидания.

Меня не любили в детском саду.

Я была какая-то чужая, меня не брали в игры и дразнили. Воспитательницы явно знали насчет отца и были холодны. И я потеряла всю свою бойкость, я забыла все песни, все стихи, все сказки Пушкина, которые до этого знала наизусть — и

про царя Салтана, и про Балду, и про мертвую царевну («И встает она из гроба, Ах! и зарыдали оба») — и я целый день сидела одна, на скамеечке, и шептала себе придуманный разговор, в котором все обстояло очень хорошо. «Что ты корчишь свою физиономию» — сказала мне раз директриса, проходя мимо, и я долго считала, что «физиономия» — ругательство, и мне стыдно было рассказать дома, каким словом меня назвали.

Кормили в этом саду тушеной капустой — на завтрак, обед и ужин, так что я на всю жизнь возненавидела рыжий цвет и запах этого варива, и даже сейчас содрогаюсь, стоит мне его учуять. Есть я капусту не могла — и не есть тоже не могла — не было ничего другого; я давилась кислыми листьями и вспоминала, что отцу положили в передачу твердое розовое печенье. (Я не просила, они сами дали мне кусочек). Но еда, как я понимала, это не главное. В жизни главное — чтоб любили, чтоб принимали в общую игру, чтоб уважали. И я так мечтала, так хотела выдвинуться в этом детском саду, что пробовала хорошо вести себя, быть лучше других, никогда не жаловалась и не плакала. А кругом все бегали, дрались, кричали и ябедничали — и их любили больше. Я просто помешалась на идее выдвигания, и ясно было, что добром это не кончится.

Однажды, когда я сидела на скамеечке, вошла воспитательница с книжкой — и я сразу узнала обложку. Это была одна из тех книжек, которые мне читали в моей прошлой жизни, и все эти книжки я знала наизусть. И вдруг, в одном мгновенном приступе вдохновения я поняла, что надо делать; сердце мое забилось и встало, а вслед за ним со своего сидалища позора встала и я. «Я могу ПРОЧЕСТЬ эту книжку» — сказала я твердо, и во время этой величественной лжи мне стало легко и свободно.

Все посмотрели на меня, никто из нашей группы четырехлеток не умел читать, никому и не снилось это волшебное умение — и вот, нате вам, последние станут первыми! Даже воспитательница отнеслась благосклонно — и все случилось так, как я хотела: ребята сидели вокруг меня на маленьких белых стульчиках, а в центре находилась я, и прекрасно декламировала стишки, переворачивая страницы в нужных местах — потому что я знала все картинки, и знала, что под какой написано — и все благополучно, лучшего и желать нельзя.

Меня хвалили, и поставили в пример, и я целый день играла с уважаемыми людьми, и меня выбирали в некоторых играх — господи, как это было сладко! Назавтра повторилось то же самое — опять принесли знакомую книжку, и я опять прочла ее наизусть. Я не могла нарадоваться на свое изобретение; будущее мое казалось обеспеченным. Я и думать забыла, что может найтись такая книжка, которую я не знаю.

Поэтому, когда на третий день меня позвали читать, и все побежали ставить стульчики, я спокойно, как важная персона, подошла к воспитательнице — и вдруг мир рухнул! ЭТОЙ книги я никогда не видела! Стульчики уже были расставлены, и мой особо — в середине, а я знала, что все кончено, что судьба одним ударом разразила меня, что

лучше бы мне никогда не родиться или умереть сейчас же. Стены плыли вокруг в молочном тумане, язык пересох, душа, оглушенная, замерла.

Тело мое, между тем, двигалось к центральному стульчику и держало в руках книжку. «Зачем я иду?» — думала я. — «Надо сказать, и все. Сейчас же, потом еще хуже будет». Между тем, я шла. И села. «Зачем я сажусь?» — думала я. — «Ведь все равно спасенья нет».

Муки мои были невыносимы; я трепыхалась, как немой карась, осознавший, что он на крючке, и каждым движением загоняющий крючок еще глубже. Времени совсем не оставалось, потому, что руки уже открыли первую страницу. «Бог, — вспомнила я — бог...» Я твердо знала, что бога нет, но это был не из тех моментов, когда выбирают.

Я раскрыла рот, чтобы сказать, чтобы признаться и покончить с этим делом — глаза мои упали на строчки... и вдруг я услышала свой голос, который ровно и спокойно произносил то, что было напечатано, в том темпе, в котором я читала наизусть, в котором читаю сейчас! Одна моя половина читала, а другая с ужасом и восторгом слушала, и окрестности были залиты белым дрожащим светом. Я читала страницу за страницей, как в счастливом сне, и никто не знал, что происходит — а я с удивительной отчетливостью видела черные буквы текста, картинки, необычайно яркие, и себя, со стороны, и всех ребят сразу. Свершалось чудо, свершалось мое спасение — и в то же время жутко было быть говорящими устами, чьими-то, неведомо кого.

Наконец, книжка кончилась. Свет померк, ребята разошлись, а я сидела одна, не в силах встать — ноги были бумажно-ватные; сидела пустая, как покинутое жилье, с грузом нового знания, которое ощутимо копошилось в моих мозгах, укладываясь; и думала — что вот, бог, оказывается, существует и как все это странно. И бог, кажется, любил меня — хотя я еще была напугана его недавним присутствием и в воздухе таились следы озона, как после грозы. Но главное ощущение было — невозможность пошевелиться.

Дома, перед сном, я вдруг испугалась, что разучилась читать, и, как была, в трусиках, подскочила к этажерке и вытащила взрослую книгу. Я раскрыла ее наугад, и передо мной встала ясная и отчетливая фраза: «Ее правая грудь была обнажена». Буквочки очень мельчили, но фраза прочлась вся, как единое целое, хотя и оставалась непонятной. Что означало «правая грудь», или «левая грудь»? Грудь у человека имелась одна—я посмотрела на свою—она представляла собой дощечку, обтянутую гусиной кожей.

Удивляясь автору и радуясь, что чтение не ушло от меня, я заснула в ту ночь легко и спокойно, сознавая, что меня охраняют, и если понадобится — спасут.

НОВЫЙ ЛЕВИН

В казенной застиранной рубашонке с черным клеймом «53 родильный дом», едва прикрывающей пузо, в огромных шлепанцах, шаркающей походкой, Женька подошла и остановилась в дверях предродилки. Халат свой она только что отдала, и с ним исчезла последняя возможность вернуться домой. В таком виде можно было находиться только здесь.

Большая палата с тесными рядами кроватей была залита жарким электрическим светом и набита роженицами и врачами в белых халатах. Рожали шумно, с криком и как бы даже со свистом. Рожать — означало лежать на кровати, задрав одеяло и выставив голые ноги — что было одновременно бесстыдно и смешно — и кричать. Все вместе немного напоминало баню. Здесь женщины должны были терпеть до последнего момента, а потом их вели через коридор, в собственно родилку, где принимали детей.

Кричали вещи глупые и несуразные, про которые и не поверишь никогда. Одна, молодая и полная, с черной косой, откинув белую ногу, кричала в потолок: «Ой, мамочка моя, мамочка! Помирает твоя Тамарочка!». Внимания на это никто особенно не обращал. Наверное, это был некий ритуал — кричать про мамочку. Чтобы подошли, нужно было что-нибудь пооригинальнее — про папочку, например. Женька смотрела на Тамарочку во все глаза, благо кровать стояла против двери. Сама она еще дома решила, что кричать не будет, и теперь для нее очень важно было — как кричат, и почему.

Тамарочка смолкла, встретилась глазами с Женькой, улыбнулась смущенно. «Как прихватит, — сказала она, — так и не знаешь, чего кричишь». Она еще мирно полежала, отдыхая, потом опять завела в сторону ногу и взвыла: «Ой, мамочка!».

Крики прокатывались по палате волнами — одна какая-нибудь начинала, другая подхватывала, после чего шла массовая истерика. Тогда врачи сами начинали орать: «Женщины, как вам не стыдно! Собственным детям вредите!».

Дети задыхались, когда матери кричали. Следовало лежать тихо и дышать глубоко, чтобы по пуповине непрерывно поступал кислород, и ребенок, мучаясь, все же мог лезть и протискиваться дальше.

За состоянием детей следили студенты: симпатичные девочки, мальчики с усиками и два негра. Они подходили к роженице, поднимали рубашу, открывая несуразный, четырехугольный живот, и прикладывались к стетоскопу. Мальчики ходили по одному, девочки — для уверенности — по двое. Негры тоже ходили парой, тихо переговариваясь на своем языке во время осмотра. В глаза женщинам они не глядели; в глазах было очень сложно: отвращение, стыд, ненависть. Одна, постарше, смотреться не далась, злобно плюнула вслед и обозвала. Негры удалились тихо, не поднимая глаз; тоже между собой поговорили. Ходить по одному им было бы труднее.

Внезапно женщина справа от Женьки, заслоненная белыми спицами, забила в таком диком, захлебывающемся визге, что у Женьки сердце остановилось. Это было всерьез. Толпа расступилась — Женька мельком увидела смуглое, совершенное голое тело с большими продолговатыми грудями — и женщину провезли мимо нее, прямо в кровати; студенты повалили за ней, как адская свита — смотреть, что надо делать в подобных случаях.

В палате стало просторно и тихо. «А, еще пригнали, — сказала Женьке пожилая акушерка, добрая на вид. — Ну, иди, ложись... сюда, что ли». Женька, чувствуя себя козой безрогой, пробралась в последний ряд, к окну; одернула рубашонку, легла во влажные синеватые простыни. Она пораздовалась тому, что так много помогающих — и врачи, и студенты, и вот еще акушерка. Дома она почему-то так представляла себе, что никого здесь не дозовешься, и придется рожать одной, как на печке. А тут — хоть негра, да всегда позвать можно было.

Напротив висели круглые, как в школе, часы и показывали двенадцать ровно. Илюшка, наверное, давно вернулся. Женька написала ему письмо и прислонила к сахарнице, чтобы он сразу увидел, как войдет. Записка цвела любовным лепетом, на который Женька была великий мастер, и кончалась заклинанием закрыть на ночь газ, а также не ходить в роддом. С Илюшки вполне могло статься простоять всю ночь под окнами, слушая неизвестно чьи вопли.

Сама Женька вполне справлялась с тем, что с ней происходило: тошнотно и равномерно тянуло вниз, будто в нехорошем сне. Это была еще не настоящая боль, а так, цветочки. Она погладила свой живот, и мальчик брыкнулся, но как-то вяло. Обычно вечерами он устраивал ей такие концерты, что только держись; даже через платье видно было, как кто-то внутри молотит. В последнее время сверху живота стали появляться его пятки; они картинно отставлялись в сторону и их можно было пощупать. Крошечные пятки, но очень мужские. Женька уже видела своего мальчика, во сне: в голубых штанишках на бретельках, он вбежал в какую-то комнату, где она сидела, стреляя из игрушечного автомата. Девчонки все были гадость; ради девчонки и стараться не стоило.

Рядом с Женькой страдала одна такая — сама еще девчонка, скуластая, черная, в больших роговых очках на остреньком носике. Очки хотелось с нее снять, чтобы они не мешали ей рожать. — Выворачивает, прям не знаю — пожаловалась она Женьке, неожиданно грубым, деревенским голосом, — На низ хочется, не представляю... — Ты как-нибудь... — сказала ей Женька. — Может, врача позвать?

Девчонка вместо ответа выгнулась, запрокинула голову, прокричало обалдело: «На-низ-я- хочу!».

— Во, оглашенная, — метнулась к ней акушерка, — ты чего?

— Выворачивает меня, — простионала девчонка, — ой, чеж делать-то?

— Тужиться надо, поуги у тебя. Значит так, колени обхватывай, ... во... теперь к себе тяни — раз, два, взяли! Ну, давай, — раз-

два... Да что ж ты не тянешь-то! Тут брат, за тебя работать некому, сама должна!

— Тетенька, не рожу я...

— Все родите, ни у кого не застревало. Колени бери... ну! раз-два, взяли! раз-два, взяли!

Женька невольно напрягалась вместе с ними, стараясь помочь. — По-маленькому хочу, по-большому хочу,... — крихтела девчонка.

— Все хочу, ничего не хочу...

— А ты терпи, терпи. Мамка тебя рожала, тоже орала. Родись — а завтра пасха, воскресенье, как хорошо! Муж-то выпьет на радостях... Как он, ничо у тебя?

— Ничо... Метр восемьдесят.

— Вот и хорошо! Ну, давай, уж скоро тебе, — и акушерка отошла.

Женька, испугавшись, что девчонка бросит тужиться, стала говорить торопливо: «Девчонка, как тебя... Коленки обхватывай... Ну, пожалуйста, ну, прошу тебя... Вот молодец! Ну, еще разок...».

Они проработали так до часу. В час девчонку повели — вернее, она, сама побежала, как встрепанная — и родила дочку. Это был добрый знак: Женьке казалось, что чем больше до нее родится девочек, тем вероятнее у нее будет мальчик. Она все чаще и чаще проваливалась в сон; уж и свет не мешал, только крики будили. Потом вроде и кричать перестали, выключили свет, и на несколько часов наступила тишина.

Проснувшись она около шести; за окном слабо светился пасмурный весенний денек. В палате шла вялая работа. Все устали, врачи и студенты разбежались. От вчерашних роскошных криков не осталось и следа — кричали тоже устало, слабо. Женькины незаправдашные роды кончились; она чувствовала себя усталой и старой, болела голова. Мальчик лежал совсем тихо, еще спал. Ей вдруг захотелось плакать, как будто должно было произойти несчастье, как будто что-то страшное ждало ее за углом.

— Ты чего? — спросила ее акушерка. — Че расстраиваешься-то? Еще родишь, все родите, никуда это от вас не денется. У тебя схватки ложные были, ясно? Пойдешь в патологию, полежишь, а как начнешь — обратно сюда.

— А вас не будет? — спросила Женька.

— Я-то уж отработала, как-раз под пасху... Вон, смена моя идет.

От двери, четко отбивая шаг, как и положено при смене караула, шла врачиха, пышная, в золотых очках. За ней, в кильватерном строю, двигалась новая акушерка.

— Дуся, — сказала новая врачиха новой акушерке. — У меня кесарево. Следы, чтоб тут тихо было. В случае чего позовешь.

И ушла, сильно ударяя об пол розовыми ногами.

Командование приняла акушерка — молодая, с красивым и насмешливым лицом крепкой ведьмы откуда-нибудь из «Ночи перед рождеством».

— Ну, бабоньки, — сказала она весело, — праздник у нас се-

годня, пасха, Христос Воскресе. А вы, как свиньи какие, заголясь — тьфу! А ну, прикройсь! И судна убрать.

И бабы прикрылись и замолкли, будто только и ждали, чтоб рывкнули на них. Дуся увидела, что Женька смотрит на нее, подошла. — А ты чего лежишь, принцесса?

— Ложные схватки, переводят в патологию — тихо доложились Женька.

— Раскройсь.

Она послушала Женькин живот, сказала презрительно: «Прыщ вскочит, они в роддом бегут», и удалилась.

«М-да, — подумала Женька, — дурак будет, кто станет с этой рожать. Угробить элементарно». Ей ничего такого, к счастью, не грозило. Просто замечательно было, что ее брали в патологию; все эти предчувствия — ерунда собачья. Она съела принесенную манную кашу и лежала тихонько, как мышка, как вдруг около ее кровати материализовалась чужая, горбатенькая нянечка и, крадучись, засунула в тумбочку пакет с яблоками.

— У ворот стоит, — прошептала она, — выглянуть просит, если в состоянии.

Женька сладко дрогнула — Илюшка! Она оглянулась — Дуси нигде не было, никто не смотрел — вдела ноги в шлепанцы, и — к окну.

Илюшка стоял совсем неподалеку, маленькая патетическая фигургурка в беретке. Она постучала пальцем по стеклу — «Сюда! Сюда смотри!». Он заметил и рот у него растянулся до ушей. На лице его было высказано столько доброты и любви, что видеть это было почти невозможно. Он стал спрашивать: «Как ты? Что? Почему я тебя вижу?» Она развела руками и выпучила глаза, изображая свое полное недоумение, потом он ей показал — «Напиши!», а она показала — «Чем? Карандаша нет», а он хлопнул себя по лбу. «Ах, я, балда, балда!», а она показала, что не надо, потому что ее переводят, а он испугался — «куда? в чем дело?». Она попробовала ему объяснить, но это было слишком сложно; тогда она махнула рукой, стала просто улыбаться, чтобы показать, что ничего страшного не происходит, наоборот — и в этот миг сзади раздалось громовое: «Ты куда это полезла, а?» — и оказалось, что в дверях стоит злобная, как вареный рак, Дуся.

Женька застыла, как кролик, потом кинулась в постель, потеряла шлепанец, вернулась, по дороге толкнула тумбочку и — о, ужас! — все яблоки, один за другим, с тяжелым стуком стали шмякаться на пол и разбегаться по палате!

— Яблочки-шмаблочки! — с чувством сказала Дуся. — Уже, на-тащили. Что за нация такая, не пойму; всего им мало.

Своих симпатий Дуся не скрывала.

Несколько яблок собрала нянечка, но есть их было нельзя — грязные.

— Возьмите, пожалуйста, себе — шепотом попросила Женька.

Нянечка тогда на свой страх и риск вымыла ей два яблока и

Женька под одеялом тайно их изгрызла. Она теперь была фигура одиозная и чувствовала, что лучше сидеть тихо.

Между тем палата полностью освободилась, последнюю из рожавших повели в родилку. Шли какие-то переговоры между Дусей и незнакомыми акушерками; забегали нянечки, меняя белье, и наконец, как заключительный аккорд увертюры — двери парадно открылись, и одна за другой, на каталках, как на щитах, стали въезжать вчерашние, уже родившие женщины. На их распластанные тела были навалены какие-то кульки, фрукты в полиэтиленовых мешочках, коробки зефира, красные тюльпаны — они обхватывали продукты обеими руками, смеялись, перекликались — в палату, действительно, вошел праздник, пасха, любовь и радость! Всю ночь они пролежали на каталках — некуда было положить, и вот теперь их ждали мягкие кровати, да еще в той же комнате, где они мучались, что с особой силой позволяло ощутить отсутствие этих мучений, а также тот факт, что теперь у всех у них были живые, здоровые, трехкилограммовые дети, мирно спавшие где-то наверху, в детской. Все женщины непрерывно говорили, находясь в таком же коллективном возбуждении, что и накануне.

— А я-то, прямо в тапках, да на родильный стол; кричу — держите меня, держите! — хвасталась девчонка в очках, ныне красная и счастливая.

— А хирург какой, руки волосатые, страшные... Я прямо обмерла вся.

— Зато у него быстро!

— Чуж с мальчишкой-то делать, ума не приложу... Третий уже. И у сестры у моей...

— Женятся, будут тебе дочки.

— Во, только родился, она его уже оженела!

— Девочки, а представляете, ведь они в самом деле женятся, брюки наденут, водку пить начнут!

— А ты учи, с детства самого, да за вихры.

— Ох, народ сегодня пьет, жутко!

— Муж сейчас в Бостоне, ему по радио передадут. Он в нашей сборной, слышали, конечно. Если бы он был здесь, что вы, разве так бы это происходило! Я бы уже вся была завалена цветами! Мальчик, конечно, чуденький, блондинчик... и вы подумайте, ягодичками шел, такой редкий случай! Рубашку я на себе порвала, лежу вся голая, ору благим матом — ужас, ужас! Сорок человек около меня стояло!

Это была та самая, которую повезли в кровати. Крашенная блондинка, в волосах — красный бантик с конфетной коробки.

Дуся державно руководила весельем, временами покрикивая: — Пасха, бабоньки, Христос воскрес!

или: — А ну, кто у нас по мужику соскучился?

или — Веселись народ, Дунька замуж идет! и все в таком духе. Новеньки из-за переполнения не брали, поэтому атмосфера складывалась теплая. Женька несколько мешала, ни то, ни се, смоковница какая-то. Наконец, в двенадцать Дуся пришла за ней:

— Вставай, краля, насмотрелась я на тебя.

Женька, которая тоже насмотрелась, вскопчила, чтобы быстренько, быстренько... и в это самое время, вдруг, в один грозный, как удар судьбы, миг, ребенок в ней дрогнул, забился, и в нее вступила такая невозможная, чугунная боль, что ее ни с чем нельзя было спутать — пришло, началось. Так же резко, как возникла, боль кончилась. Женька осталась стоять с вытаращенными глазами; «Началось», — беззвучно сказала она Дусе. Та усмехнулась — «Что ж, лягай обратно» — и пошла, пошла, эдакая ведьмочка.

Женька легла.

Регулярно, с правильными промежутками, на нее наваливалось что-то чудовищное, терзавшее ее резко и страшно. Потом был крошечный передышек — две минуты, и опять оно наваливалось. Работала какая-то машина, безразличная к ней, скручивавшая ее железными лапами. Казалось невероятным, что это можно выдержать хотя бы двадцать минут, но впереди было не двадцать минут, а десять, двенадцать часов, по крайней мере, и единственное, что можно было сделать — это крикнуть: «Спасите, помогите, я не могу больше!».

Но кричать было бесполезно; никто не мог помочь, спасти, облегчить. Женьку охватило отчаянье. То, что происходило, совсем не напоминало описания в книжках, которые она читала перед родами, Между схватками должны были быть разумные промежутки, минут по 10—15, чтобы можно было отдохнуть и прийти в себя. Промежутки в 2 минуты, как у нее, полагались перед самыми родами. Все происходило слишком стремительно, осатанело, с бешеной силой и злобой. Она вообще не подозревала до этого, что в природе существует такая боль, никто не предупредил, ее заманили обманом. Все ее силы были направлены на то, чтобы не закричать. Она знала, что если хоть раз позволит себе крикнуть, то дальше сорвется, позволит себе плакать, умолять, выть. Она вспомнила о приемах обезболивания, которым ее учили в консультации, и стала лихорадочно их применять, все сразу — терла себе поясницу, подкладывала кулаки, гладила живот, дышала глубоко — и вроде действительно стало полегче, не от приемов, а от некоторой собранности, бывшей условием их применения.

Стрелки часов, казалось, остановились; минутная ползла еле-еле. Огромные, как пропасть, две минуты боли, незначительные, как пустой орех, две минуты передышки. Она погрузилась в боль, как в черный колодец; ни звука не долетало до нее извне, и сама она не издавала ни звука. Каким-то чудом прошел час, потом второй. Приемы обезболивания перестали действовать, и она придумала свои. Оказалось, что если сильно мотать головой по подушке, мозги затуманиваются и боль остается снаружи. От этого мотания в минуты передышки она лежала почти без чувств, в полусне, с закружившейся головой, ощущая только соленый вкус крови на губах.

Это длилось неизвестно сколько, просто неизвестно сколько это длилось. Она разрешила себе стонать, тихонько. В палате зажгли свет, она заметила. Было семь. Внезапно она увидела себя со стороны — грязную, с голыми синими ногами, на почему-то мокрых, холодных простынях — и ей захотелось умереть, чтобы кончить все это.

Странно, но до сих пор она не связывала свою боль с ребенком: он, ее любимый мальчик, никак не мог причинить ей такое. Это была их общая беда. Но тут ей пришло в голову, что она ничего о нем не знает — а ведь прошло уже семь часов. Заплетающимся языком она позвала — «Дуся!» — и на секунду услышала чьи-то разговоры и смех, потом опять провалилась, вынырнула, опять позвала «Дуся!» и усилием воли задержалась на поверхности, поглядела, как и что: Дуся стояла и точила лясы с женой нападающего, у которой был сын блондинчик. Она еще раз, как могла сильнее, позвала «Дуся!», и та ответила спиной — «Ну, чего еще?» Женька не успела сказать «чего», как ее накрыло, с головой, так что она замычала. Потом она долго не могла выкроить достаточно времени, чтобы все-таки пообщаться с Дусей, — а потом и вовсе оставила эти попытки.

В восемь у Женьки начались потуги. Тут она безумно образовалась — все, самое трудное позади. И даже не пикнула! Она стала тужиться, не щадя себя, как учила вчера добрая акушерка — раз-два — взяли!

— Во, цирк — Дуся явилась поглядеть, что происходит. Такой случай нельзя было упускать.

— Вы не посмотрите... — попросила Женька.

Дуся послушала — и изрекла: «Тужиться ни в коем случае. Повредишь ребенку».

— А как же... — начала было Женька, но Дуся уже ушла.

Потуги шли волной, неудержимо, как рвота, и остановить их было так же невозможно. Когда накатывало, Женька чувствовала, что внутри у нее все раздирается, что кровь так и хлещет, и что единственное, что надо сделать — это напрячься, выдохнуть, и, прижав к себе колени, разорваться еще больше. Теперь этого делать было нельзя.

Ужасным усилием воли Женька остановила в себе волну и укусила руку. Это было невозможно, нельзя было этого делать, во всяком случае, второй раз получиться не могло. Второй раз она тоже удержалась. «Что делать, что же делать?» — думала она в ужасе, «Не было вчера такого. Врача, почему нет врача? Я не смогу!». Но она все удерживалась, раз за разом, и даже открыла, что надо делать: вытягивалась в струнку, чтобы волна проходила над головой, и задерживала дыхание. Потом, через час, наступил момент, когда терпеть больше нельзя было. Ее бил сильный озноб, зубы стучали, байковое одеяло, которое она натянула над горло, не грело.

— Дуся! — она почти крикнула. — Подойдите, пожалуйста!

— Ну, разоралась, — добродушно сказала Дуся и — есть бог на свете! — подошла.

— Дуся, — стуча зубами, сказала Женька, стараясь говорить как можно вразумительнее — почему мне нельзя тужиться! Я больше не могу. Позовите, пожалуйста врача. Пожалуйста.

— Я, кажется, русским языком сказала — тоже терпеливо произнесла Дуся, — нельзя тебе тужиться. Ребенок не опустился. А врач спит, он тоже человек, операцию делала. Отдохнет — придет.

— О, боже мой... Но что же мне делать, чтобы не погубить ребенка? Может, походить, а? ТАК я больше не могу!

— Вообще-то ходить разрешается — сказала Дуся с сомнением.
— Ну, походи. Все у тебя, не как у людей.

Стуча зубами, Женька перевалилась через бок, встала, накинула на себе одеяло и побрела по палате. Во время потуг она хваталась за ближайшую кровать и приседала на одной голой ноге, поджимая, как цапля, другую — погружаясь этим движением в крошечную тьму боли. Потом к ней возвращались зрение, и слух, и она слышала, о чем говорят люди:

— Такие роды, шел ягодичками... Обещал за сына «Москвича» купить, права у меня уже есть. Представляете, как шикарно: женщина за рулем!

Женька брела к следующей кровати. «Хорошо, что Илюшки здесь нет — думала она в полусне, — не хочу, чтобы видел меня такую... А маленькому моему тяжело... Хоть бы он выжил, был здоров... все равно кто, сынок или дочка... только чтоб живой...».

Она с удивлением услышала, что давно что-то бормочет.

Было уже одиннадцать; три часа, как начались потуги. Мозг ее одурел, веки слиплись. Она подошла к Дусе, сонно взглянула на нее, сказала, как пьяная — «Все, я пошла ложиться», и пошла, и легла обратно на мокрые простыни, и стала проводить потуги, как положено было, чувствуя всем существом, что именно это надлежит делать. «Может, в двенадцать, — думала Женька. — Ах, почему мне так все равно? Дуся, — позвала она, — Дуся».

И Дуся подошла и послушала.

— Говорила я не тужиться, или нет? Плохо твоему ребенку.

«Плохо» — повторила Женька — и не испугалась. Умом она понимала, что случилось что-то страшное, но сердце ее не сжалось. «Надо встать, — сказала она себе, — встать». Встала, накинула на голову одеяло, пошла. Пять минут, десять — новый счет времени. Последний. Она ослепла и оглохла, чувствуя только свое непоправимо разорванное тело и страдальческое биение ребенка. Будущего не существовало. Она была в том одиночестве, выше которого нет ничего, которое предшествует смерти.

«Неужели это возможно, чтоб мальчик погиб — думала она в минуты просветления, — в центре Москвы... в двадцатом веке...». Почему-то двадцатый век ее особенно волновал.

«Неужели мой ребенок погибнет, не успев родиться, мой несчастный, мой маленький... О, господи, если ты есть! Только один раз! Пусть я, только не он...».

Мысли ее путались. Она перестала сдерживаться и громко, безнадежно стонала. Временами она слышала, как просит, словно нищая — «Дуся, Дуся! Посмотрите же меня!» И Дуся, и кто-то еще смеялись — наверное, это и вправду было смешно.

В пол-первого в палату вошла врачиха, свежая и веселая. — Эт-то что еще за привидение? — сказала она, увидев Женьку. — Немедленно в кровать!

сил, пока тело ее само не разжималось, но растекалось по столу, бес-
— Ведет себя безобразно — подобострастно вставила Дуся.

Женька легла на самый краешек кровати — все под ней было мокрым-мокро. «Сейчас будут спасать» — подумала она. И точно, по-
дошла Дуся, сама, послушала.

— А вот теперь не дышит, — сказала она с невольным удовлет-
ворением.

— Какая вы подлая, — как в бреду произнесла Женька, — поче-
му?».

И сейчас же над ней наклонилось лицо врачихи.

— Когда у вас сошли воды? В котором часу сошли воды?

— Я не знаю — ровно ответила Женька. — Тут давно мокро.

Она вздохнула, и стала исчезать, пропадать во что-то серое, без
названия... Сквозь забытие она чувствовала, как ей суют в рот шланг
от кислородной подушки, делают уколы в руки и ноги, и где-то внут-
ри, где еще оставалось сознание, успокоилась — спасают. Потом ее
поволокли в родилку.

— Еще, еще, еще, еще! — кричала над ней акушерка из родил-
ки, другая, надежная женщина, — а ну, еще, еще еще еще!

И Женька, от которой сейчас требовали то, что столько часов
запрещали, прижав к груди голову, закусив губы, с сине-фиолетовым
от натуги лицом, сжатым в кулачок, так что торчал один нос — да-
вилась, тужилась, выкладывалась до конца, пока была хоть капля
сил, пока тело ее само не разжималось, не растекалось по столу, бес-
сильно, вяло. Тогда ей всовывали в рот шланг и снова кричали:
«Еще, еще, еще, еще. Ну, еще!».

— Нет, — услышала Женька, — она без сил.

И тут же на нее навалились врач, и акушерка, и еще кто-то, и
они что-то делали с ней, запрокидывали голову, резали, звякали, и
она лежала в темноте с закрытыми глазами, стараясь понять, помочь
...и вдруг она почувствовала, что умирает, что сейчас, вот сейчас она
крикнет так, как еще не кричали на земле — и в эту минуту что-то
вышло из нее, ее отпустили, и она почувствовала такое блаженное,
ни с чем не сравнимое облегчение, такое полное, абсолютное исчезно-
вение боли, что это могло означать только одно — она родила!

Потом еще минуту она пролежала в глухой глубине, съезжив-
шись, не понимая, почему не кричит ребенок... и вдруг услышала ти-
хое, деловитое: «Мальчик» ... и кто-то сказал удивленно: «Смотри-ка,
живой!» — и тут же он, ее мальчик, заплакал, громко, отчаянно, ба-
сом, и тогда она тоже расплакалась, легкими, прозрачными, светлыми
слезами, и что-то такое говорила: «Мальчик! О, какое счастье, маль-
чик!» и вытягивалась, поднимаясь, чтобы посмотреть на него. Его
поднесли.

Он был огромный, смуглый, с длинными черными волосами, с
большими руками и ногами, и он ревел изо всей мочи, а она смеялась
и плакала одновременно, и говорила: «Боже, какой урод! Мой маль-
чик, милый, кричи!».

Я С ДЕТСТВА ПИШУ СТИХИ

Стихи я пишу по-русски. Я умею, могу, хочу писать только по-русски, несмотря на то, что заполняя анкеты я вывожу в графе «национальность» столь неблагозвучное в гармонии русского напева «еврейка». («Еврейка, индейка, семейка» — не правда ли, звучит, как скрип несмазанной двери?). Наверно эта двойственность, невыносимая для каждого человеческого существа, созданного по образу и подобию Единого Бога, делает мое мироощущение безусловно трагическим, наполняя стихи тревожным предчувствием неотвратимой беды.

С моим житьем, поспешным и тряпичным,
С моим бытjem, похожим на других,
Не вяжется стихов моих трагичность
И подлинность пророческая их.

Ни мелкости земных моих истоков,
Ни вздорности житейских пустяков,
Отнюдь не соответствует жестокость
И ярость мной написанных стихов.

Может быть эта двойственность — не моя лично, может быть — это трагическое мироощущение народа-подкидыша, много веков живущего в рассеянии, среди чужих культур, которые, становясь родными до боли, не становятся родными до конца.

И вопреки моим задачам скромным,
Все явственней с годами становясь,
В стихах рыдают отзвуки погромов,
С историей налаживая связь.

Именно так: в моих еврейских стихах рыдают отзвуки погромов, но рыдают они по-русски.

Я не могла бы сказать, что люблю русский язык. Это — больше, чем любовь, это — мой способ жить, моя религия, потому что я свято верю в Слово. Слово может все — спасти, погубить, остановить неотвратимое и выразить невыразимое. Я знаю каждое слово в русском языке, как знают близкого человека: я знаю его склонности и привычки, его симпатии и неприязни, его теплоту и емкость, я знаю, чем его обидеть и как ему польстить. Для меня нет слов высоких и низких, красивых и пошлых, потому что каждое слово прекрасно на своем месте.

У каждого человека свое представление о Родине. Для одних — это верность традициям отцов, для других — это желтый песок или зеленая березка, а для меня это русский язык.

И вот пришла пора прощания с Россией. Мой отъезд неизбежен и неотвратим: мне нужно уехать, мне придется уехать, я хочу уехать и я уеду. Но мне страшно: что будет с моим русским языком? Смогу ли я увести его с собой во всей полноте, смогу ли сохранить, не погубить, не искалечить вдали от России? А если я смогу — то нужно ли это будет кому-нибудь?

(Из рукописного сб. «Евреи в СССР», № 1, Москва, 1972).

* * *

Когда я напрасно считаю до ста,
И бред мой теряет границы,
Когда я скольжу по поверхности сна
И мир начинает двоиться,
Я вижу, как прет по Арбату погром,
Угаром сердце исковеркав,
И я проверяю друзей не добром,
А грубой и горькой проверкой.
Я в страхе толкаю тяжелую дверь
И слушаю гомон погони,
Я жму на звонок, — не минута, не две,
А жизнь пролетает в агонии.
Но вот из-за двери спешат голоса,
Мелькают знакомые лица...
Я вижу, как страх, округляя глаза,
На бледных губах шевелится,
Тогда я спешу повернуться спиной
И выскочит прочь из подъезда...
Такого еще не случалось со мной
И будет ли так неизвестно.
И сон этот странный — как будто не мой,
Но день выползает из мрака,
На лицах друзей оставляя клеймо
Того, нереального, страха.

* * *

Мне снилось, что речь моя скована, Мне снилось, что в улицу лодную
Что скручены руки назад, Втекает лесная тропа,
А с неба светло и рискованно И, вздыблена яростью лотою,
Безвольные звезды скользят. Мой дом окружает толпа.

Беснуются молодцы ражие
Во тьме за горячей стеной...
И все-таки самое страшное
Пока не случится со мной!

ДАЧНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Кофе, салатом и грязной посудой
Весь этот день был забит до отказа;
Вырванный прочь из привычности суток,
Был этот день мне, как милость, оказан.

Весь этот день с толчеей за обедом
Был незаслуженно щедрой подачкой, —
Я лишь потом догадалась об этом
Среди разбросанной утвари дачной.

Я лишь потом по случайным приметам,
По пустякам догадалась о многом:
Был этот день мне прощальным приветом,
Будто бы мир не лежал за порогом.

Будто бы не было слежек и ссылок,
И санитаров, из желтого дома,
И запрещенных тюремных посылок,
И про евреев ни слова худого.

Будто беды мы все время не ждали,
Будто опять не захлопнулась клетка, —
Так в этот день умывался дождями
Милый мне лес в предвкушении лета.

Так мне березы кивали повинно,
Так покаянно прощенья просили,
Будто бы родиной, а не чужбиной
Снова могла обернуться Россия.

Посвяется Алеше Тумерману*

**В тюремных камерах и пытках инквизиций,
Когда в дыму костров тонул рассвет,
Не пропадали истины крупицы,
Добытые трудами долгих лет.
И с яркой пышностью готова**

реквизиты,

**В людских мученьях свой венчая труд,
Наместник бога — главный инквизитор
Вершил последний, непреложный суд.
Судил и наслаждался видом крови,
Страшился миру показать свое лицо.
И в хоре бесконечных славословий
Тонули стоны битых мудрецов.
Но инквизиторы не судят истин,
Их не укрыть, как битых мудрецов.
И в истине — укор делам нечистым.
Она — плевков в холеное лицо.
Нам человек важней орбиты лунной,
Мы стали думать шире и смелей.
Кто был мудрей: в огне сгоревший**

Бруно,

**Иль до седин доживший Галилей?
Чего добился мученик Джордано,
Не лучше ль было истину предать,
Отречься, замолчать и жить упрямо,
Чтоб сотни новых истин отыскать?
Но, нет! Судьба коварнее и злее,
Мы судим с высоты прошедших дней:
Отрекся — и не стало Галилея,
А Бруно жив, хотя сгорел в огне!**

**И
С
Т
И
Н
А**

1969 г.

* Алексей Тумерман длительное время ведет в Москве самоотверженную борьбу за права человека. Его несколько раз арестовывали, помещали в психиатрическую больницу, но не смогли сломить его волю. В 1972 г. работники КГБ сами предложили ему выехать в Израиль, но потребовали, чтобы он прекратил свою деятельность. В заявлении для прессы Тумерман ответил: «Я — свободный человек и ни на какие сделки с КГБ не соглашусь».

М Е Ч Т А

Посвящается Володе Слепаку*.

Мы поедем туда, где граничат моря и пустыни,
Где озера и горы, и звезды на небе ночном.
Под негаснущим солнцем моей Палестины
Нашу новую жизнь мы когда-нибудь строить начнем.
Как умеем начнем, не судите за это нас строго,
о безделье и лени и у нас издавна не в чести.
Простой долгой и трудной была та большая дорога,
По которой мы шли, чтобы родину вновь обрести.
Мы начнем, но конечно всего не успеем.
Наши дети dokonчат, что сделать отцы не смогли.
Из того, что сегодня мы вместе посеём
Встанут новые всходы моей возрожденной земли.

* Это стихотворение было написано 30 сентября 1972 г. в камере № 364 московской тюрьмы «Матросская тишина». Первым его услышал Владимир Слепак, активный участник борьбы за алию, уже 3,5 года добывающийся разрешения на выезд в Израиль. В Слепака трижды заключали в тюрьму на 10—15 суток, но несмотря на неоднократные аресты, допросы, обыски и угрозы В. Слепак продолжает свою мужественную борьбу.

Новое требование

Приблизительно два года тому назад в СССР возникло массовое движение евреев, поставивших себе целью обрести Родину в Израиле. Два года тому назад сотни тысяч евреев, в глубине души симпатизирующих Израилю, услышали о людях, которые пошли на все во имя осуществления своей мечты о репатриации. Несомненно, что соответствующая психологическая атмосфера была подготовлена предшествующим развитием, а способность людей к подобным радикальным решениям вообще слабо зависит от внешних условий и поучительных примеров. Но в данном случае произошла необыкновенно быстрая конденсация разрозненных и противоречивых стремлений вокруг библейского требования «Отпусти народ мой!».

Жертвы, на которые пошли пионеры еврейского движения, оказались напрасными: тысячи евреев подали заявления в соответствующие органы с просьбой разрешить им выехать в еврейское государство. Советские власти сами неожиданным для себя образом стимулировали этот процесс и облегчили многим евреям как принятие решения, так и распространение ин-

формации о масштабе движения. Прокатившиеся по всей стране судебные процессы, шельмования на собраниях людей, заявивших о своем желании выехать в Израиль, демонстративные увольнения с работы вместо предполагаемо сдерживающего влияния приобрели значение почти агитационное. Необычайно суровые приговоры вместо предполагаемо устрашающего действия вызвали повсеместное и единодушное возмущение. Превентивные ограничительные меры в отношении евреев вместо приспособительной реакции вызвал резкое убыстрение формулирования сознания необходимости покинуть СССР. Во всех случаях власти добивались эффекта, прямо противоположного тому, на который рассчитывали.

В феврале—марте 1971 года, в преддверии 24-го съезда КПСС власти были вынуждены разрешить многим евреям выехать из СССР. Этот по тем временам невиданный успех вызвал цепную реакцию — в ближайшие несколько месяцев уже десятки тысяч во всеуслышание заявили о таком же желании.

Летом 1971 года власти всеми способами стремились прекратить начинающееся движение. Наряду с необоснованными запретами, с массовыми увольнениями с работы желающих выехать, почти повсеместно была

* Физик Виктор Яхот переслал нам эту статью еще до своего недавнего прибытия в Израиль

прекращена доставка по почте вызовов от родственников из Израиля.

В это время борьба за право выезда достигла апогея. Голодные забастовки евреев Грузии и Прибалтики, многодневные ожидания приемов в ЦК КПСС московских евреев, петиции к мировой общественности, подписанные тысячами людей, каждодневная борьба наших друзей во всем мире — принесли важные результаты: осенью началась алия, размеры которой и продолжительность превзошли все виденное ранее. К маю 1972 года тысячи и тысячи евреев приехали в Израиль.

Начался качественно новый этап в борьбе за право выезда. Если раньше практически никто не мог добиться разрешения на выезд, и таким образом у всех вступающих в борьбу были равные шансы, то к весне нынешнего года положение изменилось. Стала очевидной проводимая властями дискриминация по профессиональному и квалификационному признаку: не получали разрешения на выезд определенные, более квалифицированные группы интеллигенции. Вместе с тем изменился состав добивающихся разрешений: все больше специалистов, в том числе и ученые с мировым именем, открыто заявляли о своем желании уехать в Израиль. Движение коснулось всех категорий советских евреев.

Этому не могли помешать ни призывы в армию, ни преследования за так называемый «паразитический образ жизни», ни аресты и судебные процессы в Свердловске, Ростове, Харькове,

ни вызовы на допросы активистов еврейского движения в Москве и других городах.

Началась трудная борьба за реализацию права выезда квалифицированных специалистов. Всему миру стало ясно, что десятки тысяч уехавших еще не означают собой полного решения проблемы: за ними стоят еще не столь многочисленные, но полностью бесправные люди. Следует еще иметь в виду десятки тысяч людей, которые не заявляют о своей желании репатрироваться только потому, что они не верят в его осуществление.

В то же время летом 1972 года начался новый этап в отношениях между СССР и США. Успешные переговоры Никсона и Брежнева в Москве сделали возможными заключения важных соглашений, в том числе и торговых, имеющих огромное значение для СССР, особенно в условиях страшного неурожая, потрясшего сельское хозяйство в этом году.

В августе мир был ошарашен беспрецедентным за последние десятилетия известием: предметом торга стали люди. Введение гигантского по своим размерам налога на лиц с высшим образованием, в 50—100 раз превышающего месячную зарплату, вызвало такой протест во всем мире, что поставило под угрозу осуществление жизненно важных для СССР проектов договоров. И вот перед выборами Президента США, в то время как в разных городах Советского Союза отъезжающие евреи были вынуждены платить непомерно большие суммы, в Москве около ста семей получили разрешение

уехать, в виде исключения не платя налога. При этом представители власти цинично предупреждали отъезжающих, чтобы те торопились, ибо после 7 ноября все станет на свои места, и деньги будут вновь непременно условием выезда.

Таким образом начался следующий этап, отличающийся от всех предыдущих — евреи стали козырями в политической игре, которую ведут власти СССР. Принцип игры весьма прост: создаются огромные трудности для некоторых из желающих выехать, которые приковывают все внимание мировой общественности, и отводят это внимание от решения главной проблемы — свободного выезда для всех. Затем в нужный момент кое-кому дается разрешение уехать, и весь мир облегченно вздыхает, полагая, что началось «потепление». «Доброта» властей, проявляющаяся короткое время после месяцев жестокости, воспринимается на Западе как победа прогрессивных сил, и, повидимому, приносит дивиденды Советскому Союзу.

Это заблуждение очень характерно для западной общественности, привыкшей придавать большое значение прецедентам и забывающей, что советское право юридического значения прецедента не признает.

Можно предположить, что мы еще встретимся с многократными проявлениями ущемления наших прав и с кратковременными послаблениями для успокоения легковерных западных торговых партнеров. Можно быть уверенным, что и в будущем определенное количество людей, годами добивающихся разрешений на выезд, будет оставаться в СССР.

Таким образом достигаются сразу две цели: с одной стороны — отпугивать других евреев от борьбы за выезд, а с другой — придерживать наиболее известных за пределами СССР людей до момента, когда властям надо будет что-то получить от чем-то недовольного Запада. Неудивительно, что мы почти точно способны определить даты очередных всплесков выезда. Они обычно приурочены к важным политическим событиям. Горький опыт, накопленный за годы тяжелых ожиданий, дает нам такую возможность.

Сейчас необходимо понять, что борьба за разрешение выезда отдельным лицам, за ликвидацию трудностей, специально вводимых властями, при всей своей важности означает борьбу за кратковременное облегчение, а не решение проблемы. Достигаемые на этом пути успехи не должны успокаивать. Сразу же вслед за ними явятся еще большие трудности, борьба против которых будет отнимать все силы. Анализ происходящего за последние два года убедительно показывает это. Всякий успех означает выпуск очередной группы борцов, и это каждый раз приводит к резкому увеличению числа новых заявлений, а следовательно — превращению новой группы сочувствующих в активных борцов. Можно понять, что, несмотря на отдельные, временами значительные, успехи, нашей борьбе за выезд не будет конца, если мы будем делать основной упор на требование уступок, имеющих частный характер, но отвлекаясь от главной, самой общей проблемы — гарантий реа-

лизации права каждого гражданина на выезд.

В Советском Союзе не опубликовано положение, регламентирующее выезд граждан за границу. Так называемые «индивидуальные рассмотрения», о которых говорят представители власти, на самом деле есть замаскированный секретностью административный произвол. Сделано все, чтобы исключить всякую возможность общественного контроля над работой организаций, ведающих выездом граждан за рубеж. Формально такой организацией является ОВИР, МВД. Однако, ОВИР оказывается только передаточной инстанцией, ширмой, за которой скрывается никому не известная комиссия, состоящая из неизвестных лиц и руководствующая в своей деятельности никому не известными, так называемыми «государственными» соображениями. Человек не может даже обратиться за разъяснениями или пожаловаться, ибо он не знает, кто решает его судьбу. ОВИР в своих взаимоотношениях с гражданами совершенно исключает письменные документы. Советский гражданин сдавший в ОВИР набор документов и 40 рублей госпошлины, не получает никакой расписки, свидетельствующей об этом факте. ОВИР не принимает ценных писем и не дает письменных ответов на заявления. Когда человек объявляют, что он получил разрешение на выезд, он должен ликвидировать свой дела в СССР, полагаясь только на устное сообщение инспектора. Неоднократно возникали случаи, когда люди распродавали свое имущество, укладывали че-

моданы и, явившись за визами, получали ошеломляющее сообщение, что «произошла ошибка». Отказ в разрешении на выезд также сообщается в устной, но категорической форме. Были также и случаи получения разрешений непосредственно влезд за категорическими отказами.

В тех случаях, когда людям приходилось платить налог за высшее образование, они платили эти грандиозные суммы без всякого письменного распоряжения и без подтверждения об уплате (квитанция об уплате в банк сдается в ОВИР), полагаясь только на память инспектора. Если, например, за окончание Московского университета следует (из устного сообщения инспектора) уплатить 12 тысяч рублей, а за окончание Воронежского — только 6 тысяч, то вы должны верить, что инспектор не перепутает, какое учебное заведение вы кончили, и назовет вам правильную цифру. Если он ошибется, ничто не помешает ему отказаться от своих слов и сказать, что вы сами ослышались.

Впрочем, он не может ошибиться просто потому, что его невозможно проверить. Когда бизнесмены совершают крупные сделки по телефону и верят друг другу на слово, существует презумпция ценности доброго имени партнеров. В данном случае — ситуация противоположная. ОВИР заинтересован в поддержании атмосферы полной неуверенности и непредсказуемости его действий. Человек ощущает себя полностью в руках администрации и любого ее представителя. Всякое его неосторожное слово или действие может стоить

ему месяцев дополнительного ожидания в приемных. Гарантией от произвола может быть лишь разработка и опубликование закона о выезде. В этом законе должны быть перечислены все возможные случаи ограничения права на выезд и указаны точные сроки, в течение которых эти ограничения действуют. Разумеется, такое внутреннее законоположение будет действительным только в том случае, если оно будет находиться в соответствии с международными декларациями, конвенциями и пактами, признанными Советским Союзом. В этом случае нарушение опубликованного положения было бы также нарушением международного права и контролировалось бы международной общественностью. Законоположения, регламентирующие въезд и выезд граждан, по самому своему содержанию являются международными и чисто внутренним делом одной страны быть не могут.

Возможно, что в случае появления закона об эмиграции что-то в нем не будет нас удовлетворять. Ну, что-ж! Тогда, по крайней мере, станут четко определенными наши цели. Борются против чего-то, что ясно сформулировано, проще, чем против всеобщего беззакония. Опыт с недавно введенным законом о возмещении затрат на образование — прекрасная иллюстрация этому.

Может возникнуть впечатление, что борьба за правовые гарантии в вопросе о выезде из СССР неотличима от общедемократической борьбы за права человека. Фактически это совсем не так. Опубликование закона о

выезде положит конец неопределенности статуса человека, стремящегося уехать, т. е. как правило отказывающегося от борьбы за улучшение положения в СССР, а не начнет эру уважения прав собственных граждан. Мы уже отмечали, что советская юриспруденция не признает значения прецедента, потому и введение правовых гарантий в одном специфическом случае не будет означать общей демократизации общества.

Принятие закона об эмиграции имеет значение для небольшого меньшинства населения СССР, но оно жизненно важно для сотен тысяч евреев. Это касается как тех из них, которые уже заявили о своем желании покинуть страну, так и особенно тех, кто не решается подавать прошение о выезде, боясь неопределенности, связанной с этим. Этих последних все еще большинство, и мы не можем забывать о них.

Руководители СССР неоднократно заверяли мировую общественность в удовлетворяющем всех решении вопроса о выезде евреев в Израиль. Каждый раз это вызывало бурю восторга, и каждый раз все мы были обмануты. Властям выгодно нынешнее состояние полной неопределенности, когда именно они являются хозяевами положения и ловко жонглируют судьбами людей в зависимости от своих минутных интересов. Наличие закона, вероятно, лишило бы их некоторых возможностей на международном рынке. Однако, пора прекратить верить на слово! Советскому Союзу надо взять на себя письменные обязательства опубликованием подробнейших

правил выезда, находящихся в соответствии с международными актами. Только тогда можно было бы сказать, что произошли существенные перемены в отношении советских властей к своим партнерам. Только тогда могла бы международная общественность поверить в добрую волю советских руководителей и их

стремление на деле, а не на словах, уважать международное право и соответствующие декларации.

Для нас все вышеизложенное означает, что к старому требованию

«ОТПУСТИ НАРОД МОЙ!»

должно добавить:

«ДАЙ НАМ ЗАКОН!»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Настоящий сборник содержит материалы, переданные корреспондентам западных информационных агентств на встрече 18-го октября 1972 в Москве группой активистов движения за выезд евреев из Советского Союза в Израиль.

КОРОТКО ОБ УЧАСТНИКАХ

Азбель Давид, 61 год, доктор технических наук, профессор, специалист по проблемам и аппаратам химической технологии. Подал заявление о выезде 5 месяцев назад и спустя два месяца получил отказ. Не работает с момента подачи заявления. Получает пенсию 120 рублей в месяц. С 1935 по 1951 год находился в заключении по обвинению в контрреволюционной деятельности и антисоветской пропаганде. Впоследствии реабилитирован. Семья состоит из жены и сына. За выезд должен заплатить около 25 тыс. рублей.

Лернер Александр, 59 лет, доктор технических наук, профессор, возбудил ходатайство о выезде в ноябре 1971 года. Отказ

в разрешении не мотивирован. Женат: сын — инженер, работает в лаборантом в школе, дочь — математик, не работает. За выезд семьи нужно уплатить 49 тысяч рублей.

Мандельцвейг Виктор, 33 года, кандидат физико-математических наук, физик-теоретик, автор более двадцати научных работ. Подал заявление на выезд в Израиль в феврале 1972 года. Получил отказ. Тогда же был вынужден оставить работу в Институте теоретической и экспериментальной физики. В настоящее время дает частные уроки физики и математики. Должен заплатить за выезд семьи около 18 тыс. рублей.

Мойшезон Борис, 35 лет, доктор физико-математических наук, работает в экономико-математическом институте. Подал за-

явление о выезде в июле 1972 г. в сентябре отказано как «ценному специалисту». Жена — врач, кандидат медицинских наук, дочери 9 лет. Должен уплатить за выезд семьи около 40 тыс. рублей.

Орлов Борис, 38 лет, историк. Подал заявление в 1970 году. Первый отказ получен год назад, повторный отказ в феврале 1972 года. Уволен из института стандартизации. Не работает, дает частные уроки истории. Два раза подвергался тюремному заключению, неоднократно задерживался. Женат, жена дважды уволена с работы, сейчас не работает. За выезд семьи должен уплатить около 20 тыс. рублей.

Польский Виктор, 42 года, инженер-физик, кандидат наук. Подавал заявления о выезде и получал отказы. Не работает 1,5 года. Жена — радио-инженер, не работает 2 года, дочери 14 лет. Два раза подвергался тюремному заключению, неоднократно задерживался органами МВД. Должен уплатить за выезд семьи около 20 тыс. рублей.

Рутман Роман, 38 лет, доктор

технических наук в области теории автоматического управления. Заявление о выезде подал 10 декабря 1971 года, отказано в марте 1972 года. Уволен из института хлопчатобумажной промышленности. Семья: жена, сын. Подвергался тюремному заключению, задерживался. Должен уплатить за выезд 42 тыс. рублей.

Симис Дмитрий, 25 лет, специалист в области международных отношений, подал заявление о выезде в августе 1972 года. Без работы с 16 сентября. Жена — преподаватель английского языка и литературы в спецшколе. Выезд семьи стоит около 15 тыс. рублей.

Слепак Владимир, 45 лет, инженер-электроник, подал заявление 2,5 года назад, отказано. Не работает по основной специальности 3,5 года. Жена — врач-рентгенолог, на пенсии. Имеет 2-х сыновей — 20 и 13 лет. Подвергался тюремному заключению, неоднократно задерживался органами МВД. Должен уплатить за выезд семьи около 20 тыс. рублей.

ПОЛОЖЕНИЕ В АЛИЕ (В. ПОЛЬСКИЙ)

Начало систематического выезда евреев из СССР в Израиль в значительном количестве следует отнести к началу осени 1971 г. После этого в течение полугода власти относительно просто давали разрешение на выезд врачам, математикам, учителям, музыкантам и экономистам, то есть представителям тех специальностей, в которых в СССР нет дефицита. Но все же основной контингент репатриантов поступал из Грузии и республик Прибалтики.

Среди 14 тысяч человек, переселившихся в Израиль в 1971 году, лица с высшим образованием составили 25 процентов.

Но с весны 1972 года положение с выездом специалистов изменилось. И биологи, и математики, и врачи стали получать отказы наравне с физиками и электрониками. Таким образом, стала еще более

четко выражена селекция в алии, которая увеличилась за счет отказов на выезд все более широкому кругу специалистов. Изменились и формулировки отказов. Существовавшая для физиков и электроников формулировка «секретность» не могла быть применена к врачам, биологам и математикам. Поэтому появились новые нелепые формулировки, такие как «отсутствие целесообразности», «квалифицированный специалист», «недостаточное родство в Израиле» и т. д., или просто — «интересы государства».

У лиц, получивших подобный тип отказов, фактически нет возможности их обжаловать, ибо неизвестно то учреждение, где принимают решения по заявлениям евреев на выезд. Официальные лица говорят о существовании некоей мифической, никому не ведомой комиссии, которая пользуется негласными инструкциями. Все это, дает возможность властям принимать произвольные решения, не основанные на законе, поскольку в этом вопросе законодательства не существует.

Еще более таинственно и неопределенно положение людей, которым отказано по причине так называемой «секретности». Здесь не соблюдается даже формальный подход, ибо имеется ряд лиц, у которых уже прошли назначенные властями сроки в 3 и 5 лет, а они вновь и вновь получают отказы в разрешении на выезд и никому из них неизвестно даже приблизительно, когда будет принято положительное решение (Примеры: Н. Файнгольд — более 5 лет со времени ухода с «секретной» работы, В. Престин — более 3 лет, В. Слепак — 3,5 года).

Лица, получившие отказы, это, как правило, люди, лишенные работы по специальности, то есть либо безработные вообще, либо работающие на неквалифицированной работе. Ученые кандидаты наук работают сторожами, рабочими в службе быта, в магазинах и т. д. (канд. наук И. Бегун — сторож, кандидат наук Л. Либов — обойщик дверей).

Тем не менее, несмотря на увеличившееся количество препятствий, в последние месяцы появилась тенденция к росту числа лиц высокой квалификации среди подавших заявления на выезд в крупных городах.

В связи с политикой селекции, проводимой властями, число квалифицированных людей, выезжающих в Израиль из крупных городов, ничтожно мало. Из общего числа выезжающих в Израиль, примерно, 2-х тысяч в месяц, 40 процентов составляют евреи из Грузии, 20 процентов — из Средней Азии, около 40 процентов — Прибалтика, Украина (в основном, западная часть), Молдавия. Таким образом, на евреев из РСФСР (Москва, Ленинград, Новосибирск и т. д.) остается менее 1 процента. Так, из Москвы в последние месяцы уезжает в среднем одна семья в неделю, в то же время более 100 семей в Москве имеют отказы и годами и месяцами ждут разрешения на выезд.

Только сегодня, 18 октября, около 20 еврейских семей в Москве получили разрешение на выезд без уплаты налога на образование. Следует воздержаться от оценки значения этого эпизода, поскольку среди получивших разрешение, нет многих десятков семей, которым годами или в течение многих месяцев отказывают в разрешении на выезд под различными предложениями.

О ЗАКОНЕ О ВЫКУПЕ (В. СЛЕПАК)

Стремление властей еще более ограничить выезд квалифицированных специалистов и ученых и тем самым усилить селекцию в алии нашло свое отражение в новом Постановлении о выплате громадных сумм на образование. Не надо доказывать, что это Постановление по сути направлено против евреев, поскольку евреи — единственная в настоящее время национальная группа выезжающая из СССР в значительном количестве.

Экономическую социальную и юридическую несостоятельность этого постановления показало наглядно открытое письмо, адресованное 5 сентября сего года в Президиум Верховного Совета СССР и Политбюро ЦК КПСС и известное на Западе под названием «Обращение 500». В нем приведены факты — сопоставление затрат на образование и сроков окупаемости затрат в течение пяти-шести лет работы для всех категорий специалистов. Пишется там и о неправомерности взимания платы за образование со специалистов — пенсионеров и лиц, проработавших десятки лет. Постановление противоречит статье Конституции СССР о бесплатном образовании и принципу недопустимости придания обратной силы законам, направленным на ограничение гражданских прав.

Размер сумм, назначенных к выплате за образование, превышает в подавляющем большинстве случаев во много раз стоимость всего имущества и достояния лиц, желающих выехать. Для накопления назначенных сумм специалист должен при реально существующих в СССР нормах накопления работать не менее ста лет.

Назначение долговых сроков, которые человек не в состоянии отработать в течение всей своей жизни, является грубым нарушением дополнительной Конвенции о ликвидации всех форм рабства, ратифицированной Правительством СССР.

Поэтому неудивительно, что появление этого Постановления вызвало такую бурную реакцию среди общественности стран Запада. Свой протест заявили широкие круги: от десятков ученых — Нобелевских лауреатов до правительств ряда стран. В ряде стран прошли митинги протеста против закона о выкупе. В ответ на развернувшуюся кампанию протеста против закона о выкупе выступили с заявлениями в его защиту ряд советских официальных лиц и органов печати, которые пытались доказать правомерность данного закона, ссылаясь на якобы аналогичные правила в некоторых странах Запада. Мы не считаем сейчас необходимым показывать несостоятельность подобных аналогий. Наше отношение было ясно высказано в открытом письме группы евреев Москвы, опубликованном в газете «Монд» от 16 сентября 1972 года, в качестве ответа на письмо посла СССР во Франции Абраимова.

Широкий протест против закона о выкупе позволяет нам надеяться, что советские власти поймут его несправедливость и Постановление будет отменено или, по крайней мере, радикально пересмотрено.

В результате бурных протестов против закона о выкупе, последнее время высказываются предположения, что власти СССР изменят

отношение к репатриантам и не будут в некоторых случаях, взимать плату, не отменяя закона в целом. На наш взгляд, это может привести к дополнительному произволу. Применение этого закона должно быть четко сформулировано и юридически оформлено. Распространение подобных мнений имеет лишь одну цель — ослабить накал борьбы за отмену платы для всех. Послабления в ограниченных масштабах могут лишь ввести в заблуждение общественное мнение и дадут возможность властям использовать закон в полной мере. Не временные послабления, а постоянные, не исключения, а для каждого человека — таковыми должны быть изменения в этом законе. Готовность властей следовать этим принципам может быть подтверждена только фактами. Но мы считаем своим долгом обратить внимание на следующие обстоятельства.

Развернувшаяся кампания протеста против этого Постановления может заслонить то, что на сегодняшний день не это Постановление является основным препятствием к выезду квалифицированных специалистов и ученых. Селекция в алии, отсутствие для этих лиц разрешений на выезд — вот что лишает их возможности репатриации, даже в условиях отмены этого Постановления. Общеизвестен факт, что до осени 1968 года, хотя выездная виза независимо от образования стоила 40 руб., число евреев-репатриантов не превышало 1,5 тысяч человек в год, поскольку существовали постоянно ограничения не финансового характера. Поэтому мы должны еще и еще раз подчеркнуть, что борьба за право выезда евреев из СССР в Израиль не должна ограничиваться рамками борьбы против Постановления о выкупе. Каждому еврею, независимо от его образования и квалификации, заявившему о своем желании выехать в Израиль, должна быть предоставлена возможность беспрепятственного выезда.

О СУДЕБНЫХ И НЕСУДЕБНЫХ ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ (Д. АЗБЕЛЬ)

В 1972 году участились аресты и осужден ряд евреев. У властей начинает входить в привычку сажать евреев в тюрьму накануне любой знаменательной даты или приезда высокопоставленных зарубежных гостей без всяких на то законных оснований. Арестованы и осуждены в 1972 году: Бран в Харькове (2,5 года заключения), Владимир Маркман в Свердловске (3 года), Пох в Одессе (3,5 года), Берман в Одессе (3 года), Ханцис в Кирове (1,5 года), Шапиро и Нашпиц в Москве (1 год принудительных работ). Арестованы и ждут суда — Любарский в Ростове, Школьник в Виннице. Дополнительно к этому несколько десятков евреев были в мае и в сентябре помещены в тюрьмы, где некоторые из них содержались без суда в пределах двух недель. Другие были бесосновательно приговорены к 15 дням заключения.

Пока аресты идут по одиночке. Но, если так пойдет дальше, нельзя исключить, что в недалеком будущем настанет черед и новых групповых процессов.

Мы убедились, что наша жизнь здесь регламентируется не законами,

а органами КГБ. Именно они отдают приказы милиции задержать нас дома и на улице, судам — судить, МВД — держать в тюрьмах, врачам-психиатрам отправлять в психбольницы, работникам почты — не доставлять корреспонденцию, работникам связи — выключать телефоны и глушить радиопередачи из Израиля, военкоматам — призывать на сборы и в армию, дружинникам — не пускать в синагогу и разгонять собравшихся, райисполкому — принудительно трудоустроить квалифицированных специалистов и ученых на неквалифицированную работу и т. д. и т. п.

Обращаясь за защитой наших прав, мы наталкиваемся на отказы на всех уровнях—от Прокуратуры до ЦК КПСС. Наши заявления пересылаются в те органы, на которые мы жалуемся. Что же сейчас происходит? Задумываются ли люди, ответственные за репрессии, применяемые к евреям, к чему они могут привести? Черная тень 70 и 190 статей Уголовного кодекса нависла над каждым евреем, который осмеливается думать и рассуждать вслух о проблемах советского еврейства, о проблемах выезда иначе, чем этого требует официальная политика — таково мое восприятие событий последних месяцев, восприятие человека, пребывавшего долгие годы в сталинских застенках. 70 и 190 статьи УК стали в настоящее время уж слишком смахивать на практике на недоброй памяти 58 статью, так хорошо известную многим по собственному опыту.

Провозглашая благо человека основой своей деятельности, власти, занимающиеся еврейскими делами, проявляют склонность рассматривать публичное выражение несогласия с эмиграционной политикой советского правительства, как опасное для общества преступление. На самом деле опасно другое. Опасно, когда суд, призванный блюсти законы, инкриминирует человеку его частные телефонные разговоры. Такое беззаконие допустил суд г. Свердловска в отношении Маркмана. Опасно, когда человека приговаривают к лишению свободы за его жалобы из места заключения в официальные инстанции, не распространяемые ни по каким другим каналам, и за разговоры в лагере, подтвержденные «свидетельскими показаниями» ансамбля уголовников, официально руководимых начальником лагеря, как это имело место в г. Кирове с Ханцисом, который подобно Маркману, стремился выехать в Израиль, и уже отсидел два года за попытку проникнуть в посольство Голландии.

Нет необходимости подробно останавливаться на фактах преследования евреев за их стремление выехать в Израиль — они хорошо известны мировой общественности. В настоящее время содержится в застенках около 40 евреев только за то, что они пытались реализовать свои гражданские права.

Мне посчастливилось после 16 лет заключения в сталинских лагерях и тюрьмах выйти живым. За мной стоят тысячи и тысячи казненных и искалеченных безвинных людей — евреев и неевреев. От имени их я спрашиваю: долго ли это будет продолжаться?! Может быть начинается новый тур так хорошо знакомых времен?!

Я не склонен сравнивать 1972 год с 1937 или 1953 годом (дело врачей), но масштаб «операций» отнюдь не является оправданием антигу-

маных действий. А, главное, история, казалось бы, должна научить, что один акт насилия и произвола с неизбежностью влечет за собой множество новых. И чем дальше заходит цепной эффект насилия, тем труднее его остановить. Такое положение становится невыносимым. Властям настало время перейти от эскалации репрессий к попыткам найти взаимопонимание. Этого требует жизнь, и от этого не уйдешь.

О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ **(Р. РУТМАН, А. ЛЕРНЕР)**

Значительную часть насильственно удерживаемых в Советском Союзе евреев составляют ученые и высококвалифицированные специалисты — инженеры, физики, биологи, математики. Причина их задержания, ранее стыдливо прикрывавшаяся маской секретных работ, якобы выполнявшихся ими в прошлом, теперь все чаще называется прямо. Это против них направлено острое нового чудовищного постановления о выкупе. Общественность западных стран, возмущенная тем, что в середине XX века с учеными и специалистами обращаются как с ценными рабами Римской Империи, возмущенная тем, что попираются основные принципы свободной миграции идей и научного общения, оказывает им широкую поддержку. В борьбу за право выезда советских евреев вступают писатели и общественные деятели, церковные круги различных вероисповеданий, парламентарии Великобритании и сенаторы США. Писатель Митченер пишет страстную статью в защиту советских ученых-евреев...

Не слышно только голоса наших коллег — ученых Запада. Наши друзья, с которыми мы встречались на конференциях, обменивались статьями и идеями, не упускающие случая выразить нам сочувствие в частном порядке, хранят почти единодушное молчание, когда речь идет о публичном выступлении в защиту их коллег в Советском Союзе.

Приходится даже слышать, что поддержка такого рода нежелательна, ибо она наносит вред развитию международных научных связей и советской науке.

Слов нет, развитие международных научных связей отвечает интересам науки, интересам культурного общения между народами. Можно только приветствовать такое развитие, наметившееся в последние годы. Научные контакты между учеными США и СССР расширяются. Если эти связи не будут эффективно использованы для выражения солидарности ученых с их коллегами, насильственно удерживаемыми СССР, и помощи им в их борьбе, то это будет непростительно и безнравственно.

Не нужно закрывать глаза на то, как советские власти попирают свободу научного и культурного общения и в каких целях они стараются использовать международные научные связи. Пора отрешиться от наивности в этом вопросе.

Мы обращаемся к участникам научных собраний: задумывались ли вы над тем, что когда вы жмете руку руководителю советской научной делегации, представляющему советскую науку за рубежом, вы,

возможно, пожимаете руку руководителю научного института, который дал заведомо лживые, перестраховочные сведения о характере работы того или иного ученого-еврея, возбудившего ходатайство о выезде в Израиль, и тем самым обрек своего коллегу на отчаянное положение в стране, которую он стремится покинуть, и на длительное творческое бездействие?

А когда вы беседуете с советским ученым-евреем, если таковой окажется в делегации, — задумывались ли вы над тем, сколько унижений он прошел, чтобы быть включенным в ее состав, сколько раз он открепивался от своих бывших друзей, осмелившихся заявить о своем желании применять свои знания и труд на земле предков; осознали ли вы, какую роль играет он в руках советской пропаганды, стремящейся убедить международную общественность в процветании советского еврейства?..

И желание участвовать в политической борьбе не может служить оправданием для молчания. Лучшие ученые Запада — от Бенджамина Франклина до Фритьофа Нансена — не стояли в стороне от насущных проблем своей эпохи. К тому же, вопрос спасения еврейских ученых, насильственно удерживаемых в СССР — вопрос не политический, а гуманный. Это прямое дело международных научных обществ, ибо пока дискриминация в вопросе выезда производится именно на основе нашей профессиональной принадлежности. Наша борьба — это, в частности, и борьба за свободу научного общения. Международные профессиональные организации и группы писателей, поэтов, деятелей кино и театра дали примеры неослабной борьбы за своих коллег в Советском Союзе, немало способствовавшей успешному результату их борьбы за репатриацию, или воспрепятствовавшие репрессиям против их.

Нет, научные связи — это не самоцель. Слишком часто мир был свидетелем того, как в жертву неправильно понятым абстрактным понятиям прогресса или иному идеалу приносятся в жертву человеческие судьбы или целые народы.

Широкая научная общественность еще скажет свое решающее слово в борьбе за права своих еврейских коллег в СССР. Мы призываем вас удвоить, удесяттерить ваши усилия, которые должны увенчаться успехом.

О ПРОБЛЕМЕ МОЛОДЫХ УЧЕННЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ (Виктор МАНДЕЛЬЦВЕИГ)

Я хочу еще раз остановиться на проблемах репатриации квалифицированных специалистов и ученых. Большинство специалистов, стремящихся уехать в Израиль, — это люди молодого возраста, от 25 до 40 лет, ученые и инженеры, являющиеся во всех странах надеждой и преемниками старшего поколения технической и научной интеллигенции.

И вот эти люди, полные сил и желания работать, в наиболее

творческом и пригодном для занятий наукой возрасте, после подачи ими заявления на выезд в Израиль, как правило, теряют работу по специальности, и вынуждены работать грузчиками, (М. Клячкин, Ю. Кошаровский, М. Бабель), сторожами (И. Бегун, Больдман), обойщиками дверей (Ханович, Либов), или в лучшем случае, если удается найти частные уроки, домашними репетиторами. (С. Гурвиц, В. Рогинский, Б. Айнбивдер и др.). При этом часть специалистов привлекается к физическому труду принудительно, под угрозой тюремного заключения, что противоречит уставу и принципам Международной организации труда, членом которой СССР является, ибо конвенция МОТ № 29 предусматривает, «что каждый член МОТ обязуется упразднить применение обязательного или принудительного труда».

Так, в 1972 году к принудительному неквалифицированному труду были привлечены инженер-электроник Владимир Слепак и молодые ученые физики-теоретики Виктор Яхот и Сергей Гурвиц. Совсем недавно 11 октября милиция побывала на квартирах более чем двадцати евреев, добывающихся выезда, с целью выявления так называемых «тунеядцев». В результате этого налета угроза принудительного трудоустройства нависла еще над двумя квалифицированными специалистами: инженером Владимиром Престинным и кандидатом биологических наук Владимиром Заславским.

Другой мерой властей, предпринятой по отношению к евреям, возбудившим ходатайство о выезде в Израиль, стали превентивные аресты, производимые обычно в день начала какого-либо торжественного события. 21 мая, накануне приезда президента Никсона в Москву, были арестованы и без предъявления обвинения заключены в тюрьму на десяток суток 7 евреев, все с высшим образованием, среди них 4 кандидата наук. 19 сентября 1972 года, в день начала Сессии Верховного Совета СССР, было превентивно арестовано и заключено в тюрьму на время сессии уже 15 евреев, шесть из которых являются кандидатами наук.

Таким образом, положение специалистов — евреев, желающих покинуть СССР, весьма тяжелое. Им труднее всего получить разрешение на выезд, почти невозможно продолжать работу по специальности, именно они в первую очередь подвергаются судебным и внесудебным преследованиям, именно над ними висит угроза растраты творческих сил и потери квалификации.

Закон о выплате денег за образование еще более усугубил трудности выезда дипломированных специалистов. Однако следует помнить, что главной трудностью, с которой сталкивается алия специалистов — это запрещение выезда из СССР, вне зависимости от того, как дорого оценивается данный специалист по прейскуранту, введенному советскими властями. Борьба за выезд специалистов, таким образом — это не только борьба за отмену денежного налога, но прежде всего борьба за свободный выезд из СССР, борьба против дискриминации специалистов, борьба против принудительного трудоустройства, превентивных арестов и т. д.

Все это — борьба за человеческое достоинство и гуманизм, борьба за свободу науки и научного творчества во всем мире. Ибо, как писал

выдающийся ученый, Нобелевский лауреат Макс Борн, — «если этого не сделать — то свобода науки будет поставлена под такую же большую угрозу, как и гражданская свобода отдельного ученого. И эта проблема ответственности также интернациональна, как сама наука».

СИНАГОГИ НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ (Б. ОРЛОВ, Б. МОИШЕЗОН)

Полное отсутствие каких-либо форм национальной, культурной и общественной жизни еврейского народа в Советском Союзе сделало синагогу естественным центром общения евреев. Сюда приходят старики и молодежь. Здесь в дни национальных и религиозных праздников еврейского народа тысячи людей снова чувствуют себя евреями.

Осенний праздник Симхат Тора в Москве привлекал особенно много народа. Соблюдался порядок, милицией устанавливались специальные знаки, запрещающие машинам проезжать через переполненную народом улицу Архипова около московской синагоги.

Все резко изменилось с началом 1972 года. Власти перешли к политике систематического преследования евреев, посещающих синагогу, особенно молодежи, приходящей к синагоге в праздники. Осенью 1971 года уже происходили в Москве инциденты, спровоцированные нагловатыми молодыми людьми с повязками дружинников. Еврейскую молодежь выхватывали из поющих групп и пытались тащить в отделение милиции.

Зимой 1971—1972 года милиция стала разогнать евреев, собирающихся по субботам около синагоги в Москве. Грубость и агрессивность властей возрастали с каждым днем.

В феврале 1972 года объектом преследований стали евреи, посещающие Киевскую синагогу. 10 февраля 1972 года восемь евреев были схвачены около синагоги и четверо из них осуждены на 15 суток тюремного заключения. В течение месяца каждую субботу милиция препятствовала евреям города Киева посещать синагогу, арестовывая молодежь уже за несколько кварталов от синагоги. И каждый раз следовала короткая судебная расправа с неизбежными 15-ю сутками тюрьмы. Произволом и репрессиями власти добились своего — синагогу Киева фактически посещают одни старики.

Весной 1972 года в канун еврейской Пасхи была уже на осадном положении улица Архипова в Москве. Улицу патрулировали сотни дружинников, милиционеров и агентов КГБ, рядом стояли автобусы с милицией. Казалось, кто-то сознательно нагнетает обстановку, создавая душливую атмосферу ожидания погрома. Сразу после богослужения, евреев, выходящих из синагоги выгоняли с улицы, проталкивая сквозь плотные цепи дружинников и милиции, подгоняя резкими криками в мегафоны: «Быстрее, быстрее! Не останавливаться!». Это дикое зрелище видели тысячи людей. Позднее, вечером, милиция избивала группу еврейской молодежи.

Осенние еврейские праздники в памятные дни осени 1972 года —

Рош-Гашана, Йом Кипур, Сукот и, наконец, Симхат Тора — превратились в сплошную цепь насилия и издевательства. Движение транспорта по соседним с синагогой улицам в день праздника каждый раз перекрывалось, и ревущий поток машин специально направлялся через тихую в обычные дни улицу Архипова. Уже на праздник Рош-Гашана улица и все подходы к синагоге были перекрыты железными заградками, сквозь которые не пропускались даже идущие в синагогу старики. Это повторилось на Йом Кипур. Впервые за многие годы праздник Симхат Тора проходил без песен и танцев молодежи. Оглушающий рев милицейских мегафонов, мешающий богослужению, запрещение останавливаться на тротуарах, грубость всех чинов милиции — такова картина еврейского праздника около Московской хоральной синагоги. Улица была во власти разнузданных юнцов с красными повязками дружинников, которым позволено тащить и гнать седобородых евреев с полным сознанием своей безнаказанности, а чины КГБ, стоящие в глубине темных дворов около синагоги, рядом с черными «воронами» спокойно наблюдали эту картину.

Группа евреев, обратившихся в Моссовет с просьбой положить конец бесчинствам около синагоги, фактически получила ответ: «Так было, так будет!» О том, что будет дальше представить не трудно. Недаром отдельные милиционеры и дружинники с огорчением говорили вслух, что пока еще им не разрешают применять оружие, а, вообще-то, следовало бы стрелять.

Мы ждем от общечеловечности мира и, прежде всего, еврейских общин Европы и Америки, не только резкого осуждения, но и активных действий против этих форм современного варварства.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТАКТАХ **(Д. СИМИС)**

Установление так называемого возмещения расходов за образование вызвало возмущение общественного мнения Запада. Соответствующие демарши английского правительства, выступления политических лидеров Великобритании, Франции и ряда других государств придают смелу людям, добывающимся выезда из Советского Союза, вселяют в них новые надежды.

Особое значение для определения перспектив советских евреев, стремящихся репатриироваться в Израиль, имеет позиция Соединенных Штатов. До сих пор процесс таяния льдов в отношениях между СССР и США не привел к позитивным сдвигам в нашем положении. Скорее наоборот. Начиная с мая месяца, со времени визита американского президента в Москву, советские власти отчетливо стали провокационно более жесткий курс в вопросе выезда. У нас нет оснований как-либо связывать между собой эти два события. Мы, прежде всего, не обладаем для подобных заключений необходимой информацией.

Но, так или иначе, сегодня усилия американской общественно-

сти, в первую очередь известная законодательная инициатива в конгрессе США, а также предпринимаемые в том же направлении шаги американского правительства,— главное, а не исключено и единственное, — что способно дать основания для оптимизма. Советский Союз весьма заинтересован в существенном расширении экономического сотрудничества с Соединенными Штатами, в получении кредитов и статуса наибольшего благоприятствования. Советскому Союзу придется серьезно задуматься, если предоставление этих льгот будет поставлено в зависимость от отмены оплаты за образование.

Однако не следует забывать, что отмена оплаты за образование еще отнюдь не распахнула бы двери из СССР для всех, кто хочет покинуть страну, а явилось бы лишь первым, хотя и существенным шагом на пути к этому. Ведь помимо возмещения расходов за образование налицо все растущая лавина немотивированных отказов в разрешении на выезд, налицо, наконец, суровые и несправедливые репрессии, обрушивающиеся на голову лиц, борющихся за осуществление права на выезд. Тут не должно быть места для беспочвенных иллюзий.

Когда мы обращаемся к американской общественности с призывом о помощи, мы ни в коей мере не выступаем в принципе против намечающихся торгово-экономических контактов с Советским Союзом. Речь идет лишь о том, что проявления доброй воли не должны быть односторонними.

Было бы наивно предполагать, даже отвлекаясь от конкретного контекста советско-американских отношений, будто подлинной нормализации возможно добиться, бесконечно шествуя по дороге поблажек, отступая от принципов и жертвуя людьми, дабы не рассердить партнера по переговорам. Не говоря уже о безнравственности такой жертвы, очень скоро пришлось бы убедиться, что она бесполезна, а скорее всего откровенно вредна. Жертвы такого рода обычно воспринимаются не в качестве благородного жеста, символизирующего стремление к миру и сотрудничеству, но как признак слабости, дающий право ожидать дальнейших уступок, на которые уже не готова пойти другая сторона. Тогда наступает время взаимных разочарований, а затем и конфликтов, которых не возникло бы, если бы принципиальные позиции удерживались с самого начала.

Советские власти утверждают, что проблемы связанные с выездом представляют собой внутреннее дело СССР. Международные обязательства, принятые на себя Советским Союзом, создают предпосылки для иной точки зрения. Признать, что соблюдение фундаментальных прав человека относится исключительно к компетенции каждого отдельного государства, был бы крайне опасным прецедентом. Могут найтись охотники оправдать с его помощью и концлагеря.

Но при всех условиях разве допустимо, строя отношения с государством, совершенно не учитывать его внутреннюю политику? Те, кто хотят, чтобы цивилизованные народы общались с ними без настороженности и предубеждения, должны соблюдать определенные элементарные нормы приличия и в своей внутренней жизни.

Приложение:

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «МОНД».

Мы, группа евреев Москвы, имели возможность ознакомиться с содержанием опубликованной в Вашей газете переписки между господином Миттераном и послом Абросимовым. Нас непосредственно касается та часть переписки, которая затрагивает новый закон о выплате огромных сумм за образование при выезде из СССР.

Тезис о том, что система препятствий на пути к репатриации евреев является внутренним делом СССР, таит в себе смертельную опасность. Если каждое правительство будет относить любое действие, справедливость которого отрицается широким общественным мнением, к своей внутренней компетенции, и любую критику своих действий рассматривать, как нарушение своего суверенитета, то можно очень быстро скатиться ко временам торжества насилия и мракобесия.

Утверждая, что в упомянутом законе говорится обо всех, а не только о евреях, посол Абросимов формально прав. Но поскольку евреи — единственная национальная формация, репатриация которой из СССР на Родину проведет в достаточно широких масштабах (16 тыс. человек за первое полугодие 1972 г.), то становится очевидным, что по существу этот закон — явно антиеврейский. Да и само принятие этого закона в настоящее время несомненно связано с ростом выезда евреев, стремящихся выехать из СССР. Юридически закон не может быть применен к людям, давно получившим высшее образование, поскольку закон не имеет обратной силы. Закон не обоснован и с экономической точки зрения. По оценкам советских экономистов за 5—6 лет работы специалист возмещает все затраты на его образование. Тем более абсурдно взимание этих сумм с пенсионеров, которые к тому же при выезде лишаются выплаты назначенной им пожизненной пенсии.

Посол Абросимов упрекает господина Миттерана за попытку поставить евреев СССР в особое положение среди других национальностей СССР. Да, нам тоже знакома статья 123 Конституций СССР, цитируемая послом Абросимовым. Но мы помним также о разгроме еврейской интеллигенции в 1948 и 1953 годах, о «деле врачей» в 1953 г., мы знаем о бурной антиссионистской (а по духу антиеврейской) кампании в печати, начавшейся в июне 1967 года и продолжающейся по сей день.

Нас возмущает несправедливость, необъективная позиция СССР по отношению к Израилю. СССР не считал нужным осудить последнее злодеяние в Мюнхене.

И, наконец, самое существенное, — у нас — официально именуемых советскими гражданами еврейской национальности, есть в мире наша национальная историческая Родина — государство Израиль.

Что касается аргументов посла Абросимова о «дискриминации» русских в области высшего образования, то они по меньшей мере несерьезны. Да, число студентов относительно более высоко среди евреев, чем среди русских. Но в последние годы этот процент неизменно уменьшается, и новые государственные меры принимаются для «регламентации» числа специалистов, согласно национальной принадлежности.

В заключение мы хотим напомнить, что поколения наших предков трудились на благо России. Покидая Россию, мы ничего не уезжаем, практически мы уезжаем нищими. Требовать от человека более того, чем он обладает — акт бесчеловечный и аморальный.

Э. МАРКИШ
Д. МАРКИШ
В. ПОЛЬСКИЙ
А. ЛЕРНЕР
Б. МОЙШЕЗОН
Н. ФАИНГОЛЬД

10.09.72.

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

В начале сентября 500 евреев из различных городов СССР обратились к Верховному Совету с просьбой не утверждать указ о взимании платы за образование, так как этот указ по существу своему противоречит Конституции (в СССР согласно Конституции все виды образования бесплатны) и не учитывает ряд факторов: трудовой стаж, потерю заработной части пенсии и доли общественной собственности, а также тех средств, которые были израсходованы на невозвращенные займы государству. Кроме того, установленные цены в 2—3 раза превышали фактические расходы государства на образование.

Предполагалось, что большая группа представителей евреев из разных городов СССР накануне открытия сессии Верховного Совета пойдут в его приемную за ответом на свое обращение. 15 сентября 20 московских евреев неожиданно пришли в приемную Президиума Верховного Со-

вета и обратились к просьбой о приеме их ответственным работником для обсуждения вопросов, поднятых в обращении 500 человек. Слово «неожиданно» использовано здесь не случайно. Дело в том, что практически ни одно действие евреев не оставалось тайной для КГБ. По-видимому, подслушанные телефонные разговоры или другие источники информации всегда вводили работников КГБ «в курс» дела», и когда группа евреев собиралась у какого-либо официального учреждения или у синагоги, там их уже поджидали одни и те же люди в штатском, лица которых хорошо знакомы активистам движения за выезд евреев из СССР. Поход 15 сентября был по существу разведкой намерений властей, так как многие опасались серьезных репрессий в случае массового похода евреев в день открытия сессии 19 сентября.

15 сентября в приемную Пре-

зидиума пришли люди, хорошо знавшие и доверявшие друг другу, поэтому впервые за долгое время сотрудники КГБ появились с опозданием на полчаса. С 10 до 15 часов 20 евреев сидели в помещении приемной, тщательно дожидаясь ответа. К концу дня им было сообщено, что они не будут приняты.

16 сентября, в субботу, у московской синагоги, как обычно, собрались десятки евреев. Некоторые были растеряны, другие испуганы. Однако было решено идти 19 сентября в Президиум с протестом. Два дня в Москве не умолкали телефоны активистов. Многие решали для себя вопрос: идти или не идти. Как выяснилось, впоследствии, в это же время не сидели без дела работники КГБ и милиции.

Утром 19 сентября начались массовые аресты: Иду Нудель остановили у входа в метро, Гарика Свечинского — у выхода из метро перед зданием Президиума; Бориса Орлова и Натана Файнгольда буквально вытащили из постели; Дана Рогинского и Бориса Айнбиндера увезли из квартиры, хотя они и не собирались идти в Президиум; Иосифа Бегуна арестовали в будке, где он работал сторожем; Марка Нашпица взяли в проходной завода, когда он шел на работу; Владимира Слепака арестовали, когда он подходил к Президиуму, Михаила Бабеля поджидали в телефонной будке рядом с домом. Когда он вышел из парадной, его окликнули по имени. М. Бабель остановился и, приняв поджидавших его людей за евреев, сказал каждому «шалом» и поднял руку. После этого «друзья» посадили его в ма-

шину и увезли. Владимир Заславский вышел из дома, но прикрепленные к нему работники КГБ еще не успели явиться. Они «хватили его возле здания Президиума, когда он вышел из приемной, чтобы позвонить по телефону. Кагебешники были сильно обижены на Заславского: «Во сколько вы вышли из дома?» — «Надо во-время приходиться на работу», — ответил Володя. Не обошлось и без курьезов. Семен Бабинский, выйдя из дома и увидев «двоих в штатском», стал от них убежать. Но скоро он понял, что бежать бесполезно, и сел на скамейку, — «Бабинский, почему вы бежите?» — спросил его один из запыхавшихся чинов. — «А я всегда бегая по утрам», — ответил Семен.

К Президиуму Верховного Совета удалось дойти только 52 евреям. В 11 часов утра они подали два письма протеста: одно — против указа о выкупе и отказа в приеме представителей евреев, второе — против арестов и репрессий по отношению к евреям, добывающимся выезда в Израиль. Среди подписавших это письмо были евреи из Москвы, Киева, Ленинграда, Новосибирска, Тбилиси. К 14 часам, когда евреям было заявлено, что никто с ними разговаривать не будет, большинство отправилось на Центральный телеграф. Двое: Валерий Крыжак и Израэль Палхан остались в приемной с тем, чтобы не уходить оттуда до конца работы сессии (было известно, что сессия продлится 4 дня).

На Центральном телеграфе в 16.00 14 евреев объявили голодовку. Были отправлены две те-

леграммы протеста против указа о выкупе и арестов евреев — в адрес Верховного Совета и Генеральному прокурору Руденко. Вскоре телеграф был буквально наводнен работниками КГБ, во дворе стояли наготове крытые машины и около сотни работников милиции. Тем не менее к голодавшим присоединялись все новые и новые люди. К вечеру их осталось 27 человек, так как некоторых арестовывали поодиночке. Так, например, неожиданно, исчезли киевлянин Фельдман, москвичи Писаревский и Волох, вышедшие позвонить.

Примерно в семь часов вечера на телеграф пришли Владимир Слепак и Ида Нудель, которых освободили после утреннего ареста. По-видимому, это была уловка властей, пытавшихся прекратить голодовку. Вскоре на телеграфе появились, по выражению одного из участников голодовки, «высшие члены ГБ». С ними прибыл и полковник милиции (кажется, Зубков), гаркнувший на Слепака: «А ну, шагом марш отсюда под лавку!» — «Ты сейчас сам пойдешь отсюда в казарму гусиным шагом», — ответил невозмутимый Володя. Эти слова Зубков впоследствии припомнил Слепаку.

Около девяти часов вечера участники голодовки были окружены цепью милиционеров и им было дано 15 минут на то, чтобы «убрались» с телеграфа. Когда время истекло, цепь милиционеров двинулась на евреев и арестовала Ефима Маневича, отказавшегося покинуть телеграф. Остальные участники голодовки снова пошли к приемной Президиума. Там были арестованы еще 8 евреев: Валерий Крыжак, Исраэль Палхан, Михаил Рыжик, Лев Левин, Борис Цитленок, Евгения Кержнер, Илья Белау, Анна Красина.

Около одиннадцати часов вечера был арестован Владимир Слепак. Двое дружинников, поджидавших его у дома, потребовали предъявить документы. Слепак отказался это сделать до тех пор, пока «дружинники» не предъявят свои удостоверения. Тогда один из них остановил милицейскую машину, и сидевший в ней проверил документы Слепака. Найдя их в полном порядке, милиционер решил было уехать, но один из «дружинников» стал горячо шептать ему на ухо. — «Ладно, поехали в милицию, — там разберемся!» — сказал милиционер, и Володю Слепака увезли. Полковник Зубков не мог простить ему «гусиного шага».

Евреи, «превентивно» арестованные утром 19 сентября, без предъявления каких-либо обвинений и суда, почти четверо суток содержались в тюрьмах Коломны (В. Маш, В. Заславский, В. Перельман, Н. Файнгольд, Д. Рогинский) и Волоколамска (С. Бабинский, Г. Шапиро, В. Мандельцвейг, М. Бабель, М. Наппиц, Б. Орлов, Л. Цыпин, И. Бегун, В. Фаермарк, В. Белоцерковский). Ида Нудель, Г. Свечинский и Б. Айвбиндер были отпущены в тот же день вечером. Илья Белау и Алексей Тумерман оказались в психиатрической больнице, где их продержали несколько дней. 9 евреев, арестованных вечером, были развезены по разным отделениям милиции, в которых они находились почти трое суток.

Семьям арестованных ничего не было сообщено о месте нахождения арестованных. Вечером 19 сентября жены арестованных и активистки движения договорились встретиться 20 сентября в 11 часов утра напротив Центрального телеграфа с тем, чтобы начать розыски. В 10 часов 55 минут к парикмахерской, у которой собрались женщины, подъехали две милицейские машины. Полковник Зубков грубо потребовал, чтобы собравшиеся «убрались по своим местам». Одна из жен арестованных сказала ему: «Ну что вы за нами ходите? Мы поговорим и разойдемся, ведь у нас дома дети». — «Ну и идите, — со злостью сказал Зубков, — а то мы вам живо палочек отыщем».

В розыски арестованных активно включились активисты, оставшиеся на свободе. Они объехали несколько отделений милиции, УВД и другие органы, но нигде не могли добиться ответа. Впечатление было такое, что люди бесследно пропали. За каждой группой активистов неотступно следовала машина с «людьми в штатском».

Жена одного из арестованных 20 сентября направила в прокуратуру телеграмму протеста против ареста ее мужа и просила сообщить место его заключения. Ответное письмо из прокуратуры было отправлено лишь через день после освобождения всех арестованных — 5 октября; в нем сообщалось, что ввиду отсутствия сведений о годе рождения и месте работы арестованного не представляется возможным установить, где он содержится и является ли его арест законным.

Вечером 19 сентября полковник Зубков проводил «беседы» с некоторыми из арестованных. Его основной тезис состоял в том, что он в свои 48 лет уже 35 лет работает, а все евреи никогда не трудились и вообще им надо «трактором пахать». Перемешивая мат с антисемитскими выпадами, он, наконец, заявил, что милиция не будет «нянчиться» с евреями; «взять бы 200 работяг с ЗИЛа, они бы вас разорвали бы на части».

22 сентября состоялась инсценировка суда над «нарушителями общественного порядка». В. Крыжак, Е. Маневич, И. Палхан, М. Рыжик, В. Слепак были приговорены к 15 суткам ареста; Е. Кержнер, Л. Левин, Б. Цитленок — к 10 суткам, а А. Красина — к штрафу в размере 20 рублей. Все они не признали своей вины, так как милиция не имела оснований требовать их ухода с телеграфа, который работает круглосуточно. Так как никакого нарушения общественного порядка со стороны этих евреев не было, то в протоколах милиции и приговорах судьи фигурировали такие обвинения, как «грубость» и «злостное неповиновение» сотрудникам милиции. Все они были помещены в московскую тюрьму «Матроская тишина». Первые сутки часть из них продержали в грязном туалете, а В. Слепака и Е. Маневича — в «боксе», железном ящике размером с телефонную будку, снабженную узенькой скамейкой, на которой едва можно было сидеть. Стены бокса были покрыты специальным раствором, создававшим острые выступы, а передняя дверь представляла собой

большую металлическую терку. Затем всех перевели в камеры — одиночки с выбитыми стеклами, где по ночам стоял пронизывающий холод; ни постелей, ни теплой одежды у осужденных не было; спали они не раздеваясь, на деревянных нарах; горячей пищей кормили через день, в голодные дни давали по полбуханки черного хлеба и кипятка.

Но дух евреев не был сломлен. Лев Левин продолжал голодовку все 10 дней, которые он находился в тюрьме. В камерах учили иврит, пели еврейские песни, не обращая внимания на угрозы охраны.

4 октября последние пятеро заключенных были вывезены из тюрьмы на «черном вороне», который поистине является символом черного дня московских властей — 19 сентября: в этот день власти столкнулись с массовым протестом евреев, борющихся за свои права. Этот день показал, что когда евреи едины и бескомпромиссно борются за свои права, они побеждают. Трудно переоценить, какое значение имел этот день для последующих событий — получения десятками семей московских евреев разрешения на выезд без выкупа.

ПИСЬМО ИЗ КИЕВА

К ЕВРЕЙСКИМ ОБЩИНАМ, К ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ ВО ВСЕХ СТРАНАХ МИРА.

Не от депутатов Верховного Совета СССР, к которым мы обращались с письмом протеста, не от советских властей, не из советских газет узнали об этом событии евреи Киева. Безрадостным осенним вечером, прикинув к радиоприемникам, слушали мы сквозь треск и грохот глушителей далекий голос Америки. Диктор из Вашингтона рассказал нам о том, что случилось в Москве. Десятки еврейских семей, уезжающих в Израиль, освобождены от уплаты налога на высшее образование. Это было в Москве, а на следующий день в Киеве мы видели собственными глазами, как оживают люди. Еще вчера, отчаявшиеся и униженные, беспомощные в своем положении, нищие перед лицом непомерных платежей, сегодня они торопливо и наспех пожимают нам руки, рассеянно принимают поздравления и куда-то спешат. Они счастливы и уезжают. Они уезжают, а мы остаемся. Мы никому не торопимся и у нас есть время для обстоятельной беседы с вами, с людьми, которые сделали это благородное дело. Прежде всего — спасибо. Безвыходна наша нищета перед лицом этого указа, нищета еврейской сторублевой интеллигенции, лишенной возможности уехать на родину. Спасибо за то, что вы почувствовали и осознали это. Вы поняли все, и за это спасибо, друзья. Мы, как и вы, люди да-

лекие от политики. Мы понимаем, что у вас есть свои неотложные проблемы, и не хотим выставлять свои в качестве первостепенных. Мы хотим сказать всем, кто оказал нам бескорыстную помощь, что вопрос репатриации евреев из Советского Союза попрежнему остается нерешенным. Указ о непомерной плате за наши дипломы, указ, не учитывающий ни возраста, ни стажа, ни других обстоятельств, не отменен, и стоимость нашего выкупа не снижена. Едва приоткрывшаяся сегодня дверь может завтра захлопнуться вновь. Да, многие семьи получили разрешения на выезд без оплаты на образование, но и многих обязывают платить. И это только один из барьеров на нашем тернистом пути в Израиль. Печальная участь евреев, которым отказано в праве на выезд в Израиль, чьи заявления оставлены без ответа, становится своеобразным пугалом. Наше безвыходное положение должно наводить страх на остальных евреев, которые в глубине души считают своей родиной Израиль. Все мы чувствуем, что отъезд каждого еврея на родину превращен в лотерею: одному отказано, другому разрешено, — и ставка в этой игре — судьба наших жен, детей и родителей. А ведь есть и более безопасная альтернатива: остаться «советским гражданином еврейской национальности», как нас официально именуют в прессе СССР. Наша судьба стала иллюстрацией того, что ждет еврея, который выбрал путь на родину. Мы по себе знаем, что еврей, заявивший о своем желании выехать в Израиль, становится отверженным, его ждут долгие месяцы борьбы за выезд, с ним боятся здороваться знакомые и соседи, его под любым предлогом, а часто и без предлога лишают работы, его детей третируют в школе, его квартиру посещает милиция, у него выключают телефон; адресованные ему письма таинственно исчезают. Тот, кто гордо и мужественно несет свое бремя страданий, преступник. Пошел к синагоге — сажают в тюрьму; мы возложили венки в память еврейских спортсменов, и нас приговорили к двухнедельному тюремному заключению. В годовщину трагедии Бабьего Яра, поголовного расстрела фашистами всего еврейского населения города Киева, нам запретили на траурной ленте венка из цветов написать слово «еврей». Еврейские общины, люди доброй воли делают многое для нас. Тысячи людей уже покинули Россию, получив право уехать в Израиль, — вы помогли им в этом. Разве можно оценить, сколько есть еще еврейских семей, которые хотят уехать и страшатся нашей судьбы. Мы не обладаем точной информацией о том, сколько евреев отпущено, и сколько удерживается. Но когда речь идет о судьбах живых людей, нет места арифметическим понятиям «больше» или «меньше», а попытки свести дело к ним — глубоко аморальны. Но если нам с вами удастся добиться и нашего выезда, мы избавим еще многих евреев от страха перед произволом. Мы уверены в себе, в том, что решимость наша добиваться возможности уехать домой будет расти день ото дня, и мы уверены в вас, в том, что ваша поддержка будет всегда с нами. И мы верим в то, что наступит день, и мы сможем произнести слова благодарности, стоя на своей земле в Израиле.

Зиновий Меламед, Юрий Сороко, Бася Сороко, Роман Лейбенгруб, Добренко, Юлий Тартаковский, Александр Фельдман, Ян Монастырский.

ИНТЕРВЬЮ С НАТАЛИЕЙ И НИНОЙ МИХОЭЛС-ВОВСИ

12 ноября 1972 года в Израиле репатриировались Наталья и Нина Михоэлс-Вовси — дочери выдающегося еврейского артиста, режиссера и общественного деятеля Соломона Михайловича Михоэлса, убитого 13 января 1948 года по личному распоряжению Сталина. В тот роковой день в лице Михоэлса была убита последняя надежда на возможность развития еврейской национальной культу-

Ш. МИХОЭЛС за два дня до гибели 13 января 1948 г.

ры в Советском Союзе. Через 25 лет после гибели Соломона Михоэлса — 13 января 1973 года оставшиеся в живых старые друзья вместе с новыми друзьями и поклонниками таланта Михоэлса в Израиле и в странах диаспоры впервые собрались на древней родине еврейского народа, чтобы почтить память одного из великих своих сыновей. Собы-

тие, несомненно, символическое.

Уже в первом номере журнала «Сион», одна из главных задач которого — «забота о единой национальной культуре, сливающей все оттенки различий в одну безграничную духовную силу» (от редакции, «Сион» № 1, стр. 5), были опубликованы «Воспоминания актера» Элиэзера Варди-Блюмина, ученика Соломона Михоэлса.

Естественно, что приезд членов семьи Михоэлс — Вовси в нашу страну не мог не привлечь к себе внимание редакции журнала.

Однажды вечером, вскоре после их приезда, журналистка Д. Островская встретила с сестрами Натальей и Ниной Михоэлс в отеле «Бейт Мильман» в Тель-Авиве, где они сейчас живут и изучают иврит в ульпане при отеле.

С согласия Натальи и Нины мы публикуем фрагменты этой беседы.

— После краткого знакомства хозяева пригласили меня к столу, за которым они выполняли домашние задания по ивриту, и предложили выпить чашку кофе. Завязалась беседа и мы сразу же коснулись событий недавнего прошлого. Наталья Михоэлс сказала:

— Я считаю, что выезд евреев из СССР можно вполне назвать словом «движение». В Москве это производит огромное впечатление. Особенно в первый раз, когда мы увидели там проводы в Израиль. Возникло, я бы сказа-

ла, «чувство исхода». Инициатором, конечно, является молодежь. Люди старшего поколения, в основном тянутся за молодыми. Я знаю много примеров, когда представители старшего поколения выехали потому, что едут дети. Мы с сестрой еще не чувствуем себя людьми, так сказать, особенно пожилыми. Что-то зрело и в нас. Но принять окончательное решение, оторваться от всего очень трудно людям, у которых позади огромный багаж отношений и связей. И в конечном счете мы выехали оттуда ради будущего моей дочери. —

И хотя события последних лет и месяцев не могли не волновать Наталью и Нину Михоэлс, мне хотелось поговорить о более далеком прошлом, о событиях двадцатипятилетней давности. Поэтому я задала им вопрос, видимо, довольно наивный с моей стороны — думали ли они в годы, последовавшие за гибелью их отца, о возможности репатриации в Израиль. Ответ Натальи Михоэлс прозвучал весьма определенно:

— В те годы нам бы даже в голову не пришло, что можно куда-то уехать, потому что при жизни Сталина каждый считал себя не только прикрепленным к той стране, но и к городу. Каждый из нас мечтал остаться в Москве и не попасть в место более отдаленное.

И поясняя свою мысль, она добавила:

— Более того, нам как-то представилась возможность переехать в лучшую квартиру, но мы отбросили эту идею. Нам казалось, что даже в другую квартиру опасно переезжать: дай

Бог остаться там, где мы находились.

В годы Сталина, если человек уезжал всего лишь на гастроли и от него долго не было писем, то одно это уже порождало тревогу, страх за него потому что люди пропадали, выходили из дому и пропадали навсегда. Задача сводилась к тому, чтобы семья была цела и чтобы была вся в сборе, а каждый отъезд кого-либо из города вызывал напряженное ожидание. Нет, я не представляю себе, чтобы у кого-либо в голове могла родиться мысль, что можно куда-то выехать из Москвы за пределы Советского Союза. Особенно в 1948 году. После папиной гибели вся атмосфера вокруг еврейской культуры настолько сгустилась, что мы просто не знали, в каком направлении этот нарыв прорвется. Но то, что разразится катастрофа, было совершенно ясно. —

Я поделилась с Ниной и Натальей Михоэлс тем, что недавно мне пришлось провести интервью с несколькими новыми репатриантами из СССР. Один из вопросов, который я задала им, касался причин их приезда в Израиль. Я получила настолько разные ответы, что у меня создалось впечатление, что нынешнюю алию можно разделить на ряд групп. В разговор вступает Нина Михоэлс:

— Это явление настолько сложное, настолько многогранное, что должно пройти очень много времени, прежде чем можно будет разобраться в происходящем. Я уверена, что этим будут заниматься ученые разных профилей: и психологи, и историки, и социологи. Кроме того, я думаю,

что как в любом массовом движении, тут существует элемент мистический, необъяснимый: какой-то порыв охватывает тысячи людей. И если делить отъезжающих на какие-то группы, то получится самая примитивная классификация.

— Можно, пожалуй, объяснить некоторые мотивы, приведшие к решению репатрироваться. Мотивы уже можно как-то классифицировать. Прежде всего есть молодежь, которая воспитывалась в сугубо еврейских традициях или те, у которых национальное чувство по тем или иным причинам было настолько сильно, что желание уехать созрело еще с того момента, когда они осознали себя как личность. Как только Израиль перестал существовать как нечто совершенно недостижимое, их чувства сублимировались и они решили ехать туда. Для них не стоял вопрос — ехать или не ехать. Для них Израиль — действительно их историческая и национальная родина. С другой стороны есть еще одна категория людей, которые просто задыхаются, они не могут жить в Советском Союзе и едут для того, чтобы уехать отсюда. Едут ли они в Израиль или не в Израиль — это вопрос их порядочности, при этом вполне может быть, что они едут в Израиль, но основной толчок для них — выехать из Советского Союза. Затем, мне кажется, что есть и такая категория людей, которые едут просто обогатиться, но она немногочисленна. Поскольку в Советском Союзе представления о свободном мире и, в частности, об Израиле весьма и весьма примитивны, а информация доходит в таком ис-

каженном виде, что воссоздать всю картину жизни здесь, просто невозможно, у этих людей складывается впечатление, что тут доллары буквально на деревьях растут, что приехать и стать миллионером, так же просто, как это показывают в советских фильмах.

Можно наметить и четвертую категорию людей. Я говорю о людях искусства потому, что мы сами в этом обществе больше всего вращались, но, очевидно, люди науки тоже сюда относятся (Добавлю в скобках, что Нина Михоэлс по специальности — театральная режиссер). У них есть все, что им нужно иметь, они настолько ассимилировались, что о том, что они евреи, становится известно другим лишь тогда, когда они вдруг решают уехать в Израиль. Они не чувствовали себя евреями, они растворились в русской культуре. Они отдают себе отчет, что едут в полную неизвестность, что они отказываются от всего, от тех возможностей, которые могли иметь только в Советском Союзе. Я думаю, что в Израиле они могут рассчитывать на радужные перспективы. Более того, они совершенно сознательно идут на трагедию в семье, оставляют там всех: братьев, сестер, родителей и едут в полную неизвестность. Чем объяснить порыв этих людей, я совершенно не знаю. Думаю, должно пройти время, чтобы понять это невероятно интересное явление.

В комнату вошла миловидная молодая женщина. Оказалось, что это дочь Натальи Михоэлс.

Я спросила ее, всегда ли она чувствовала себя еврейкой.

— К сожалению, лишь тогда, когда я стала ощущать непосредственно на себе притеснения: не принимали в университет, спрашивали, почему у вас фамилия не русская, меняли оценки, не брали на работу. А после окончания университета, в различных отделах кадров мне прямо говорили, что я — еврейка и отказывались брать на работу. Таким образом, моя жизнь была сосредоточена в основном дома, где наряду с еврейской культурой была русская и польская, среди которых я выросла.

Тогда я спросила у Натальи Михозлс, не пыталась ли она, по крайней мере, сохранить национальный характер своего дома. Ну хотя бы для того, чтобы привлечь своей дочери интерес к еврейству, еврейской культуре.

— Нет, еврейский дом создать было совершенно невозможно, потому что с момента, когда моя дочь стала подрастать, еврейская культура была практически уничтожена. У нас не было даже языка: между собой мы говорили по-русски, мой муж очень плохо знал идиш. Да и я, собственно, знала литературный идиш, тот, который был в театре, потому что дома у нас на идиш тоже почти не говорили. У папы жена была русская, наша мама умерла, когда мы были совсем маленькими. И кроме того, у папы было много самых разных друзей. Русская культура настолько сильна, настолько поглощает, что, естественно, если нет прямых источников, питающих национальную культуру, то она действительно умирает. Хочется добавить, что моей дочке было четыре года, когда все были арестованы. И даже,

если бы хотелось, просто не с кем было разговаривать на идиш. Сейчас начинаю снова говорить, чувствую, как мне не хватает слов, чтобы выразить свою мысль.

Но с другой стороны, совершенно исключить влияние еврейской культуры на нашу жизнь тоже не совсем верно. Каждый год 13 января в день гибели папы у нас собирались люди, которые его помнили, сохранился кое-кто из еврейских актеров из группы молодежи, студентов. И когда дочь немного подросла, она стала встречаться с этими людьми. Дочка как-то особенно волновалась каждый раз. Люди приходили, пели песни на еврейском языке, вспоминали о тех временах, когда папа был жив. При этом надо помнить, что интеллигенция в Москве до недавнего времени не пела песен. А была традиция — петь еврейские песни, говорить о родных людях, вспоминать истории, связанные с папой. И эти песни на не понятном для нее языке и рассказы очень ее волновали. Но в доме атмосфера была, конечно, очень космополитичная — в хорошем смысле этого слова, если подразумевать под ним интернационализм культуры.

Хотя из опыта я знаю, что о главной причине приезда, все отвечают почти одинаково, я все же задала этот вопрос. Вот, что мне ответила Нина Михозлс:

— Очевидно, чувство человеческого достоинства. Чувство принадлежности к еврейскому народу ощутилось после Шестидневной войны. В те дни было какое-то странное психофизическое ощущение отсутствия про-

страстности, будто все очень сближилось.

Чувство собственного достоинства пришло независимо от оценки, созрела ли я, чтобы приехать. Такой оценки не было. А дальше один человек встречался с другим, который пришел к решению ехать в Израиль и, видимо, внутри нас происходил процесс, который объединял, и каждый приходил к этому ре-

одно и то же время высказали одно и то же желание. Почему мы не подавали раньше? Очевидно, раньше мы сами для себя не понимали до конца, что отъезд стал необходимостью, внутренней, психологической — какой угодно. Мне кажется, что сейчас вообще такая эпоха, такое время, когда трудно сидеть между двумя стульями. И возраст играет определенную роль —

Ш. Михоэле (справа) в роли реб Алтера (в спектакле «Мазл-тов» Шолом-Алейхема и М. Шагал (слева).

шению своим путем. Мы с сестрой все-таки выросли в еврейской культуре, культуре на языке идиш. И очевидно, тоска по этой культуре накопилась, была очень велика. Я работала все время на русской сцене, с русскими актерами, но театр для меня как понятие, как явление культуры, начался с еврейского театра. И через призму его я воспринимала все в жизни. Естественно, когда обострилось чувство тоски, тяготения к еврейству, мы с сестрой, даже не сговариваясь, думая про себя, не говоря друг другу ничего, примерно в

какая-то внутренняя зрелость уже наступила и лицемерие, фальшивость больше невозможны: либо нужно стать окончательным приспособленцем, либо нужно сказать себе всю правду. А правда заключалась в том, что нужно ехать сюда, в Израиль. Когда мы пришли к этому решению, мы сразу стали действовать.

Я ушла из института, не столько руководствуясь тем, что нужно брать характеристику, сколько по причине моей болезни: я попала в больницу. Лежа в больнице, я размышляла,

времени, естественно, было достаточно, и там я пришла к окончательному решению.

Я попросила Нину Михоэлс рассказать о ее первых впечатлениях от встречи с Израилем.

— Я еще слишком мало видела в Израиле. Хотелось бы только сказать о самом первом своем ощущении. Я не люблю фанатичности, считаю, что это тупик. Но когда я села в самолет в Вене и увидела надписи на иврите, я даже не ожидала, что меня это так взволнует. Потому что я вдруг поняла, что можно на своем языке говорить и писать, все читать и, очевидно, эти открытия продолжатся.

Разговор зашел о еврейской культуре на языке идиш.

Я рассказала Наталье и Нине Михоэлс, что в последнее время несколько научно-исследовательских институтов провело исследование на тему: «Культура на языке идиш в Израиле». Оказалось, что молодые люди, родившиеся в Израиле, считают, что культура на идиш — это культура евреев рассеяния. Поскольку в Израиле государственным языком является иврит, надо развивать культуру только на языке иврит. Нина Михоэлс ответила не сразу.

— Вопрос культуры на идиш очень сложный. Это действительно культура рассеяния. Но, с другой стороны, евреи всего мира лучше всего договариваются между собой на языке идиш. Есть и другой аспект. Культура, которую пытались сохранить и сконцентрировать в Советском Союзе в свое время, была культура на идиш и это была единственная возможность сохранить еврейскую националь-

ную культуру вообще. Естественно, что нам, выросшим на этой культуре, она очень дорога. Более того, мне кажется, что одно не исключает другого, что параллельно с культурой на иврите (естественно, что для молодого поколения в Израиле ближе культура на иврите) должна сохраняться по возможности культура на идиш, потому что это не только вопрос адаптации психологической еще двух-трех поколений, но что самое важное, на идиш накоплена богатая культура галута, которая не должна пропасть. Были убиты писатели, но остались книги и книги настоящие, интересные, глубокие, их просто плохо знают. И я думаю, максимум, что сумеют сделать евреи, приехавшие из России и из стран рассеяния — это собрать все, написанное на идиш и сохранить для тех, кому это будет интересно. Но пропасть эта культура не должна, потому что народ рассеяния, объединенный одним языком и культурой на протяжении столетий, не должен дать этой культуре кануть в вечность. Это мое глубочайшее убеждение.

В разговор вступила Наталья Михоэлс:

— На этот вопрос я тоже хотела бы ответить. Как религия объединяет евреев во всем мире, так же объединяет их и идиш. Где угодно, даже здесь, встречаясь с евреями из разных стран, я поняла, что идиш — это какой-то интернациональный язык евреев, на котором можно договориться почти со всеми. Единственное, что пока меня огорчает в Израиле, я с этим уже столк-

пулась — это тот факт, что у сабров чувствуется какое-то пренебрежение к культуре на идиш, хотя они ее просто не знают, пренебрежение к языку, потому что этот язык воспринимается, не как самобытный. Находясь в Москве, я думала, как было бы прекрасно, если бы можно было сохранить в той мере, в которой нам удастся, культуру на идиш, чтобы последующие поколения поняли, что это была большая, настоящая культура. И вот, когда у нас возникла мысль приехать сюда, — если нам это удастся, — так мы всегда говорили, — то мы бы хотели по возможности создать здесь музей еврейской культуры «Между двумя войнами» 1917—1941 г.г. Конечно, материалов очень мало, потому что основное, что было, уничтожалось в несколько этапов. Хотелось бы привести один лишь пример. Когда закрыли ГОСЕТ, материалы отдали в Бахрушинский музей. Сначала планировалось создать музей в театре. Сразу после папиной гибели нам позвонили из Министерства Культуры и сказали, что в помещении папиного кабинета будет создан музей, меня назначили его заведующей. Мы принесли много материалов. Вообще-то, папа никогда ничего не сохранял — ни фотографий, ни рецензий, ни рукописей. Мы сами их собирали: торчит у него из кармана что-то, мы вытаскивали и куда-нибудь прятали. Так вот, когда меня назначили заведующей музеем, все что у нас было дома, мы перенесли в театр. Прошел год. Как-то раз я пришла на работу и увидела, что на двери кабинета висит табличка «Агитпункт». Меня встре-

тил директор и сказал, что ему было приказано срочно очистить помещение, потому что тут будет агитпункт, словно о музее никогда не шло речи. Для нас это было полной неожиданностью, хотя театр находился уже в очень тяжелом положении — к тому времени Зускина, художественного руководителя театра, уже арестовали, но все-таки предпринимались какие-то усилия что-то сохранить. Мы были потрясены, не знали, что делать, но директор сообщил, что все уже отправлено, а куда — не сказал. Мы попытались забрать с собой то небольшое, что осталось, но где это сохранять, нам тогда тоже было непонятно, поскольку наши друзья, как и мы, понимали, что вскоре все мы должны будем исчезнуть. Прошло несколько лет, уже после реабилитации врачей, реабилитации папы, уже после того, как все мы кое-как стали на ноги, нам позвонили из Бахрушинского музея и попросили разобраться в материалах, потому что Центральный государственный музей литературы и искусства (ЦГАЛИ), есть такой в Москве, требует материалы о Михоэлсе, а материалов, естественно, нигде нет. Они попросили, чтобы я зашла и помогла им разобраться. Дело в том, что в Бахрушинском музее каким-то образом умудрились организовать пожар и во время него сгорели материалы. Пожар случился зимой, быстро вызвали пожарную команду, чтобы не загорелись другие архивы, тут же все это погасили, ничего не разобрали. Все сгорело, потом оттаяло и превратилось в страшную, чудовищную кашу. Поэтому спасти материалы, которые там на-

кодились было почти невозможно. И то, что нам удалось отобрать, кое-какие фотографии, которые сохранились в более или менее приличном виде, я забрала с собой и, конечно, никому ЦГАЛИ не отдала. На этом все дело и кончилось. Теперь они здесь, со мной. Это все, что мне удалось привезти с собой. Папа погиб в начале 1948 года, и еврейская культура исчезла моментально. Буквально в течение нескольких месяцев все писатели, поэты были посажены или высланы. Я плохо знакома с другими периодами, но между двумя войнами, мне кажется, был расцвет русской еврейской культуры. Если хоть в какой-то мере удастся восстановить то, что было тогда, это будет очень хорошо.

Раз уж беседа снова вернулась к дням двадцатипятилетней давности, я спросила, как отнесся Соломон Михайлович Михоэлс к созданию государства Израиль?

— На этот вопрос нам довольно легко ответить, потому что мы хорошо помним один, по нашему мнению, знаменательный факт.

В конце декабря 1947 года отмечался юбилей Мендель-Мойхер Сфорима, «дедушки» еврейской литературы на идиш. Этот юбилей отмечался в Музее Политехнического института и присутствовало очень много народу. В свое время театр поставил пьесу Сфорима «Путешествие Бенямина Третьего», и папа играл в нем Бенямина, который отправляется в путешествие в Эрец Исраэль. По ходу действия Бенямин встречает крестьянина, которому задает вопрос: «Где здесь дорога в Эрец Исраэль?».

Папа привел слова Бенямина и сказал: «И вот в своем выступлении в ООН Громыко ответил на этот вопрос». Зал встал и стоя аплодировал в течение десяти минут. Обычно папа свои выступления не редактировал и не замечал, если стенограммы пропадали. На этот раз он специально поехал на радио, чтобы прослушать это выступление и был очень расстроен, когда выяснилось, что пленку размагнитили. Он усмотрел в этом тенденцию к изменению официального отношения к еврейскому вопросу в СССР.

Тогда я задала сестрам Михоэлс последний, возможно, не очень тактичный вопрос (журналисту иногда трудно удержаться и быть тактичным до конца) — Как бы поступил в нынешней ситуации Ваш отец и принял бы он решение репатрироваться в Израиль? Отвечает Нина Михоэлс:

— Ответить на него однозначно нельзя. Мне кажется, что вся деятельность моего отца была направлена на то, чтобы сконцентрировать культуру на языке идиш в Советском Союзе. Это было смыслом всей его жизни. Поэтому вряд ли человек, целиком посвятивший себя выполнению этой задачи, мог изменить цели, смысл своей жизни, и я никогда не возьму на себя смелость говорить за кого-то другого, даже за собственного отца. Если постараться думать и рассуждать так, как думал и рассуждал он, а он все время был в движении, то время принесло бы много новых проблем и в этом отношении он вряд ли остался бы косным по отношению к происходящим событиям.

Отвечает Наталья Михозлс:

— Действительно, папа всю свою жизнь посвятил развитию еврейской культуры, и считал, что там, где он жил, можно очень многое сделать для ее развития, Я думаю, что сейчас, если учесть все то, что произошло за эти годы, то понятно, что там, в СССР, совершенно невозможно развитие еврейской культуры. Если бы папа остался жить, а культу-

ра была бы уничтожена при его жизни, то думаю, что он был бы счастлив, что у евреев есть своя страна. Но, конечно, трудно сказать, что было бы, если бы он был жив. Я вообще сомневаюсь, что кто-нибудь мог бы ответить за человека, которого уже нет, и судьба которого в такой мере была связана с судьбой его народа.

Беседу вела и записала
Д. ОСТРОВСКАЯ.

ДРЕВНЕЙШАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА ДИАСПОРЫ

Изгнание евреев из страны началось с их пленения царем Навуходоносором 2700 лет тому назад и уводом в Вавилон. Тогда и возникла самая древняя община евреев в диаспоре — Вавилонская.

В течение жизни многих поколений изгнанники прочно укоренились в Вавилоне, стране, в которой родился патриарх Авраам. Число евреев там росло, их экономическое и общественное положение менялось к лучшему в результате политических изменений, происходивших в обширной стране Месопотамии — Ираке наших дней. Страна переходила из одних рук в другие, менялись правители, но еврейская община продолжала здесь существовать и пускать все более глубокие корни, несмотря на периоды бедствий и гонений.

Золотой век еврейской общины в Вавилоне продолжался в течение нескольких столетий после разрушения Второго храма в Иерусалиме. В те годы в Вави-

лоне были большие, богатые еврейские общины, сильные как с точки зрения экономической, так и в духовном отношении. Особенно выделялись общины городов Сура, Пумбадита и Неардоа. Здесь были созданы ешиботы, сыгравшие важную роль в истории нашего народа. Духовный центр вавилонских евреев находился, разумеется, на территории современного Израиля. Взаимные связи между евреями Палестины и крупными вавилонскими еврейскими общинами были в первом столетии нашей эры тесными, интенсивными и взаимовыгодными. Учащиеся ешиботов Вавилона и Палестины взаимно посещали друг друга. В седьмом столетии нашей эры после завоевания Палестины арабами, когда еврейское население страны резко уменьшилось, Вавилон стал наиболее крупным духовным и демографическим центром всех существовавших тогда еврейских общин. Об уровне, достигнутом

еврейским населением Вавилона в 4-ом и 5-ом столетиях нашей эры, можно судить по тому, что там был составлен, отредактирован и утвержден основной вариант Талмуда, получивший затем название Вавилонского. Вавилон продолжал оставаться духовным центром еврейства в течение 800 лет (с некоторыми перерывами) — вплоть до конца 11-го столетия. Последний отрезок этой эпохи назван эпохой гаонов (гениев), которые были духовными руководителями евреев Вавилона и всей диаспоры, или, как их называли «вождями диаспоры». Особенно выделяется личность рабби Гаай-Гаона, который жил в конце 10-го — середине 11-го столетий.

Независимо от изменений, происходивших в их положении, среди евреев Вавилона никогда не наблюдалось стремления к ассимиляции. В течение всех этих эпох они сохраняли мечту о возвращении на родину. Правда, они связывали осуществление своей мечты с приходом Мессии.

Община вавилонских евреев продолжала существовать и в эпоху средневековья, с той лишь разницей, что центр переместился в Багдад. Постепенно еврейская община Ирака теряет свою ведущую роль среди общин диаспоры.

В 1831 году Ирак был завоеван турками и присоединен к Османской империи. Это повлекло за собой улучшение экономического и общественного положения евреев, число которых доходило в те времена до 100 тысяч.

Ко времени завоевания Ирака Англией в 1917 году еврейское население насчитывало

здесь 150 тысяч человек, из которых около 100 тысяч проживало в Багдаде. Иракские евреи не теряли надежды вернуться на свою историческую родину. Они создали многочисленные сионистские организации. В 1929 году сионистское движение в Ираке было вынуждено уйти в подполье. И с этого времени евреи Ирака подвергаются преследованиям разного рода.

В эпоху второй мировой войны, когда британская армия практически заняла весь Ближний Восток, создались условия для более тесной связи между еврейским населением Палестины и иракскими евреями. Посланцы из Эрец Исраэль, действовавшие в подполье, организовали самооборону иракских евреев и их нелегальную репатриацию. В те годы тысячи евреев различными путями репатрировались из Ирака в Израиль.

С момента провозглашения Независимости Израиля гонения на иракских евреев усилились. Начался массовый выезд евреев из Ирака. В 1950—1952 годах около 110 тысяч иракских евреев различными путями прибыли в Израиль. Несколько тысяч эмигрировало в Англию или в другие страны. Древнейшая община диаспоры была почти полностью ликвидирована. В 1955 году в Ираке оставалось не более 6 тысяч евреев.

И без того тяжелое положение остатков еврейской общины Ирака особенно ухудшилось после Шестидневной войны. Евреи были превращены здесь в заложников, лишенных всяких гражданских прав. Кто мог — бежал нелегально из Ирака. Многие были арестованы и подверглись

КАК И ЗА ЧТО ОСУЖДЕН ЛАЗАРЬ ЛЮБАРСКИЙ

«Именем Российской Федерации Республики» — этими словами начинается приговор Ростовского областного суда по делу Лазаря Любарского, приговорившего его к четырем годам заключения в исправительно-трудовой колонии.

Человек сорока семи лет, инженер с двадцатилетним стажем, отец трех детей, оказался на скамье подсудимых и признан виновным в совершении преступления по двум статьям Уголовного Кодекса.

Какова же история этого необычного во многих отношениях судебного дела?

9 мая 1945 года закончилась война с Германией. Вместе со всеми праздновал победу и Лазарь Любарский. В этот день ему, офицеру-гвардейцу, бортрадисту авиационного полка десятой

Гвардейской дивизии исполнилось девятнадцать лет.

Прослужив в авиации еще три года, он поступил в ВУЗ, и в 1953 году закончил Одесский Институт инженеров связи. За 13 лет безупречной работы Любарский стал главным инженером проекта. За это время он закончил заочно еще один ВУЗ — Педагогический Институт по отделению английского языка. В 1946 году Любарский был принят в члены КПСС. Но ровному течению его жизненного пути был положен конец в семидесятом году. Причиной этого явилось решение Лазаря воспользоваться своим правом на выезд в Государство Израиль. Для Любарского началась дантова крути мучений.

После семи этапов разбора его личного дела он был исключен

пыткам. Весь мир был потрясен известием о публичной казни 11 евреев, которые в 1969 году были обвинены в шпионаже в пользу Израиля и повешены на одной из площадей Багдада под восторженные крики толпы. В 1970 году в Ираке все еще оставалось 2500 евреев, преследуемых и гонимых. Вмешательство евреев всего мира и реакция мировой общественности несколько облегчили положение пракских евреев, которые желают только одного — репатрииро-

ваться в Израиль. На сегодняшний день в Ираке осталось не более 350 евреев.

На наших глазах заканчивает свое существование древнейшая еврейская община диаспоры — вавилонская. Вывод можно сделать только один: этого удела не избежать ни одной из общин диаспоры, даже самой древней и многочисленной.

Закономерность и оправданность этого процесса особенно очевидны теперь, когда существует Государство Израиль и евреи обрели Родину.

М. Н.

из рядов КПСС, пробыв двадцать четыре года в партии. Началась кампания давления по линии военкомата. Военный комиссар заявил Любарскому: «Одумайтесь пока не поздно, ибо вы ломаете себе голову и не добьетесь ничего». После рассмотрения его дела офицерской комиссией, под выкрики старших офицеров: «отныне вы наш враг, но мы еще встретимся». «попадись мне такой человек в моем полку, я бы его без суда и следствия расстрелял», Любарский был лишен звания капитана и разжалован в рядовые. Несмотря на все это, он все же подал заявление на разрешение на выезд в Израиль. Но здесь в действие вступили органы Комитета Госбезопасности. Всего через две недели после подачи заявления о выезде в квартире Любарского сотрудники КГБ произвели шестичасовой обыск. Согласно протоколу от 28/9 1970 года целью обыска являлось изъятие самиздата, сионистской литературы и «ценностей». В результате были изъяты предметы 36-ти наименований, почти все касающиеся еврейской национальной культуры, в том числе молитвенник, еврейский песенник, записи еврейских песен на магнитофонной ленте, книга по еврейской истории, пасхальная агада и т. п.

С тех пор Любарский превратился в «подозреваемого» по статье 190 ч. I.

В июне 71 года в письме на имя Подгорного Любарский пишет: «Я обращаюсь к Вам в связи с преследованиями, которыми я и моя семья подвергаемся со стороны органов КГБ и прокуратуры вот уже 9 месяцев. Четыре процесса — 2 Ленин-

градских, Рижский и Кишиневский (по двум последним я проходил как свидетель) показали мою непричастность к ним. Что же установлено в результате обыска, десятков допросов в КГБ и прокуратуре, МВД, военкомате, партийных инстанциях? Установлено неукротимое желание выехать в Израиль и жить в сфере еврейской национальной культуры.

Почему же продолжают угрозы и устраиваются ловушки на допросах? Почему изо дня в день вся переписка семьи находится под наблюдением (что мной неопровержимо установлено и доказано в прокуратуре)? Выпустите меня и мою семью в Израиль».

Наконец, через 10 месяцев после возбуждения дела прокуратура вынесла постановление о прекращении уголовного дела в отношении Любарского в соответствии со статьей шестой УПК РСФСР, учитывая, что «деяние Любарского потеряло характер общественной опасности». Часть вещей, взятых при обыске, была Любарскому возвращена. Остальные остались в прокуратуре, в том числе тетради с еврейскими стихами и выписки из еврейской истории, молитвенники, две пленки с записями народной и классической советской и еврейской музыки.

Любарский начинает протестовать против такого решения прокуратуры и 9/8 71 года в день объявления ему этого решения, он направляет прокурору заявление: «Я категорически отвергаю какие-либо обвинения в своей адрес в незаконных деяниях, подпадающих под действие под какой бы то ни было статьи

Угол. Кодекса. Заявляю с полной ответственностью, что никаких изменений в образе мыслей и характере действий за истекшее время не произошло. Уголовное преследование, которому я подвергался в течение года является результатом моего стремления выехать в Израиль. Единственным основанием для прекращения уголовного дела против меня может и должно быть отсутствие состава преступления».

Любарский отлично понимает, что недаром дело прекращено лишь по статье 6 УПК РСФСР, что часть изъятого у него материала попрежнему хранится в прокуратуре.

Он пишет в заявлении на имя начальника УВД Ростовской области 12/8 71 года, что действия властей «говорят о том, что против меня уголовное дело может быть возбуждено в любое время. Для предотвращения этого прошу пересмотреть мое заявление и разрешить мне и моей семье выехать в Израиль». Отпустить Любарского власти Ростова не захотели. Как видно слишком большое раздражение у местного руководства он вызвал своим упорством и стойкостью, своей решимостью и бесстрашием. Не у каждого хватит мужества бросать в лицо прокурору обвинения в антисемитизме и возбудить против него судебный иск!

Так в письме от 20/9 71 года Любарский пишет в адрес прокурора Смирнова: «Вторично выражаю Вам свое возмущение по поводу невозвращения материалов еврейской культуры, изъятых у меня при обыске в 70-м году. Невозвращение этих материалов я рассматриваю как непри-

крытый акт расовой дискриминации с Вашей стороны. Я приму соответствующие меры по изобличению его антисемитской сущности».

Еще в апреле 1971 года Любарский направил в народный суд железнодорожного района Ростова исковое заявление, в котором пишет, что прокурор Смирнов отказался выдать Библию и легенды о Пасхе, необходимые для проведения пасхального праздника. «Действия прокурора Смирнова», писал Любарский, «полностью подпадают под статью 131 УК РСФСР об оскорблении, т. е. «умышленном унижении чести и достоинства личности», в связи с чем прошу привлечь его к судебной ответственности».

Любарский не перестал протестовать и требовать разрешения на выезд в Израиль, долгое время оставаясь в этом отношении единственным евреем в Ростове.

Эти протесты со стороны Любарского были прерваны 18/7 72 года, когда у него был произведен еще один обыск и он был арестован. При обыске ничего не было найдено, но теперь Любарский оказался в руках прокурора Смирнова, на которого жаловался и которого безуспешно пытался привлечь к суду.

Приближался час расплаты с человеком, бросившим вызов сильному миру сего. Поскольку новых материалов против Любарского не было, были извлечены материалы, хранившиеся с 70 года в прокуратуре, по которым в 71 году его уголовное дело было прекращено. Следствие шло, сроки его окончания назначались и переносились, а убедительных доказательств по статье 190 не

было. И перед самым концом еще в одном преступлении, следствия Любарский был обвиняется совершенном в 1968 году: в разглашении государственной тайны.

Сразу же после предъявления этой статьи следствие было закончено и дело передано в суд.

Во время суда, проходившего в Ростове с 31/1 по 2/II 73 года, преступление Любарского по статье 190 доказано не было, также как не могло быть доказано еще в 1971 году, когда прокуратура вынесла постановление о прекращении дела по статье 6 УПК в связи с тем, что его «действия потеряли характер общественной опасности». С тех пор прокуратура и суд не располагали никакими новыми материалами, доказывавшими вину Любарского по этой статье. Преступление по статье 75 также не было доказано. Ни один свидетель на суде не подтвердил факта разглашения государственной тайны. Тем не менее прокурор потребовал для Любарского 4-х лет лишения свободы по статье 75 и двух лет — по статье 190.

Несмотря на требование защитника оправдать Любарского по обеим статьям, суд приговорил его в общей сложности к 4-м годам лишения свободы.

На следствии и на суде Любарский ни в чем виновным себя не признал.

Суд счел уместным отметить в приговоре, что Любарский даже в своих личных дневниках «распространял заведомо ложные измышления на советский государственный строй». Суд также отметил в приговоре, что написанием жалоб и протестов Любарский преследовал «корыстные

цели, желая улучшить свое личное положение». Суд не взял на себя труд объяснить смысл этих выражений. Можно лишь предположить, что выезд из огромной и богатой страны, с потерей квартиры и обстановки, с уплатой громадных сумм за визы и образование и переезд в маленький, неустроенный Израиль, где репатриант начинает жить, отягощенный долгами на целые десятилетия, считается, по мнению Ростовского суда, «преследованием корыстных целей».

Так или иначе, но расправа осуществилась. Лазарь Любарский осужден на годы страданий и мук, не совершив никакого преступления.

Есть еще надежда, что Верховный Суд РСФСР при рассмотрении кассационной жалобы отменит жестокий приговор — и справедливость будет восстановлена.

Но независимо от всего, Лазарь Любарский будет, как всегда, тверд и дождется дня своей свободы.

В одном из своих писем в ноябре 71 года он писал: «Не важно дойду ли я, важно, что я на правильном пути. И я уверен, не дойду я, дойдут мои дети».

А в январе 71 года Лазарь писал на имя Подгорного: «Если бы евреям, которые стремятся законно выехать из Советского Союза в Израиль, не чинились бы препятствия, то не было бы Ленинградского, Рижского, Кишиневского, Свердловского и Одесского дел, и не будет Ростовского дела, которое мне угрожает», и добавлял: «Жертвы и лишения уже не в состоянии приостановить процесс Исхода».

11 февраля 1973 года.

ПРОБЛЕМЫ РЕПАТРИАЦИИ : ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.

Сначала один, казалось был сторонний вопрос: почему Москва в течение длительного времени не глушила «Голос Израйля»? Этот вопрос я задавал многим западным обозревателям и многим еврейским активистам, но ответа так и не мог получить. Между тем, возникла довольно парадоксальная ситуация. Днем московские газеты, не жалея красок, обличали «сионистский рай» и тех, кто попадает на «удочку сионистской пропаганды», а вечером «ловцам человеческих душ» предоставлялась трибуна.

Впрочем, это был не единственный парадокс. В октябре прошлого года я получил телеграмму из Соединенных Штатов, уведомляющую меня о том, что такого-то числа, в такой-то час филладельфийская студия телевидения намерена взять у меня интервью по телефону. Вряд ли органы КГБ питали иллюзии по поводу того, что мной будет сказано, и телеграмма вызвала у моих друзей лишь иронические улыбки в адрес западной публики, наивно полагавшей, что в Советском Союзе возможны такие вещи. Но вот пришло назначенное число и назначенный час, и московская телефонистка преспокойно соединила мой номер с Филадельфией. Я получил полную возможность высказаться перед миллионами филладельфийцев, а в заключение редактор телестудии успел поблагодарить меня за выступление.

Даже если произшедшее отнести к области неувязок в работе КГБ, то подобными неувязками вряд ли можно объяснить ежедневные звонки в Москву, когда еврейские активисты беспрепятственно передают на Запад информацию о ходе своей борьбы за право выезда в Израиль. Итак, власти СССР, казалось бы, действуют в разрез с собственной логикой. Но так ли это? Всегда ли верно мы оцениваем их эмиграционную политику? Честно говоря, когда я читаю западные газеты, в которых советские лидеры предстают лишь как твердолобые догматики, стремящиеся воспрепятствовать выезду евреев, меня не покидает ощущение, что авторы таких статей находятся в плену инерции, живут категориями вчерашнего дня. Хочу сразу же оговориться: речь идет не о каком-то прогрессе еврейского вопроса, а как мы увидим ниже, лишь о более прагматичном подходе к нему, о попытках найти в рамках все той же тоталитарной системы более гибкие и более выгодные для великодержавных интересов Советского Союза решения.

ИДЕЯ ГЕРЦЛЯ — НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Так вот, попробуем понять психологию тех, кто осуществляет в СССР еврейскую политику. И, в частности, задумаемся, как они должны были воспринять в 69—70 годах решение относительно большой

группы евреев выехать в Израиль. Решение открыто высказанное после десятилетий гробового молчания. Повидимому, для советских властей это был своего рода шок, подобный тому, какой охватывает людей на судне, почувствовавших под ногами трещину. Я понимаю всю условность моего сравнения. Лидеры Советского Союза, всегда при-выкшие ощущать под своей пятой твердь, даже и в мыслях не допускают, что их корабль способен дать трещину. И судить о шоке мы скорее можем по чисто внешнему поведению властей в то время, по их шараханию из стороны в сторону, по бессмысленно жестокой расправе над теми, кто пытался осуществить свое право на выезд. Вы помните события тех дней: письмо 39 евреев, заявивших, что они считают Израиль своей национальной Родиной, шумные, истерические кампании в печати и, наконец, спустя некоторое время Ленинградские процессы, когда органы КГБ пытались вызвать из тьмы истории 37-ой год, чтобы под корень подрезать рост еврейского самосознания. Но организаторы Ленинградских процессов пытались посадить на скамью подсудимых не только людей, стремящихся в Израиль, они пытались изничтожить саму идею еврейского национального возрождения, выдвинутую великим Герцлем. И вероятно, советские власти ни на йоту не продвинулись к поставленной цели.

Напротив, сама идея, оказавшись на скамье подсудимых, обрела столь сильное нравственное воздействие, что прямым результатом процессов стал рост еврейской эмиграции. Если в 1970 году из СССР в Израиль выехало около двух тысяч человек, то в 1971 году эта цифра достигла уже 16 тысяч, а в 1972 году значительно превысила тридцать тысяч.

РАЗМЕННАЯ МОНЕТА ИЛИ ПРОСЧЕТ ПРАГМАТИКОВ

У нас нет оснований полагать, что советские руководители признали провал Ленинградских процессов. Но в своих действиях они не могли не считаться с последствиями этого провала, которые они ощущали все более остро по мере роста репатриации. В середине 71-го года в Москве упорно муссировали слухи о том, что на заседании Политбюро обсуждался гомулковский вариант решения еврейской проблемы. Если это и так, то вряд ли приходится удивляться, что он не был принят. Напуганные последствиями Ленинградских процессов, советские власти уже не могли пойти на такой риск, как депортация всех евреев, желающих выехать в Израиль. Слишком большой могла оказаться их цифра. И хотя газеты по инерции еще продолжали писать о «сионистских отщепенцах», руководители страны явно опасались выпустить джина из бутылки. К тому же, догматическая акция Гомулки вообще не соответствовала духу их прагматичной линии, смысл которой состоит в том, чтобы из каждой ситуации извлекать максимальную политическую и экономическую выгоду. Применительно к эмиграционной политике, как вскоре стало ясно, это означало — с одной стороны выпустить в Израиль определенные группы евреев и в первую очередь из Грузии, Прибалтики и Западной Украины, а с другой — поскольку Запад уже давно проявил к советскому еврейству

обостренный интерес — ввести эту проблему в политическую игру на международной арене. И хотя внешне эмиграционная политика выглядела все столь же неустойчивой и алогичной, уже к концу 71-го года все сильнее начала ощущаться ее зависимость от внешнеполитической конъюнктуры. Все заметнее обнаруживались тенденции то к сознательному обострению эмиграционной проблемы, то к ее либерализации в связи с определенными ситуациями на международной арене.

Есть все основания полагать, что к этому времени советские руководители уже в значительной степени использовали еврейский вопрос для своих политико-дипломатических маневров, проявляя то менее, то более либеральный подход к выпуску евреев взамен на определенные политические действия Запада.

Диалог, завязавшийся у них с президентом Никсоном в условиях тайной дипломатии открывал для этого довольно широкие возможности. Таким образом, евреи становились своего рода разменной монетой в большой политической игре. Так что уже не приходилось удивляться, что властям СССР был выгоден «шум» вокруг людей, добивающихся выезда, выгодно даже известная активизация их деятельности. Вот тут, пожалуй, мы и находим ответ на вопрос, с которого я начал статью: почему столь долгое время Москва не глушила «Голос Израиля», почему информация о положении советских евреев, порой, так беспрепятственно проходила, да и сегодня еще проходит на Запад и, почему, наконец, к сегодняшним советским руководителям не очень-то подходят слова «твердолобые догматики».

Однако, тот факт, что они пытаются использовать еврейский вопрос о своих политических целях отнюдь не говорит об их дальновидности. В конце концов, только время может явиться лучшим судьей для политиков, и в этой связи мне приходят на память слова одного западного обозревателя, назвавшего руководителей СССР хитроумными тактиками, и беспомощными стратегами. Приоткрыв в 71 году клапан и выпустив в Израиль определенные группы евреев, они явно не предусматривали, в каком направлении будут развиваться события. Они допускали и, возможно, планировали выезд тех евреев, которые в силу ряда исторических причин, с их точки зрения, так и не смогли воспринять советскую идеологию. Но вопреки их расчетам национальное самосознание, а вместе с ним и тяга в Израиль стали проявляться в среде еврейской интеллигенции, более того в среде еврейской элиты, которая никогда не была у властей на подозрении. Один любопытный пример.

Когда в конце 71 года в Институте проблем управления стало известно, что профессор Александр Лернер получил из Израиля вызов, он был вызван в дирекцию, где ему предложили подтвердить, что это сионистская провокация — настолько здесь были ошеломлены случившимися. Но Лернер был лишь первой ласточкой. Вскоре ходатайство о выезде возбудил всемирно известный ученый член-корреспондент Академии наук СССР Вениамин Левич, профессора Центрального экономико-математического института Борис Мойшезон и Владимир Маш, профессор-физик Александр Воронель, профессор Давид Азбель. О своем желании жить в Израиле заявил ряд сотрудников крупнейших научных центров Москвы — институтов атомной энергии,

вирусологии, генетики, переливания крови, Московского университета.

Причем если выезд евреев в прошлые годы наносил удар лишь по престижу СССР, в рамках которого, несмотря на все обещания теоретиков марксизма, так и не удалось решить еврейский вопрос, то начиная с 72 года нависла также угроза и над определенными областями науки, оказавшимися перед проблемой утечки мозгов. Правительство СССР оказалось совершенно не подготовленным к такому повороту событий. Оно продолжало следовать своей прагматичной политике и не нашло ничего лучшего, как попытаться извлечь чисто экономические выгоды из создавшейся ситуации. Введя чрезвычайно высокий эмиграционный налог, в виде платы за образование, оно с одной стороны пыталось приостановить выезд некоторых категорий наиболее ценных специалистов, с другой — поставить мировое еврейство перед необходимостью выкупать советских евреев и превратить их разменной монеты в товар на международном валютном рынке.

ПРОВАЛИВШИЙСЯ АУКЦИОН

Советские руководители не устают утверждать, что репатриация евреев в Израиль является их чисто внутренним делом. Но вот парадокс: введя высокие эмиграционные пошлины, они, сами того не заметив, придали этому внутреннему вопросу международный характер. И не только в том смысле, что новая акция советских властей, воскресившая средневековую торговлю невольниками, вызвала взрыв возмущения мировой общественности.

Еврейские ученые и специалисты начали рассматриваться как источники крупных валютных поступлений, в которых как никогда остро нуждается Советский Союз. Но сами валютные поступления могли идти только с Запада и, в первую очередь, из Америки. Здесь руководители СССР рассчитывали получить не только кредиты, но и найти за счет выкупа евреев источники их покрытия. Все это и предопределило твердую позицию Американского сената и в конечном итоге вызвало к жизни широко известную «поправку Джексона». В результате далеко идущим планам Москвы так и не удалось сбыться. На сегодняшний день она не только не получила валюту от продажи живых людей, но и оказалась перед угрозой лишиться в своих торговых взаимоотношениях с Соединенными Штатами режима наибольшего благоприятствования в случае, если поправка Джексона будет принята.

Пытаясь маневрировать, советские власти вынуждены были начать освобождать большие группы репатриантов от налога за образование. И снова их «хитроумная», казалось бы учитывающая любое развитие событий тактика, обернулась близорукой и беспомощной стратегией.

Ну, а как оценить дальнейшее развитие событий? В конце декабря прошлого года в Москве было издано новое Положение, устанавливающее зависимость эмиграционного налога от стажа работы репатрианта. В некоторых кругах на Западе это положение было расценено как акт доброй воли. Но так ли это? Говорит ли, в частности, об этом налоговая шкала, утвержденная сегодня советским правительством? Некоторое время назад известный советский экономист и социолог профессор Ур-

данис писал на страницах «Литературной газеты», что специалист, окончивший ВУЗ, уже через пять—шесть лет полностью окупает затраты, понесенные обществом на его образование. А что же мы читаем в «Положении»? От уплаты налога, согласно его тексту, освобождаются только пенсионеры. Мужчина, проработавший после окончания института от 8 до 15 лет обязан уплатить 75% налога, от 15 до 25 лет — 50%, и только — свыше 25 лет — 25%. Не ясно, ли что новый закон, принципиально очень мало облегчающий положение специалистов, своим острием направлен прежде всего против молодых интеллектуалов. Шкала построена таким образом, что молодой ученый или инженер в возрасте до 34—40 лет, то-есть в пору наибольшего расцвета его творческих потенций, должен выплачивать либо полную сумму налога, либо сниженную в весьма незначительной степени.

Если раньше молодой кандидат наук, окончивший Московский Университет, обязан был внести пошлину порядка 16 тысяч, то теперь она в лучшем случае будет снижена до 12 тысяч. Размер налога для молодого инженера или врача после восьми лет работы снизится с девяти тысяч всего немногим более, чем на две тысячи. Очевидно, что подобные суммы остаются совершенно не реальными для молодого специалиста, которому понадобится проработать 50—70 лет, прежде чем он получить возможность их накопить.

Следовательно, новое Положение мало меняет ту драматическую ситуацию, в которой оказались еврейские интеллектуалы после Указа Президиума Верховного Совета от 3 августа 72 года. И все же мы не можем не видеть и другого аспекта вопроса. Речь идет о неведомых нам ранее возможностях — заставить Советское правительство считаться с общественным мнением.

Когда был издан Указ от 3 августа о новых эмиграционных пошлинах, то большинство обозревателей склонялось к мысли, что это уже — навсегда, что власти СССР раньше прекратят свое существование, чем хоть на йоту поступят своим престижем. Мы знаем, сколь острая дискуссия предшествовала решению мирного еврейства «не платить». И что же? Как видим советские лидеры вынуждены были сделать шаг назад, издав законоположение, в котором хоть и в малой степени но все же проглядываются зачатки законности, зачатки здравого смысла. Престиж, которым еще со времен Романовых более всего дорожила Москва, уже не предстает, как неприступная китайская стена. Если советские власти могли отступить раз, то при известных условиях, при соответствующем воздействии мирового общественного мнения, они будут отступать и в дальнейшем. И это более всего вселяет веру, обязывает всегда, сколь бы ни было нам трудно, занимать твердую и последовательную позицию.

ЕВРЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР И ТОТАЛИТАРНАЯ СИСТЕМА.

В последнее время на Западе все чаще обсуждается вопрос: какой процент советских евреев выедет в Израиль? Размышляя над ней, западные наблюдатели неизменно обращаются к сфере политики и социологии, говорят о насильственной ассимиляции еврейского населения в

СССР, о растущем там антисемитизме. Ничуть не принижая значения этих факторов, я хочу обратиться к области, которая, как правило, остается за пределами внимания демографов и социологов. Да и на саму мысль, о которой пойдет речь ниже, меня натолкнули не они, не ученые, а как это не странно, высказывание одного из партийных работников.

Однажды после совещания в Союзе Писателей, где были подвергнуты критике произведения некоторых литераторов — евреев за их «очернительский дух», я услышал из уст этого работника примерно следующее: «Поймите, — говорил он за столом, — я ничего не имею против евреев, у меня самого дочь замужем за евреем, но вот что не могу понять, — отчего евреи всегда всем недовольны, вечно они критикуют, что бы партия ни сказала — все им не так?».

Было это сказано голосом не злобным, а скорее печальным, когда человек искренне хочет что-то изменить, но сделать это не в состоянии. Тогда за столом я не выдержал и, демонстративно поднявшись, ушел. Но позже мне начало казаться, что в словах этого партработника, выдававших в нем человека нетонкого и мало воспитанного заключалась некая непостижимая мною истина. Только глядел он на нее глазами советского чиновника.

Да, речь идет о еврейском национальном характере, и его вечном критическом духе, динамичности, о его неспособности принимать догмы на веру, из чьих бы уст они не исходили. Теперь я хочу спросить, способен ли такой характер навечно адаптироваться к тоталитарной системе, где любая из установок, идущих сверху, автоматически становится частью общественного сознания? Не запрограммирован ли в самом этом характере, в его так сказать генетической структуре конфликт с тоталитарным режимом?

Мне кажется, этот конфликт великолепно уловил еще Сталин, когда в 37 году обрушил репрессии прежде всего на своих политических противников — евреев и еще в большей степени он проявился после войны, когда Сталин увидел опасность для строя в лице критически мыслящих евреев-литераторов, ученых-генетиков, деятелей театра и музыки. В той или иной степени этот конфликт прослеживается через всю историю советской культуры. При более пристальном взгляде его можно обнаружить в жизни едва ли не любой ячейки советского общества.

Я бы не хотел быть понятым примитивно — в том смысле, что в СССР нет или даже мало евреев, активно сотрудничающих с режимом. Речь идет о глубинных предпосылках национального характера, которые прежде всего проявляются в традиционном еврейских, интеллектуальных сферах и которые, когда мы говорим о прогнозах на будущее нельзя сбрасывать со счетов, ибо только в государстве, основанном на последовательно демократических принципах, на лучших духовных завоеваниях цивилизации возможно полное и гармоничное развитие национального еврейского характера. Теперь, извинившись перед читателем за некоторый уход от темы, хочу вновь вернуться к перспективам репатриации.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Будущее репатриации — область, трудно поддающаяся прогнозам. И уж во всяком случае, в условиях импульсивной и подверженной постоянным колебаниям политики советских властей в еврейском вопросе трудно приводить конкретные данные. Ясно лишь одно, что сегодня выезд евреев растет, как говорят математики, по экспоненте. Если существующие темпы репатриации сохранятся и в дальнейшем, то прогноз о том, что во второй половине 70-х годов число выехавших из Советского Союза евреев достигнет полумиллиона человек не кажется преувеличенным.

По мнению ряда экспертов, мы уже сейчас находимся накануне нового «эмиграционного взрыва», обещающего Израилю мощную алию специалистов и ученых. Они, повидимому, и будут определять лицо будущих репатриантов. На их пути, прикрываясь средне-статистическими данными, размахивая жупелом секретности и так называемых государственных интересов, власти СССР ставят более всего преград, и именно они получают более всего немотивированных отказов. И в этом смысле вполне можно согласиться с формулой, что проблема выезда советских евреев сегодня все больше сводится к проблеме выезда интеллектуалов. Это сегодня начинают понимать ученые многих стран мира, видящие свой нравственный долг в том, чтобы помочь своим советским коллегам. Накануне моего выезда из Москвы академик Вениамин Левич получил петицию, в которой ему выразили чувство солидарности более двух тысяч ученых Запада. Институт Вейцмана поручил вести научные семинары в Москве профессору Александру Лернеру. Это далеко не единственные подтверждения тому, что современная наука не знает государственных границ. Вероятно, судьбы еврейских интеллектуалов, которые во всеулышание заявили, что никто, кроме них самих, не вправе распоряжаться их мозгами, должны все больше приковывать внимание мировой общественности.

Вероятно, и Израилю необходимо готовиться к приходу этой новой социальной силы, способной поднять государство на новую ступень общественного развития.

Виктор Перельман — советский журналист, бывший заведующий отделом и бывший специальный корреспондент «Литературной газеты».

В марте 1972 года он был уволен из «Литературной газеты» за свое желание выехать в Израиль, и с этого времени Виктор Перельман активно включился в борьбу советского еврейства за его право на репатриацию в Израиль. В ходе этой борьбы он подвергался постоянным преследованиям со стороны органов КГБ, в сентябре 1972 года был арестован и заключен в Коломенскую следственную тюрьму.

В августе 72 года Виктор Перельман выступил с широко известной статьей «Размышления перед аукционом», в которой призвал советских евреев отказаться от уплаты выкупов, налагаемых советским правительством на репатриантов, выезжающих в Израиль. Эта статья, как и ряд других его статей — были опубликованы во многих газетах мира, в том числе в «Нью-Йорк Таймс».

В начале января этого года Виктор Перельман прибыл в Израиль.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Когда президент Никсон объявил о своем намерении отправиться в Москву, в мире встретили это сообщение не только с надеждой, но и с настороженностью — ведь хотя со времени Ялтинской конференции прошло уже около 30 лет, но ее последствия все чаще мрачной тенью нависают над миром. Из памяти нашего поколения еще не изгладился тот факт, что в результате этой встречи в верхах мир был поделен между двумя гигантами и свобода малых народов принесена в жертву глобальным интересам России в Америке.

И сегодня, спустя несколько месяцев после завершения переговоров Никсон—Брежнев, я спрашиваю себя: не пожинаем ли мы сейчас плоды второй Ялты? Русские ушли из Египта, согласились заплатить, по крайней мере частично, свой долг по ленд-лизу, они не препятствуют американской блокаде и ожесточенных бомбардировкам Северного Вьетнама, — но вряд ли они сделали это все бескорыстно, ничего не получив взамен. И не стало ли в этих условиях требование свободной алии из Советского Союза разменной монетой, предметом торга в глобальной советско-американской игре? И может быть судьба наших братьев, их стремление на Родину было принесено в жертву интересам Соединенных Штатов? А евреям-ученым и инже-

нерам суждено заплатить заточением в галуте за освобождение американских летчиков из северо-вьетнамского плена?

Если судить по событиям последних месяцев то, по крайней мере, на часть этих вопросов следует ответить утвердительно. И последовавшая за визитом Президента поездка д-ра Кисинджера в Москву, повидимому, тоже ничего не изменила.

В сущности, этот результат можно было предвидеть — ведь в мире почти нет праведников, а ради нас никто еще не жертвовал своими интересами. Мир весьма спокойно взирает на еврейскую трагедию—будь то в Мюнхене или в Москве.

Я напомнил об этой прописной истине не для того, чтобы посетовать на всеобщее равнодушие, а для того, чтобышний раз подчеркнуть, что рассчитывать можно только на свои, еврейские силы, и поэтому мы должны исключительно трезво оценивать обстановку.

Тем, кто хорошо знаком с советской системой, с самого начала было ясно, что власти Советского Союза официально объявили о так называемом выкупе не для того, чтобы через месяц—другой, испугавшись нескольких демонстраций отменить его. Единственное, чего, может быть, удастся добиться в результате кампании протеста,— это некоторого снижения суммы налога, но это уже вопрос

цены, а о цене можно торговаться лишь при одном условии — селективной алии не будет, что выезжать в Израиль смогут все все евреи, желающие этого (в качестве основы для переговоров можно было бы взять предложения самих евреев СССР, изложенные в известном «Письме пятисот», адресованном в Верховный Совет СССР 3.XI.72 г.).

Иными словами, когда Западный мир закричал, пораженный фантастическими цифрами объявленного советскими властями «налога на образование», нельзя было допустить, чтобы в хоре голосов, требовавших отмены выкупа, потонуло наше основное требование — требование алии для всех евреев Советского Союза, желающих этого. Ведь если завтра случится невероятное — советские власти отменят выкуп, но попрежнему будут задерживать в СССР евреев-ученых и специалистов, положение не станет лучше.

Это значит, что следовало (и еще не поздно сделать это сейчас) любыми возможными путями поставить в известность руководителей СССР, что, если их целью является получение иностранной валюты за голову каждого выезжающего из СССР еврея-специалиста, то, при всей аморальности этого принципа, мы готовы вести конкретные переговоры на его основе, если советские власти гарантируют, что будут отныне выдавать разрешения на выезд без какой-либо дискриминации евреев, имеющих высшее образование или академические степени.

Но вместо этого прозвучали лишь две крайние точки зрения: одна пораженческая (сре-

ди пораженцев оказался и д-р Нахум Гольдман, президент Всемирного еврейского конгресса) — немедленно собирать деньги и платить, не ставя никаких условий. Сторонники другой крайности заявляли, что платить выкуп за людей в наше время аморально, поэтому платить не следует, нужно всячески добиваться отмены варварского декрета. (Кстати можно было еще понять искреннее возмущение простых людей или университетских профессоров моральной стороной этой проблемы. Но странно, слышать призывы «Не платите выкуп!» из уст политических деятелей. Уместно процитировать здесь превосходные слова Лиддел Гарта: «История является свидетельницей того, какую важную роль «пророки» играли в прогрессе человечества, что доказывает, насколько практически полезно с полной откровенностью говорить правду так, как ты ее себе представляешь... Пророков неизбежно забрасывают камнями,— такова их участь, и это критерий того, в какой мере выполнили они свое предназначение. Но «лидер», которого забрасывают камнями, доказывают, тем самым, что он не справился со своей задачей по недостатку мудрости или же потому, что спутал свои функции с функциями пророка*).

Сторонники борьбы с выкупом «до победного конца» аргументируют также и тем, что, мол, сами евреи СССР, активно

* Б. Х. Лиддел Гарт «Стратегия непрямых действий», ИЛ, Москва, 1957 г. — перевод с англ.

борющиеся за право выезда, не желают, чтобы за них платили выкуп. Однако это не совсем так — отлично понимая, что большинство из них не в состоянии уплатить гигантские суммы, которые требуют власти, евреи СССР не желают, чтобы возможность выехать в Израиль была только у тех, у кого за границей есть богатые родственники. Они считают, что у всех евреев должны быть равные возможности обрести право на выезд. Поэтому вряд ли кто-либо из них будет протестовать, если в рамках определенной договоренности (основанной на обязательстве советских властей не чинить препятствий к выезду евреев-специалистов и ученых) за каждого еврея, получившего разрешение на выезд в Израиль, требуемая сумма будет уплачена международными организациями, как еврейскими, так и нееврейскими.

Какова же альтернатива бескомпромиссной борьбы за отмену т. н. «академического налога»? Какой должна быть наша тактика в сложившейся сегодня ситуации?

Не следует, конечно, впадать в панику, как это делает д-р Гольдман, но и нельзя находиться в плену опасных иллюзий.

Взглянем трезво в глаза правде: советские власти не отменят выкупа, Президент Соединенных Штатов не склонен сейчас добиваться этого, а расстановка сил в Америке такова, что еврейская община не в силах оказать эффективное давление на свое правительство.

Более того, в условиях нынешнего советско-американского

сближения, чувствительность советских властей к протестам, демонстрациям и т. п. общественным кампаниям, издавна проводимым в странах Запада, резко уменьшилась. Поэтому мне думается, что, учитывая изменившуюся обстановку, в борьбе за свободную алию предпочтение должно быть отдано «тихой дипломатии» (это не значит, конечно, что дипломатические шаги не нужно в определенные моменты поддерживать акциями открытого нажима, но, повторяю, эта линия уже не может быть главной).

К чему может привести демонстративно - открытое давление на советское руководство без учета времени и конкретной ситуации, показывает, хотя бы, неудачная инициатива сенатора Хьюберта Хэмфри, посетившего Москву в конце ноября 1972 г. Положение в советской столице в эти дни было очень напряженным. Можно было ожидать, что в декабре перед новой сессией Конгресса США советские власти сделают максимум усилий, чтобы убедить американское общественное мнение в «гибкости» своей политики в вопросе выезда евреев в Израиль. Отлично понимая обстановку, и исчерпав все другие возможности апелляции к органам власти, евреи Москвы провели в ноябре, на Центральном телеграфе массовые голодовки протеста, требуя отказа от политики произвола в выдаче разрешений на выезд и освобождения Узников Сиона.

Эти смелые действия принесли свои плоды: впервые за всю историю борьбы за исход, высокопоставленный чиновник —

представитель Комитета Государственной Безопасности, заявил десяткам евреев, вызванным в ОВИР, что отныне более не будет произвольных и немотивированных отказов, что ответственная и компетентная комиссия рассмотрит в период между 2 и 19 декабря в присутствии заявителей все материалы, связанные с фактическим (а не формальным) допуском к секретным документам. Если же при этом будет обнаружено, что тот или иной из заявителей действительно пользовался секретной документацией, то в каждом подобном случае будет установлен точный срок «карантина», по окончании которого можно будет немедленно получить выездную визу. Как было заявлено, других причин для отказа не будет... (напомню, что даже в самые «лучшие дни» алии власти избегали брать на себя какие-либо конкретные обязательства).

Можно по разному относиться к этим обещаниям, но одно должно было быть ясно: следовало подождать 2—3 недели и дать комиссии «показать свое лицо». Можно было широко развернуть «тихую дипломатию», но открытого нажима в течение декабря месяца следовало избегать.

В этих условиях демонстративное публичное заявление сенатора Хэмфри уже по прибытии в московский аэропорт о том, что он поднимет вопрос о выкупе на своих переговорах с советскими представителями, его бесprecedентные беседы по телефону с активистами борьбы за алию (перед которыми он «отчитывался о результатах своих встреч с Косыгиным») могли

при нынешнем положении дел привести к чему угодно, но только не к увеличению количества разрешений на выезд в Израиль. Возможно, московская поездка и способствовала популярности сенатора среди евреев США, но в Москве результат был противоположным. Не желая уступать перед прямым и открытым нажимом, советские власти повернули на 180 градусов и продемонстрировали «политику с позиции силы»: чтобы ни у кого на Западе не осталось сомнений в «жесткости советской линии», срочно вызвали на комиссию в ОВИР Москвы известных в США и Англии активистов борьбы за репатриацию евреев — В. Слепака, В. Польского и других и в резкой форме вновь отказали им в выезде в Израиль, так и не рассмотрев по существу их претензии... Конечно, американские сенаторы не приезжают в Москву только тогда, когда это выгодно евреям, но, думаю, что в вопросе о том, что может помочь нашим братьям в СССР и что им повредит, они склонны прислушиваться к еврейским советам... (не лишне напомнить здесь, что тот, кто хочет вести переговоры, как правило не делает заявлений, которые загоняют противника в угол и лишают его возможности отступить, сохранив лицо!).

Таким образом, продолжающиеся публично требования типа «Отменить выкуп!» уже начали работать против нас. Конечно, введение советскими властями т. н. налога на дипломы еще раз напомнило мировому общественному мнению, о том, что, несмотря на внушительное число евреев, покидающих Со-

ветский Союз, проблема свободного выезда евреев-ученых и специалистов, а в более широком плане — проблема беззакония и произвола, господствующих при выдаче разрешений на выезд, все еще ждет своего решения.

Однако волна протестов, прокатившаяся по странам Запада, постепенно спадает: речи и демонстрации не помогают, а пойти дальше этого никто не хочет. Правда, в сенат США внесена поправка Джексона, но вряд ли можно надеяться, что американцы согласятся обусловить заключение выгодных им торговых соглашений с СССР отменой выкупа. Ведь даже еврейские организации не готовы принять участие в экономическом бойкоте фирм, торгующих с СССР (напомним, что Чрезвычайная Конференция руководителей еврейских организаций, собравшаяся в Лондоне в сентябре 1972 г. также отказалась поддержать предложение об экономических санкциях против СССР).

Иными словами, в нынешних условиях лозунг «Все силы на борьбу за отмену выкупа!» стал балластом, мешающим нам про-

явить новую инициативу, и в первую очередь это нужно объяснить евреям США и нашим друзьям в американском Сенате. Молчаливый отказ от требования отмены выкупа вернет свободу маневра президенту Никсону в контактах с русскими, и его представители, используя в качестве инструмента дипломатического нажима поправку Джексона, вероятно, смогли бы оказать нам содействие в достижении какой-либо неофициальной договоренности с советскими властями о выкупе евреев при неперенном условии прекращения нынешней советской политики селективной алии.

Как это ни парадоксально звучит, именно введение советскими властями «налога на образование» и наметившееся улучшение советско-американских отношений, может быть дают нам единственную в своем роде возможность рассчитывать на успех новой дипломатической инициативы.

Не будем же терять время; наши братья в России никогда не простят нам, если мы упустим этот, может быть последний шанс.

БЫВШИЕ НАЧАЛЬНИКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА — О НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ

Видимо, можно говорить о рождении новой традиции, основанной газетой «МААРИВ»: второй раз, с промежутком в 10 лет, в феврале месяце (в редакции газеты отметившей свое 25 летие) собрались бывшие начальники Генерального Штаба Армии Обороны Израиля, не было среди них недавно умершего Якова Дрори.

Бывшие начальники Генерального Штаба посвятили часть своей беседы нашей молодежи.

Открыл беседу **ИГАЛЬ ЯДИН**:

Десять лет назад, когда мы также сидели здесь, у меня не было сомнений в отношении молодого поколения, как с точки зрения его воспитания, так и той роли которую сыграла Армия Обороны Израиля в воспитании молодого поколений. Сегодня же я выскажу несколько дискуссионных мыслей.

Перед 6-ти дневной войной было очень распространено выражение «поколение Эспresso».*. Но настала 6-ти дневная война и «поколение Эспresso» стало героем дня. Если бы сегодня речь шла лишь о «поколении Эспresso», у меня не было бы оснований для беспокойства. Поколение проявило себя, а что касается его жизненных принципов, то это дело вкуса. Что же меня волнует? Я не хочу приводить крайние примеры, типа случая с Одифом Агудом, которым тоже можно дать объяснение. Но я часто встречаюсь с молодежью в возрасте 20—30 лет, демобилизовавшейся из армии и следовательно уже далеко не младенческого возраста. Я достаточно знаком с их мыслями и разговорами и могу с уверенностью констатировать, что мысли многих являются отрицанием всех наших дум, всего того, на чем мы выросли: то есть отрицание главной задачи нашего Государства — по крайней мере при жизни нынешнего и будущего поколений, предоставить возможность собраться в Израиле всем евреям мира, где бы они не находились. Это была наша главная цель. Это определяет особый характер государства Израиль как еврейского государства. Я сталкиваюсь со слишком многими молодыми людьми, которые возражают против такого определения целей нашего государства.

Признаюсь, что я встречался главным образом со студентами, чья позиция более радикальная. Добавлю, что, как мне кажется, это позиция меньшинства. Но в определенном смысле меньшинство тоже является важным фактором и нельзя пренебрегать его существованием. Ведь в зависимости от того, что представляет собой это меньшинство, из кого оно состоит, где оно возникло, какое имеет влияние и есть ли у него возможность проявить себя в той или иной форме, подобное меньшинство может оказаться опасным. Но что самое главное — почему оно возникло?

* Имеется ввиду молодежь, проводящая значительное время в кафе, типа «Эспresso».

Десять лет назад мы говорили: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». И уже тогда многие из нас обвиняли наших предков в порождении отрицательных явлений. Если понятие «предки» означает поколение, которое фактически вырастило нынешнее поколение, то ясно, что это его вина. Весь вопрос в том, где кроется ошибка?

Я думаю, что Залман Аран (бывший министр просвещения) правильно определил диагноз, но лекарство, которое предложил, вызвало лишь осложнение болезни. Он внедрил в школьные программы то, что называется на воспитательном жаргоне «еврейским сознанием». Он понимал, что если не внедрить «еврейское сознание», то мы окажемся перед опасностью. Результаты показали, что таким путем нельзя воспитать молодое поколение. Наоборот, это вызвало у молодежи отвращение к понятию «еврейское сознание». Внедрение этого «сознания» превратилось в обыкновенный предмет, а на ученика чаще оказывает влияние не предмет, а учитель. Если учитель плохой, то и отношение к его предмету будет соответствующим.

ЦВИ ЦУР: Не может быть, чтобы хороший солдат был плохим гражданином. Я не участвовал в прошлой встрече, но теперь я не уверен, можно ли спрашивать экс-начальников Генерального штаба, какой представляется им теперешняя молодежь, Как будто они ее знают лучше от того, что они когда-то занимались ею. Мне кажется, что все, кто сидит здесь, за исключением Игалья, довольно далеки от молодежи. Мы разговариваем с теми, кого мы видим и встречаем: наших сыновей и их товарищей. По ним я могу судить, но я не уверен, представляют ли они израильскую молодежь. Мне трудно представить себе, что можно создать прекрасную армию только с помощью отличных руководителей, а сами солдаты лишь материал в руках создателей. Скажите солдатам, что они должны что-то сделать, и они это сделают правильно, и следовательно, в конечном счете, они хорошие граждане.

С другой стороны, является ли наша молодежь на самом деле иной, чем старшее поколение? Игаль упоминал возраст 20—30 лет. Чем отличается этот возраст от 30—40 летних или 40—50 летних. Я думаю, что лишь в лучшую сторону, хотя бы потому, что они просто молоды и способны сделать больше, готовы на такие поступки, на которые старшее поколение, обремененное заботами и ответственностью, уже не способно.

Конечно, можно указать на некоторые негативные явления, которые относятся также к молодому поколению, и я не думаю, что будет существенная разница между молодежью и более старшим поколением. А если и будет то, по-моему, в пользу молодых. Наша молодежь — это молодежь добровольцев, она готова выполнить все задания и не только в армии. Мы это видим на примерах ее огтовности осваивать новые места. Разве у нас осваивается сегодня меньше новых мест, чем в прошлые годы? Разве сегодня у нас меньше новых поселений и есть проблемы в поисках добровольцев, желающих поселиться на границах?

ДАЯН: Существует большая очередь желающих поселиться в районе Рафиаха. Проблема упирается в бюджет. Но тех, кто готов остаться Тель-Авив и поселиться в Садот, Питхат Рафиах и видеть свое

будущее и свою жизнь там — много. Есть также большая очередь среди мопшавников и среди киббуцников, но правительство утверждает, что чнет у него сил «поднять» эти поселения, то есть строить дома и выделить бюджет.

ИГАЛЬ ЯДИН: Позволь мне, Чера, перебить тебя. Я хочу пояснить свою точку зрения. Мы не говорим сейчас о положительной стороне дела. Я согласен с тем, что ты говоришь. Я констатирую лишь тот факт, что мы являемся свидетелями более или менее отрицательного отношения к нашей основной цели — сионизму. Явление, которое не стояло на повестке дня 10 лет назад, или, по крайней мере, мы не стояли перед этой проблемой 10 лет назад.

ЦУР: Еще несколько замечаний. Прежде всего, о нашем праве на страну. Сознает ли сегодня молодежь свое право на государство и готова ли она воспользоваться этим правом, чтобы осуществить все, что от нее требуется?

Когда я говорю «молодежь» я имею ввиду молодежь моего дома, военных, которые посещают моего сына. Может быть это и не самый типичный пример израильской молодежи. Но я вижу, что молодежь убеждена в том, что мы имеем право на государство Израиль, и возможно даже, в существующих на сегодняшний день границах. Ей тяжело отказаться от того, что завоевано кровью, и это производит большее впечатление, чем чтение сообщений о случаях, типа Адива и Верета. Мы всегда обращаем внимание на отдельные случаи и не видим общего. Вместе с тем я категорически заявляю, что наша молодежь не настроена милитаристски. Она понимает, что должна служить в армии и выполнять все, что ей надо выполнить. Я не думаю, что современная молодежь отличается от молодежи нашего поколения. Все мы служили в армии, и много лет (во всяком случае мое поколение) не потому, что мы были милитаристами, или мы хотели служить в действующей армии, но потому, что мы знали наши обязанности и понимали наш национальный долг. Я чувствую, что те молодые ребята, которых я вижу сегодня не очень хотели бы служить в действующей армии. Но это не значит, что они не будут служить и не будут выполнять всего, что от них требуется.

Наконец, и в 1948 году были дезертиры. Разве мы не помним отрицательных явлений во время войны за Независимость? Ясно, что и сейчас существуют такие же явления, свидетелями которых мы являемся. Вопрос лишь в том, существуют ли они в таком же масштабе как 10—20—30 лет тому назад. Здесь у меня возникают определенные сомнения. Я помню отрицательные явления в моем полку, а у меня был не плохой полк. Мы находились на передовой линии, прошли всю войну, люди выполняли все, что было и них возложено, но разве не было тогда у нас дезертиров? Я уверен, что в напряженное время сегодня, их будет меньше, чем было тогда.

ЯДИН: Но это были не идейные дезертиры.

ЦУР: Не идейные.

ЯДИН: В этом разница.

ЦУР: Но идейных дезертиров мало. То, что мы можем назвать всех по именам, доказательство того, что их мало. Наша молодежь,

способна и готова сделать все то, что делали мы в ее возрасте. Понятно, что отрицательные явления — результат социальных проблем, но не молодежь их создает. Мне кажется, что тот, кто хочет исправить положение дел, должен обращать внимание на израильское общество в целом, а не только на молодежь.

БАР ЛЕВ: Свои соображения я основываю на тех контактах с молодежью, которые есть у меня. Год назад — это были солдаты Цагал'а, а сейчас — друзья моих детей. Они в том же возрасте, что и молодежь, работающая в промышленности. Я бы сказал так: прежде всего, я не разочарован в ней, могу ее критиковать, но раньше чем перейти к критике, я хочу подчеркнуть самое главное — их отношение к проблемам безопасности. Я не говорю, что нет исключений, но большая часть молодого поколения стоит на правильных позициях в отношении проблем безопасности, не только теоретически, но и практически, в повседневных проявлениях. И тут я думаю, что самым большим испытанием явился период «войны на истощение». Тогда все население страны спрашивало: «Когда будет конец?», «Что дальше?». Таких вопросов я не слышал ни от одного молодого парня или девушки. Это не значит, что сама проблема их не волновала, но они относились к ней, как к чему-то естественному. Мне трудно поверить, что такое отношение может существовать без глубоких связей с идеями. Что касается проблем, которые поставил Игаль, то, хотя я меньше знаю молодежь, о которой он говорил, но та молодежь, которую я знал, не думаю, чтобы она была противницей идей сионизма, противницей государства Израиль. Для них государство Израиль — иное явление, чем оно было для нас, более нормальное.

В те дни, когда я прибыл в страну, я должен был себе дважды в день напоминать, что страна «в пути», а нынешнее 20—30-летние родились и выросли в этой стране, и их отношение к ней намного естественнее.

И в наше время — Чера напомнил об этом — были сверстники, которые пошли другой дорогой, я не говорю о тех, кто дезертировал из действующей армии, не по идеологическим причинам. Я говорю о моих бывших друзьях, которые упаковали свои пожитки и бросили страну. Их тоже можно назвать идейными дезертирами. Отрицательные явления были, есть и будут. Не могу обрушить критику на молодежь, и за ее материалистический подход ко всему (правда, это то, чего в наше время не было). Ибо для такого подхода есть и объективная и субъективная причины. Объективная причина — материализм большинства граждан страны всех возрастов. В этом смысле молодежь не может видеть перед собой достойных примеров. Она выросла в этой атмосфере и заразилась ею. Субъективная причина кроется в том, что после трех лет тяжелой военной службы, а порой и периода войны, они идут в университет или на работу и у них намного меньше возможностей отдать время делам, которые не связаны прямо с их повседневными заботами.

РАБИН: Начну с того, что я не был участником прошлой встречи, а последние четыре года я больше времени провел за пределами страны. Поэтому у меня есть возможность перспективных измерений.

Это приводит к тому, что, с одной стороны, запоминается только хорошее, а с другой — прибавляются впечатления, полученные в США. Эти впечатления еще больше подчеркивают все то хорошее, что есть у нас. Я помню, раньше было принято говорить офицеру, критикующему ЦАГАЛ: «Поезжай в другую страну, посмотри, как идут там дела в армии. Тогда увидишь яснее, насколько у нас все в порядке, оценишь по настоящему достижения ЦАГАЛ'а». После этих замечаний, я хочу коснуться, Чик, твоего первого вопроса. Каждый из нас, как начальник Генерального Штаба, в определенной мере повлиял на определенный период жизни парня во время его службы в армии. Я прошу помнить одно — каждый из нас занимался молодежью во время его пребывания в армии. В армии всегда существует национальное единство. И это, конечно, естественно. Что же касается политической или общественной жизни, то когда живешь в демократическом государстве, позволительно иметь разные мнения. Я участвовал в трех войнах и могу со всей ответственностью заявить, что человеческий материал после каждой войны оказывался лучше и поэтому результат каждой войны был лучше предыдущего.

ДАЯН: Ну, это также и результат технического фактора.

РАБИН: Технический фактор не сыграл бы такой решающей роли, если бы не люди.

ДАЯН: И все-таки решающим фактором 6-ти дневной войны были авиация и бронетанковые войска, а авиация сегодня составляет 51% всей армии. Авиация плюс бронетанковые войска — 80% нашей армии. Ясно, что пехота, будь она лучше или хуже, играла меньшую роль.

РАБИН: Несомненно, И все же один из самых решающих факторов это люди. Но я вернусь к теме дискуссии. Мне кажется, что готовность молодежи отстоять наше государство растет. А единичные отрицательные явления, о которых говорил Игаль, всегда были. Можно провести сравнение между «ханаанейцами» и тем, что происходит сегодня. «Ханаанейцы» отрицали право еврейского народа на государство Израиль. Я думаю, что их значение в то время было не меньшим, чем значение отрицательных явлений сегодня.

Господа, если речь идет о государстве Израиль, как о еврейском государстве, как государстве, абсорбирующем алию, как о развивающемся государстве, то не думаю, что можно говорить об изменении к худшему. Что касается «материализма» нынешней молодежи, то могу лишь заметить: если ктонибудь сопротивляется стремлению повысить жизненный уровень населения страны, он сопротивляется естественному стремлению человека. И наконец, я считаю, что нет никакой опасности, что наши ребята станут милитаристами, завоевателями.

ДАЯН: В Израиле теперь больше «защитников Ислама», чем «завоевателей».

РАБИН: Проблема «завоевателей» еще не стоит на повестке дня, поскольку еще не испытана наша готовность вернуть территории взамен мира. Что же касается опасений, будто бы психология завоевателя может ухудшить характер народа, то, насколько мне знакомо положение дел на контролируемых территориях, нет опасности превращения

нашей армии в армию завоевателей, и соответственно, сужения кругозора нашего солдата.

МАКЛЕФ: Не следует забывать, что большинство солдат, находившихся под командованием первых начальников Генерального штаба, были новые репатрианты, которые прибыли из стран Ислама. Мы видели «человеческую пыль», превратившуюся в конструктивный фактор, их найдешь теперь во всех уголках страны. Им все понятно, и мы, как представители государства, сделали все возможное. Но есть большая разница между тем, что они получили в армии и тем, что с ними происходит, когда они встречаются с реальной действительностью. Хороший солдат в армии ведет себя совсем иначе на заводе, где он работает. Мы научили молодежь «умереть за свою страну» и не сумели научить ее «жить для страны». Многие стараются «как бы не работать» и это вырастет в проблему. Это мне хотелось бы подчеркнуть. Что касается «милитаризма», то я согласен с мнением Моше, среди евреев есть больше «защитников Ислама», чем среди арабов.

ЛАСКОВ: Я участник второй мировой войны в Европе, и я знаю что такое армия завоевателей. Поэтому называть нашу армию «завоевательницей» — полнейший абсурд. Что касается взаимоотношений между поколениями, то невозможно требовать от молодежи того, чего не требуется от всего общества в целом. Когда кто-то получает больше — это не потому, что он вкладывает больше, а лишь потому, что он просто умеет «выжимать» за счет другого. Наш человеческий материал в армии очень хороший, и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сомневался в том, что мы называем «сионизмом».

ДАЯН: Я думаю, что ближе всех к молодежи среди нас Игаль, и все-таки между его и моими взглядами есть большая разница. Я лично не берусь выяснять, какое поколение лучше. Следует помнить, что молодежь решает сегодня положение дел в стране, то положение, которым мы не довольны. Так обстоит дело и в ЦАГАЛ'е, и в партии, и в Гистадруте. Мне не известна страна, где бы руководство было такое старое. Меня тревожит многое из того, что происходит в нашей стране, но я ни в коем случае не посажу на скамью подсудимых молодежь. Что же касается дезертиров по идейным соображениям, то предпочитаю дезертиров, типа Ноймана, который заявляет, что он не пойдет служить и идет в тюрьму, тем, кто ежедневно глотает наркотики и говорит, что мы ведем захватническую войну. Если и есть у нас несколько дезертиров по идейным причинам, то мы их, по крайней мере, знаем. Но у нас преподносится достаточной иной «отравы» прессой, субботними вечерами, телевидением, радио.

Я уже говорил о добровольцах и хочу привести теперь несколько цифр, исходя из которых можно сделать кое-какие выводы.

В парашютные войска в 1967 г. было подано заявлений добровольцами в три раза больше требуемого количества. В 1970 г. — в два с половиной раза больше (хотя потребность выросла по сравнению с 1967 г.). В 1972 г. — в три раза больше. В военно-морской флот в 1967 г. — в десять раз больше, в 1970 г. — в 8 раз больше, в 1972 г. — в 10 раз больше. В летние училища — в 1967 г. — на 40% больше, в 1971 г. на 75% больше, а потребность выросла во много раз; в 1972 г. —

на 65% больше. Как видите, число добровольцев растет с каждым годом. Еще один факт. В 1972 г. желающих остаться на сверхсрочную службу увеличилось по отношению к 1971 г. Существует разница между мной и ими, но то, что они должны делать в армии, они делают очень хорошо. А если молодежь не исправляет промахов своих отцов, то я не жду от них этого: не они совершили промахи, и не от них зависит изменение положения дел.

ЯДИН: Я чувствую, что я единственный здесь высказываюсь резко, не на той волне, что остальные. Хочу пояснить, почему. Пару дней тому назад я прочел текст встречи 10-летней давности. Я и сегодня могу подписаться под каждым словом, которое я тогда высказал в отношении нашей молодежи и проблем безопасности. Я не хочу, чтобы создалось впечатление, что у меня возникло сомнение, как оценить молодежь, служащую в армии и ее отношение к проблемам безопасности. В конечном счете, я хотел сегодня лишь обратить внимание на определенные явления, которые кажутся пропорционально ничтожными к тому положительному, о чем здесь говорилось. Можно добавить еще очень и очень многое. Когда я говорю о современной молодежи, я имею в виду определенный круг, который появился и вырос после провозглашения государства, поколение, которое не участвовало в процессе создания государства. Я нахожусь, может быть по впечатлением замечательного фильма, я видел его вчера по телевизору, о борьбе с насекомым — вредителем. Ты видишь, как маленький вредитель уничтожает огромное количество здоровых зеленых растений. Это маленькое насекомое проникает в растение и, чем больше опрыскиваешь его, тем быстрее оно размножается. Борьба против этого вредителя — биологическая война. Это аналогия тому, что я назвал «еврейским сознанием». «Внедрение» его привело к противоположным результатам. Опасность, которую я вижу в данный момент, это не та, что насекомое большое в смысле его величины, а та, что опасность существует. Правильно, что и в прошлом было много проблем того же порядка, но правильно и то, что эти проблемы вызывали тревогу. Я читаю газету «Пи гаатон»*, а также все газеты, которые выпускает хайфский университет. Я советую всем вам их почитать. Необходимо знать, о чем студенты говорят друг с другом. Я их не обвиняю, а наоборот, я рад что они высказывают все. Это материал для размышления. Я также слушаю по радио и смотрю по телевидению выступления разных «бунтовщиков». Речь теперь уже не идет о солдатах ЦАГАЛ'а или о демобилизованных из армии, а о тех, кто еще учится в 11—12 классах, о детях из очень хороших семей. Я не хочу преувеличивать, но послушайте их идеи и форму, в какой они их выражают. В этом смысле я говорю, что идеи противоречат основе, на которой их воспитывали. Мы ведь до сегодняшнего дня верим в эту основу.

Поколение, которое руководит сегодня государством, прессой, университетами, литературой — это, в основном поколение, которое было активно уже 25 лет тому назад. Тогда оно жило сионистскими идеями.

* Пи гаатон — Уста ослицы (газета студентов Иерусалимского университета).

Есть разница не только в мыслях и чаяниях этих поколений — это неоспоримый факт, но есть разница и в форме ведения дискуссий, диалогов, в путях конфронтаций. Вот что меня больше всего волнует. Создается впечатление, что мы до сих пор не нашли контакта с молодежью, не умеем разговаривать с ней, влиять на нее. Над этим мы должны думать.

ДАЯН: Возможно ты прав. Я посмотрел спектакль Хануха Левина «ЯКОБИ и ЛЕЙДЕНТАЛЬ», я читал, что это лучший спектакль, который когда либо шел в театрах нашей страны. Также критические статьи в прессе, которые я читал, были написаны уважаемыми мною людьми, и только поэтому я пошел его смотреть. Я сидел в зале, поглядывал на сцену, а больше смотрел на зрителя. Это был действительно не мой мир, не мои слова. Я думаю, что я понял идею спектакля. Во всяком случае я знал, почему смеется зритель. Я не утверждаю, что я лучше или хуже их, я только отмечаю, что существует пропасть между нами.

БАР-ЛЕВ: А если бы ты посмотрел спектакль «АХНАСАТ КАЛА»: то ты увидел бы, что молодежь, которая приходит на него, не очень далека от нас.

1. БАР ЛЕВ ХАИМ —

род. 16/2 1924 г. в Вене, прибыл в Израиль в 1939 г. из Югославии, окончил с-х школу «Микве-Израель» и Колумбийский Университет (США), в 1947—1948 гг. член Пальмаха, с 1948 по 1971 гг. служил в ЦАГАЛ'е, с 1968 по 1971 г.г. — начальник Генерального штаба. С 1972 года — министр торговли и промышленности.

2. ДАЯН МОШЕ —

род. 20/5 1925 г. в Дегании, окончил военный колледж в Англии, школу экономики и права в Тель Авиве, Еврейский Университет в Иерусалиме, с 1936 г. — член Хаганы, с 1942 г. — член Пальмаха, в 1948 — 1958 гг. — служил в ЦАГАЛ'е, в 1953 — 1958 г. г. — начальник Генерального штаба, в 1959 — 1964 гг. — министр сельского хозяйства, с 1/6 1967 г. — министр обороны. Автор книги «Дневник Синайской кампании», 1966 г.

3. ЛАСКОВ ХАИМ —

род. в 1919 г. в России, в Израиле с 1925 г., окончил военный колледж в Англии и Оксфордский Университет, во время II мировой войны служил в английской армии, в 1948 — 1961 — служил в ЦАГАЛ'е, в 1958 — 1960 — начальник Генерального штаба, затем — ген. директор Управления портов Израиля, в настоящее время — уполномоченный по жалобам при министерстве обороны.

4. МАКЛЕФ МОРДЕХАЙ —

род. в 1920 г. 19/1 в Иерусалиме, окончил Технион в Хайфе, служил в еврейской полиции при мандатных властях, во время II мировой войны служил в английской армии, в 1948 — 1953 гг. служил в ЦАГАЛ'е, 1952—1953 гг. — начальник Генерального штаба, в 1953 — 1955 гг. — ген. директор химических предприятий района Мертвого

МИНИСТР И. ГАЛИЛИ

ОТВЕЧАЕТ ЖУРНАЛУ «СИОН»

Член правительства Израэль Галили—один из наиболее видных политических деятелей нашей страны. В связи с приближением 25-летия Государства Израиль редакция «СИОНА» попросила его ответить на несколько вопросов.

Вопрос: Каковы по Вашему мнению важнейшие достижения Государства Израиль за четверть века его существования, каковы наши проблемы и задачи на будущее?

Галили: Я предпочитаю изложить проблемы и задачи, чем перечислять достижения. По моему, главные проблемы стоящие перед нами в канун 25-ти-

летия существования Израйля следующие:

а) Достижение мира и постоянных безопасных границ, так как мы не считаем, что статус кво будет вечным. Ради этого стоит сделать любые политические усилия. Успехи достигнутые за 25 лет и особенно после 6-ти дневной войны, не должны нас опьянять: необходимо продолжить наши усилия,

б) Основание государства ~~не~~ означает, что население Израйля, весь еврейский народ выполнил свою историческую миссию. Абсорбция алии остается главной задачей Израйля. Когда я говорю об алии, я имею ввиду и ре-

моря, в настоящее время — ген. директор компании по экспорту цитрусовых «При — адар».

5. РАБИН ИЦХАК —

род. в 1922 г. в Иерусалиме, окончил агрономическую школу в Кфар—Тибор и колледж ген. штаба в Англии, член Хаганы, участвовал в военных операциях в Сирии в 1941 г., в 1948—1968 — служил в ЦАГАЛ'е, 1964—1968 — начальник Генерального штаба, с 1968 г. — посол в США.

6. ЦУР ЦВИ —

род. в России 17/4 1923 г., окончил университеты во Франции и США, в 1948 — 1964 гг. служил в ЦАГАЛ'е в 1961 — 1964 гг. начальник Генерального штаба, в 1965

— 1967 гг. — ген. директор компании «Мекорот», с 1967 г. помощник министра обороны.

7. ЯДИН ИГАЛЬ —

род. в Иерусалиме 21/3 1917 г., окончил Еврейский университет, член Хаганы, в 1948 — 1952 гг. служил в ЦАГАЛ'е, в 1949—1952 гг. — начальник Генерального штаба, в настоящее время — доктор философии, профессор археологии Еврейского университета, член Израильской Академии Наук, член-корреспондент Королевского общества Великобритании и Французского Института, лауреат премии Израйля (1956 г.) и Ротшильдовской премии по гуманитарным наукам (1964 г.), автор многочисленных книг и статей по археологии.

патриацию из Советского Союза, и возвращение евреев из арабских стран, и алию из стран с высоким уровнем жизни. Я имею ввиду как олим, прибывающих в страну из-за дискриминации или нужды в Диаспоре, так и олим, приезжающих из-за притягательной силы библейского Израиля, который они рассматривают как историческую родину еврейского народа.

Эта задача не из легких. Но мы должны сделать усилие и решить ее, несмотря на отсутствие мира, на необходимость тратить огромные материальные средства для усиления оборонно-способности страны.

в) Мы должны также достигнуть социального прогресса с тем, чтобы быть страной передовых идей, просвещения и справедливости.

В настойчивом труде, направленном к достижению этих трех целей я вижу наши задачи на будущие годы.

Вопрос: Как Вы бы сформулировали правительственную политику Израиля по вопросам мира и границ? Существует ли согласованная общенациональная точка зрения по этим ключевым вопросам?

Галили: Попытаюсь сформулировать несколько основных принципов, с которыми, думается, согласно большинство нашего общества.

а) Мы стремимся к миру, однако не имеем ввиду превратить автоматически существующие линии прекращения огня в линии мира на всех участках. Очевидно, на некоторых участках линии мира не будут совпадать с линиями прекращения огня.

Приведу один пример: мы не намерены превратить Суэцкий канал в постоянную границу мира.

б) Пока нет мира — мы за соблюдение существующего ныне положения и не отступаем от линий прекращения огня.

в) Мы не вернемся к границам 4-го июня, ибо требуем их изменения. Предполагаемые изменения должны быть существенными. Мы хотим добиться изменения границ с Египтом, Иорданией и Сирией путем обоюдного согласия, в результате переговоров. Вот почему мы готовы к переговорам без предварительных условий. Девиз «без предварительных условий» — не пустая фраза. Доказательством тому служит тот факт, что государство Израиль по сей день не распространило свои законы на контролируемые территории кроме Иерусалима. Мы оставили территориальный вопрос открытым для переговоров. Когда начнем переговоры, мы безусловно выдвинем свои требования. Но до начала переговоров мы не сформулируем никаких условий. В процессе переговоров можно будет обсуждать все территориальные и прочие вопросы, касающиеся установления мира.

Мы хотим укоротить переходной период от статус кво к миру. Мы заинтересованы в прекращении огня в течение переходного периода. Но это зависит от обеих сторон. Невозможно соблюдать прекращение огня только с одной стороны. Оно должно соблюдаться с обеих сторон линии прекращения огня. Если открывают огонь, Израиль должен дать отпор.

Арабские страны ошибаются если они думают, что смогут нас за-

ставить танцевать «под их дудку». Если Египет и Сирия готовы открыть огонь, как это было во время войны на истощение, то мы ответим так, как сочтем нужным. Мы будем воевать, не так, как хотелось бы нашим соседям. Известно, что пока арабские государства продолжают быть слабыми с военной точки зрения, они поощряют террор. Мы рассматриваем террор как серьезную проблему. Мы относимся к нему как к одной из форм отказа арабов заключить с нами мир.

Поэтому мы вынуждены продолжить борьбу—а) против арабских государств, которые несут непосредственную ответственность за террористические акты, б) против баз террористических организаций, в) против деятелей террористических организаций за рубежом.

Мы продолжим наши усилия, чтобы достичь согласованных действий всех правительств, которые выступают за принятие законов против террора.

Я думаю, что именно такова точка зрения большинства израильского народа по всем перечисленным проблемам.

Вопрос: Вы упомянули о необходимости существенных изменений прежних границ. В чем смысл этих изменений?

Галили: По этому вопросу есть нюансы в мнениях разных лидеров. Однако сейчас не стоит их конкретизировать. Пока арабские страны придерживаются политики «не уступать ни пяди земли» — это не актуально.

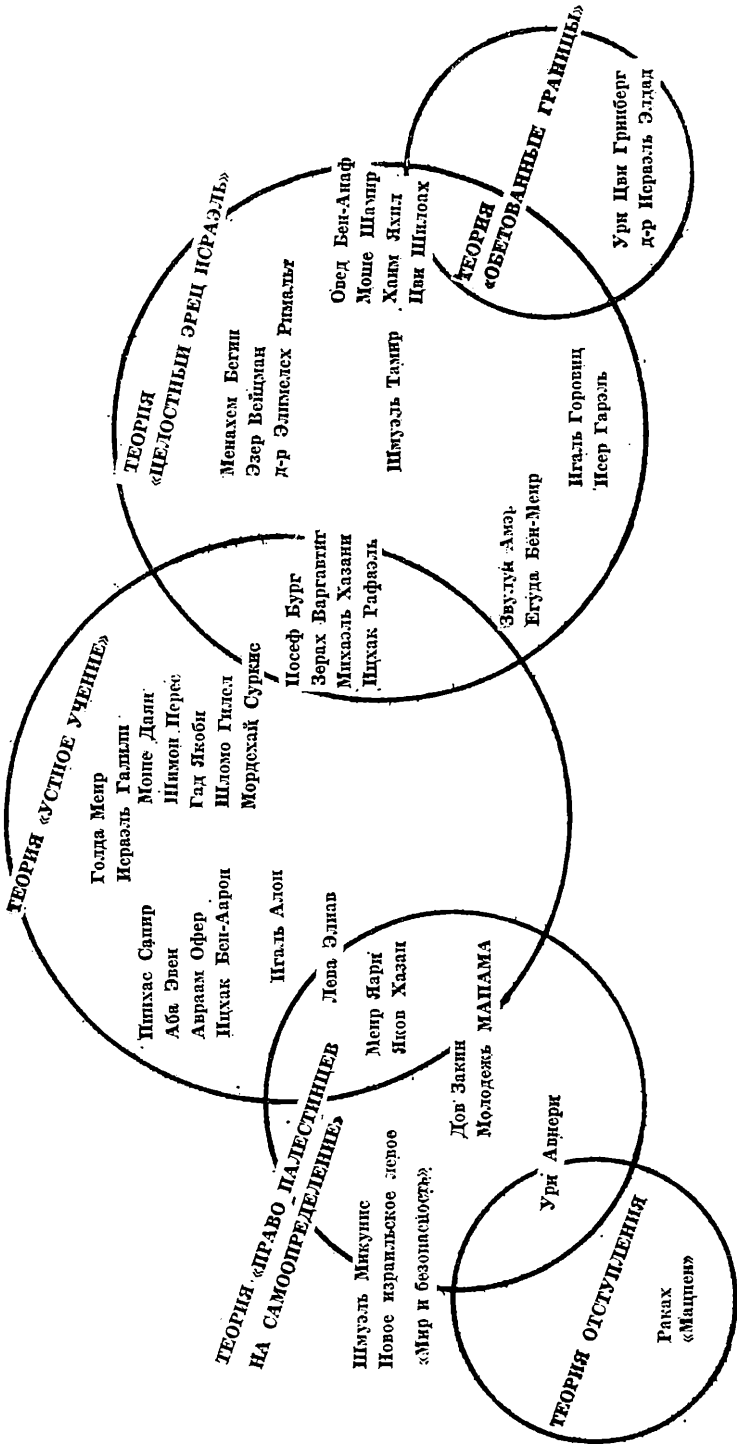
Сирия, Иордания, Египет на-

стаивают по крайней мере на нашем отступлении к границам 4-го июня 1967 года. Они заявляют, что это будет первым этапом последующего периода. Правда, относительно характера этого последующего этапа существуют между ними разногласия. Все-же они едины в своем стремлении вернуть нас к прежним неизменным границам и требуют от нас, чтобы мы обязались согласиться с этим еще до начала переговоров. Поэтому не ведутся так же переговоры о частичном урегулировании между нами и Египтом. Садат обуславливает начало переговоров о частичном урегулировании отходом Израиля к прежним границам.

В заключение я повторяю: мы не стремимся продлить настоящее положение на долгие годы. Мы бы предпочли сокращение периода статус кво, который начался прекращением огня и закончится установлением постоянного мира на нашей земле. Но арабы вынуждают нас жить в условиях «ни мира, ни войны» в течение долгого периода.

Помимо войны на истощение, которую мы уже пережили, нам может быть навязана и политическая война на истощение. Мы обязаны быть готовыми выстоять и в такой войне.

Мне кажется, что высказывания в печати и в ходе разных дискуссий, на партийных собраниях, не передают верно настроение нашего народа. Готовность народа выстоять также в политической войне на истощение намного сильнее, чем ее изображают в печати и на собраниях.

ТЕРРИТОРИИ -

КТО ЗА ЧТО И ПОЧЕМУ?

(О позициях израильских партий, идеологических движений и отдельных политических деятелей в отношении судьбы контролируемых территорий).

ГРАНИЦЫ.

Теория «Обещанных границ» — восходит к Библии. Для примера можно привести следующие слова из книги «Бытия»: «...по-прежнему твоему отдал я эту землю, от реки Египетской до реки Великой, реки Евфрата». Существуют разные толкования понятия «река Египетская»: одни утверждают, что речь идет о Ваади Эль Ариш, другие — об одном из рукавов Нила.

Теория «Целостного Эрец Исраэля» — она в равной степени опирается как на Библию, так и на политическую реальность прошлого (исторические права). В широком смысле, эта теория включает в «целостный Исраэль» Трансиорданию или большую ее часть, а в более узком смысле, в соответствии с нашей реальностью — лишь Газу, Иудею и Самарию до реки Иордан.

Теория «Маарах'а», — известная как «Устное учение», (Законы, не вошедшие в Библию), была сформулирована в 1969 г. под влиянием Моше Даяна и бывших сторонников РАФИ. Данная теория утверждает, что Израиль считает Иордан своей восточной безопасной границей.

Это значит, что западнее Иордана не будет чужих войск. Рамат-Гаголан и полоса Газы останутся под нашей властью; свобода навигации из Эйлата на юг будет обеспечена израильскими силами, которые размещаются в районе проливов. Район этот будет территориально связан непосредственно с Израилем. Вышеизложенная теория достаточно гибкая, она утверждает: если когда-нибудь найдется арабское государство, готовое к переговорам, мы не потребуем, чтобы оно приняло нашу позицию в качестве предварительного условия для ведения диалога. Лишь решения правительства и его заявления определяют позицию Израиля в любых переговорах.

Существуют разногласия относительно того, в какой мере «устное учение» является обязательным для каждого члена коалиции МААРАХ'а.

Теория о правах палестинцев на самоопределение. Она занимает центральное место в позициях фракций и политических группировок, расположенных левее от МАПАМ'а. Приверженцы названной точки зрения находятся в оппозиции к теориям, требующим присоединения

территорий и согласны лишь на небольшие исправления границ. Они ратуют также за основание палестинского государства, включающего полосу Газы, а возможно и без нее. Среди них существуют разногласия относительно будущего статуса Иерусалима.

Теория отступления отражает позицию РАКАХ (возвращение к границам 1967 г.) и МАЦПЭН'а (ее лидеры отвергают сионизм и необходимость еврейского государства).

* * *

Вышеизложенные идеологические расхождения, как правило, не совпадают с традиционным партийным делением. Отсюда такое явление, отраженное в схеме, как правые и левые крылья внутри больших партий, а также идеологическое и тактическое скольжение из одного круга в другой.

Так, «Движение за целостный Эрец Исраэль» — это не партия. В ее состав входят депутаты Кнесета — члены разных партий; в движении участвуют и беспартийные общественные и государственные деятели и писатели: Овед Бен-Ами, д-р Хаим Ихил (в прошлом — член МАПАМ'а, в настоящее время — сторонник «Государственного списка»), Моше Шамир (в прошлом — член «Гапомер Гацаир»), Цви Шилох (в прошлом — член МАПАИ), также активисты ХЕРУТ'а, партии МАФДАЛ, Свободного центра, либералы. Они ратуют за присоединение Иудеи, Самарии, полосы Газы и за объявление реки Иордан государственной границей Израиля.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕКУЧЕСТЬ.

В числе более умеренных приверженцев «Целостного Эрец Исраэля» находятся члены партии АВОДА (например, депутат Кнесета Мордехай Суркис), министры Бург и Варгафтиг от партии МАФДАЛ. В то же время другие депутаты от МАФДАЛ — Ицхак Рафаэли и молодое активисты Хамар и Бен Меир — считаются менее уступчивыми. Среди сторонников «Целостного Эрец Исраэля» есть и экстремисты типа Ури Цви Гринберга и д-ра Исраэля Эльдада (из бывших руководителей ЛЕХИ) которые верны теории «обещанных границ».

В центре движения за «Целостный Эрец Исраэль», то есть за присоединение, находятся лидеры ГАХАЛ'а: Менахем Бегин, Эзер Вейцман, д-р Элимелех Рималыт, а также Шмуэль Тамир («Свободный центр»), Исер Гарэль и Игаль Горовиц (Государственный список). По их мнению, Израилю не грозит демографическая опасность в случае присоединения территории с населением насчитывающем 1,2 миллиона арабов. С одной стороны, они верят в перспективу большой еврейской алии, а с другой — есть такие, которые предполагают (хотя об этом и не сказано ни в одной официальной платформе), что в случае присоединения, жители этих территорий переселятся в арабские страны.

В любом случае они ратуют за то, чтобы дали израильское гражданство и все вытекающие отсюда права арабам, которые

останутся в пределах государства после присоединения территорий.

Не все лидеры МААРАХ'а толкуют одинаково теорию «Устного учения». В качестве «верных стражей» теории можно назвать главу правительства госпожу Голду Меир и министра Исроэля Галили. Они верны идее «безопасности границы» на Иордане. Это формулировка оставляет открытой возможность возвращения Иордании большей части «Западного берега», но также не исключает окончательно возможности его присоединения. Оба, особенно Исроэль Галили, поощряют заселение долины Иордана, Хеврона, полосы Газы, Рафиаха, восточного Синая, побережья между Эйлатом и Шарм-эль-Шейхом, Голана — всех тех мест, где по их мнению, необходимы «свершившиеся факты» ввиду их последующего присоединения. Исроэль Галили сообщил в Кнессете о том, что полоса Газы будет неотделимой частью Израиля. Оба лидера непреклонны относительно «демографической проблемы», т. е. решительно выступают против перспективы прибавления к населению Израэля еще 1,2 миллиона арабов. В то же время оба заявляют, что израильское гражданство будет дано арабам, которые возможно останутся в пределах Израиля.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Среди «ястребов» МААРАХ'а находятся министры Моше Даян, Шимон Перес, Шломо Гилель, заместитель министра Гад Якоби и другие. Это наименее докт-

ринарная и прагматическая группировка МААРАХ'а. Вопреки незначительным различиям в точках зрения — например между Даяном и Пересом относительно будущей федерации — у «ястребов» имеется устойчивый общий знаменатель: их отношение к положению на территориях, находившихся под контролем Иордании, а также к связям с этим государством в той форме, в какой они представляются сегодня. Политика «открытых мостов» является символом платформы, названной именем Даяна. В отличие от идеи «окончательных географических карт», платформа Даяна выражена в стремлении к выработке динамичной политики, к налаживанию связей между евреями и арабами, а также к постепенному экономическому объединению и слиянию. «Жить вместе» — этот девиз по Даяну более эффективен, чем тот или иной параграф мирного договора. Недавно Моше Даян намекнул на необходимость относиться к нынешнему положению на территориях как к постоянному. В то же время он заявил, что даже в этом случае не следует предоставлять жителям территорий израильское гражданство вместо иорданского. Эти намеки (возможно поняты ошибочно) истолковывались его противниками как «медленная аннексия». Но Даян сказал также, что из двух альтернатив—присоединение, включающее миллион арабов, или отход — он выбирает вторую.

Перес выдвинул идею федерации (еврейская область, арабская область) в рамках еврейского государства. Когда Пинхас Сапир говорил об опасности

включения в состав Израиля 1,2 миллиона арабов, то Шимон Перес выступил против запугивания «демографическим призраком» и выразил свою уверенность в возможности большой сионистской алии.

«Голуби» МААРАХ'а составляют три группировки. Для того, чтобы лучше понять разницу между ними, разберем прежде всего опасения Пинхаса Сапира.

В середине ноября 1972 г. Пинхас Сапир, впервые после 1967 г., заявил, что он против инвестиций (по его мнению — сотен миллионов) в Иудею и Самарию и что присоединение 1,2 миллиона арабов означает, по его выражению, «смерть от удушения» для государства Израиль. Его противники пришли к выводу, что это заявление следует понимать буквально как призыв к отходу из Иудеи и Самарии. Сторонники г-на Сапира утверждают, что смысл его заявления иной: отступление после заключения мирного договора. Министр Аба Эвен и депутат Авраам Офер считаются сторонниками точки зрения Сапира.

Заместитель главы правительства — Игаль Алон имеет свой план, носящий его имя. План был представлен правительству уже в июле 1967 г. Его суть — в создании арабской области в Иудее и Самарии, связанной с Иорданией узкой полосой, а также в присоединении долины Иордана к Израилю. План Алона уже частично осуществляется: в долине Иордана растет число еврейских поселений.

Игаль Алон выступил против плана «медленной аннексии», приписав его Даяну, и отверг, как аморальную, мысль о не-

предоставлении израильского гражданства жителям освобожденных территорий. Напротив, Алон намекнул на возможность признания прав палестинцев на самоопределение (чему противятся в МААРАХ'е правое крыло и центр).

Генеральный секретарь Гистадрута — Ицхак Бен-Аарон не представил своего плана относительно будущего контролируемых территорий. На политической арене, где ведется спор о территориях, он находится между Сапиром и Алоном. Что касается бывшего генерального секретаря партии АВОДА, депутата Л. Элиава, то он соскользнул к левому крылу МААРАХ'а. В своей книге «Эрец Гацви» он ратует за право палестинцев на самоопределение и, понятно, за отход из Иудеи и Самарии. Однако, он не отказывается от безопасной границы вдоль Иордана (или совместного израильско-иорданского обеспечения границ).

В то время как «историческое руководство» МАПАМ'а (Яри и Хазан) вынуждено маневрировать и идти на компромисс в рамках совместной платформы с АВОДА, ее воспитанники из Гашомер Гацаир, депутат Дов Захин, некоторые из лидеров Гакибуц Гаарци и часть молодежи давно устремились к «левому» идеологическому кругу (см. схему), что противоречит общей платформе МААРАХ'а.

В этом же круге — «За право палестинцев на самоопределение» — находится группировка, расположенная правее соответствующего «Движения за мир и безопасность». Среди ее активистов встречаем проф. Иешуа Ариели,

полковника в запасе Меира Пайла, депутатов Ури Авнери (Гаолам Газе) и Шалом Козна, а также активистов МАКИ и Нового Израильского левого. Что их объединяет? Все они выступают против присоединения Иудеи, Самарии и Газы, согласны лишь на незначительные исправления границ и поддерживают право палестинцев на самоопределение. Ури Авнери отстаивает идею основания палестинского государства на Западном берегу и в Газе. Он также выступает за признание объединенного Иерусалима столицей двух государств — еврейского и палестинского.

На крайне левом фланге идеологической карты находятся

РАКАХ и **МАЦПЭН. РАКАХ** — это коммунистическая партия, состоящая в основном из арабов; она выступает в Кнессете с программой идентичной советской, которая требует отступления к прежним границам, в качестве условия мирного урегулирования. **МАЦПЭН** — это политическая группировка, которая действует в основном в университетах страны и за рубежом.

По мере приближения даты выборов в Кнессет (конец 1973 г.), следует ожидать обострения дискуссии о будущем территорий, как внутри каждой партии, так и вне партийных рамок.

К статье И. Бен—Пората

1. «АХДУТ АВОДА» («Единство труда») — создана в 1944 г. в результате выхода из **МАПАИ** левого крыла **«ГАТНУА ЛЕАХДУТ ГААВОДА»** — «Движение за единство труда».

В 1946 г. объединилась с партией **«ПОАЛЕИ ЦИОН СМОЛЬ»** — «Левые рабочие Сиона». В 1948 г. объединилась с партией **МАПАМ**, а в 1954 г. вновь оформилась как самостоятельная партия.

Лидером партии являлся Игаль Алон.

В 1965 г. партия вступила в избирательный блок с **МАПАИ**, а в 1968 г. — объединилась с **МАИ**. В V-ом Кнессете (1961 г.), когда партия в последний раз выступила самостоятельно, она имела 8 мест.

2. ГАХАЛ
— Блок Херута и Ли-

бералов — крупнейшая оппозиционная группировка, имеет 26 мест в нынешнем Кнессете.

Создана в апреле 1965 г.

3. «ГАКИБУЦ ГААРИЦИ» —

кибуцное движение, основанное в 1927 г., примыкает к партии **МАПАМ**. Насчитывает 75 кибуцов с общим числом 34 тыс. членов.

4. «ГАОЛАМ ГАЗЕ»
— «Этот Мир» — политическая группировка, созданная в 1965 г. вокруг журнала того же названия.

Представитель в Кнессете — Ури Авнери.

5. «ЛЕХИ»

— «Борцы за свободу Израиля» — подпольная организация времен британского мандата, отколовшаяся в начале II Мировой войны от «Эцель», т. к. считала возможной вооружен-

ную борьбу с англичанами, несмотря на войну с Германией.

6. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ — входит в блок **ГАХАЛ**, основана в марте 1961 г. в результате слияния партии **Общих Сионистов** и **Прогрессивной партии**.
Лидеры партии: Элимелех Рималт (чл. Кнессета), Симха Эрлих (чл. Кнессета).

7. МААРАХ

Избирательный блок партии **МАИ** и **МАПАМ**, создан перед выборами в VII Кнессет (1969 г.), имеет 56 мест в Кнессете и 14 мест в правительстве.

8. МАИ

«Израильская партия труда», в обиходе называемая «**АВОДА**». Основана в 1968 года в результате слияния партий **МАПАИ**, **Ахдут Авода** и **РАФИ**. Крупнейшая партия прави-

тельствующей коалиции. Имеет 12 мест в правительстве.

Партия контролирует также Истадрут («Всеобщая организация еврейских трудящихся Израиля») — крупнейшую профсоюзную организацию страны.

Лидеры: Г. Меир, П. Сапир, И. Алон, М. Даян и др. Генеральный секретарь — Аарон Ядлин (с мая 1972 г.)

9. МАПАИ

«Рабочая партия Израиля» — создана в 1930 г. путем слияния партий «ГАПОЭЛЬ ГАЦАИР» («Молодой Рабочий») и «АХДУТ АВОДА» («Единство труда»). Ее лидерами были: Д. Бен-Гурион, Л. Эшколь, Г. Меир, П. Сапир. В январе 1968 г. вошла в МАИ.

10. МАПАМ —

(«МИФЛЕГЕТ ГАПОАЛИМ ГАМЕУХЕДЕТ» — «Объединенная рабочая партия», создана в 1948 г. путем объединения партии «Гашомер Гацаир» — («Молодой страж») и АХДУТ АВОДА.

С 1965 г. выступает в избирательном блоке с МАПАИ, с 1969 г. — с МАИ. В V-ом Кнесете (1961 г.) имела 9 мест. В настоящее время имеет 2 места в правительстве.

Печатный орган — газета «Аль-Гамишмар» — («На страже»).

Лидеры партии: М. Тальми (ген. секретарь), М. Яри, Я. Хазан, Н. Пелед (министр абсорбции), В. Шемтов

(министр здравоохранения)).

11. МАФДАЛ

— (Мифлага датит леумит) — «Национальная религиозная партия», основана в 1956 г. слиянием партий «МИЗРАХИ» и «ГАПОЭЛЬ ГАМИЗРАХИ».

В нынешнем Кнесете имеет 12 мест и 3 места в правительстве.

Печатный орган — «ГАЦОФЕ» («Наблюдатель»). В партии имеется 7 фракций.

Лидеры: М. Хазани (министр социального обеспечения), И. Бург (министр внутренних дел), З. Варгафтиг (министр вероисповеданий), И. Рафаэль (чл. Кнесета).

12. МАЦПЭН

— «Компас» — название еженедельника, издаваемого «Иргун га-социалисти гаисраэли» — Израильская социалистическая организация. Обычно этим именем называют и организацию. Создана она в 1962 году группой бывших членов коммунистической партии Израиля.

13. РАКАХ

— (Решима комунистит кадаша) — «Новый коммунистический список». Образовался в 1965 г. в результате раскола коммунистической партии Израиля. В VII-м Кнесете имеет 3 места. Печатный орган — газета «Зу гадерех» (на иврите).

Лидер партии — М. Вильнер. (ген. секретарь, чл. Кнесета).

14. РАФИ

— (Решимат Поалей Исраэль) — «Рабочий список Израиля» (со-

здана в 1965 г. в результате раскола МАПАИ).

Лидерами партии были Д. Бен-Гурион, М. Даян, и Ш. Перес. В VI-ом Кнесете (1965 году) получила 10 мест. В 1968 г. вновь слилась с МАПАИ и АХДУТ АВОДА.

15. «РЕШИМА МЕМ-ЛАХТИТ» («Государственный список») — часть партии РАФИ, откававшаяся присоединиться к МАИ (1968 г.). В VI-м Кнесете ее представителем был Давид Бен-Гурион. В VII-м Кнесете (1969 г.) имеет 4-х представителей.

Лидеры партии: Игал Горовиц и Иссер Гарэль (чл. Кнесета).

16. «Свободный центр» — (Гамерказ Гахофши), создан в 1967 г., откололся от партии Херут... В VI-м Кнесете имел 4 места, в VII-м Кнесете — 2.

Лидер партии — Шмуэль Тамир.

17. ХЕРУТ

— (Тнуат Гахерут — «Движение Свободы»).

Крупнейшая партия оппозиции. Существует с 1925 г. как «Сионисты — ревизионисты». В нынешнем виде создана в 1948 г. на базе «Иргун Цвай Леуми» — Национальная военная организация. С 1965 г. выступает в блоке с либеральной партией (блок Гахал). В V-м Кнесете (1961 г.) имел 17 мест, в VII-м Кнесете 16 мест (весь Гахал — 26).

Лидер партии: М. Бегин (председатель, чл. Кнесета).

Составил А. Фельдман

Проблема воды

Потребление воды в Израиле для промышленных, сельскохозяйственных и бытовых нужд продолжает расти. Увеличивается численность населения, повышается жизненный уровень и улучшаются санитарные условия; по количеству потребления воды для бытовых нужд на душу населения Израиль находится на одном из первых мест среди большинства западно-европейских стран и значительно опережает все окружающие его страны. Возникают новые сельскохозяйственные поселения и в связи с ростом населения и экспортом сельскохозяйственных продуктов расширяется ирригационная площадь. С 1948 г. (год образо-

вания Израиля) ирригационная площадь увеличилась с 300 000 дунамов до 1 миллиона 790 тысяч дунамов в 1971 г. (дунам — 1 000 квадратных метров, 0,1 гектара). Намечается дальнейшее расширение сельскохозяйственной деятельности, в особенности в связи с растущим экспортом свежих продуктов (не считая цитрусовых). На многих европейских рынках наша сельскохозяйственная продукция имеет очень хороший сбыт. Одним из активных потребителей воды является и наша быстро развивающаяся индустрия. Следующая таблица дает представление о росте годового потребления воды в Израиле (в миллионах кубических метров);

	1948	1970	1980 (по плану)
1. Сельское хозяйство	220	1,180	1,250
2. Бытовое потребление	35	260	400
3. Промышленное потребление	5	60	150
	260	1,500	1.800
4. Население (в тысячах)	672	2,960	3,900
5. Орошаемая площадь (тысячи дунамов)	300	1,790	xxx

* автор статьи — инженер-механик, ныне — член Комиссии по опреснению морской воды. В прошлом — генеральный директор Водных обществ, председатель Союза инженеров и архитекторов, советник Израильского правительства по вопросам развития системы электроэнергетики, зам. председателя Комиссии по опреснению морской воды.

Каковы же наши водные ресурсы и в состоянии ли они удовлетворить растущую потребность? Ответ на этот вопрос определит в значительной мере пути социально-экономического развития страны. До образования государства палестинская мандатная администрация уделяла сравнительно мало внимания этой про-

блеме. Рост еврейского населения Палестины и хозяйственная деятельность Ишува, искусственно задерживаемые враждебной администрацией, не вызывали необходимости постановки этого вопроса. По ее мнению, водные ресурсы Палестины могли обеспечить потребность страны на многие годы. Вместе с тем следует отметить, что правительственные геологи Г. Блейк* и С. Шоу проделали серьезную работу по изучению гидрогеологии страны**.

Еврейское Агентство (Сохнут) и Палестинское Водное Общество (одна из форм участия американского еврейства в строительстве страны) уже в начале тридцатых годов приступили к систематическому изучению водных ресурсов страны. Во время арабских беспорядков (1936—1939 гг.) проведение этой работы было связано со значительной опасностью, в особенности в арабских районах. После объявления Независимости эта работа значительно расширилась и проводится теперь гидрологическим отделом при Комиссаре по Водным делам (о нем ниже). После шестидневной войны приступили к изучению водных ресурсов контролируемых территорий, включая и Синайский полуостров. Данные, полученные гидрологической разведкой, вместе с материалом, оставленным иорданской администрацией, в Иу-

* Г. Блейк был убит арабами в 1937 г. на юге Мертвого моря во время геологической разведки.

** Характерным примером кардинального несоответствия

дее и Самарии (египтяне, занимавшие Газу, этим вопросом не занимались), позволяют с уверенностью сказать, что мы достаточно знаем наши водные ресурсы, для того, чтобы вести продуманную водную политику.

— — — — —
сионистских стремлений и глубокой веры в победу свободно развивающейся еврейской Палестины, с одной стороны, и конкретной обстановкой, созданной враждебной мандатной администрацией и английским правительством, с другой, может послужить следующий эпизод. В 1939 г. с началом Второй Мировой войны была опубликована так называемая «Белая книга» английского правительства, практически закрывавшая возможность роста и развития ишува—иммиграция была резко ограничена и должна, была зависеть от согласия арабов, а покупка земли евреям была фактически запрещена. Мандатная администрация полагала, что эти меры приведут к стагнации роста еврейской Палестины. Ишув насчитывал около 650 тысяч. Но несмотря на это, в самом начале сороковых годов по предложению Палестинского Водного Общества и при финансовом участии Сохнута и Еврейского Колонизационного Общества ПИКА (колонизационное Общество созданное бароном Ротшильдом) приступили к разработке большого проекта орошения Палестины. Предполагалось отвести в Палестину реку Литани протекающую в Ливане. На севере Палестины Литани протекает в непосредственной близости от Палестинской (Израильской) границы вблизи

Тель-Хай. Две плотины на Литани создавали возможность построить две гидростанции общей мощностью 45,000 лошадиных сил. Особенности проекта заключались в отводе только зимних вод реки Литани в Палестину; в Ливане они не могли быть использованы и стекали в Средиземное море. По проекту Ливан должен был получить две гидростанции. В разработке проекта принимали участие ливанский инженер. Президент Ливана, А. Накаш, а также патриарх маронитов, весьма влиятельный и в политической жизни страны, отнеслись к проекту с большим энтузиазмом. Президент Ливана посетил Палестину для переговоров, назвав проект «нашим проектом».

Осложнившаяся политическая обстановка, освободительная война 1947—1948гг. и междуарабские отношения препятствовали осуществлению этого проекта. Воды Литани продолжают течь в море. Водная энергия не использована. Названия ливанских деревень, которые были обследованы палестинскими инженерами в связи с проектом, теперь часто упоминаются в израильских военных сводках, как места кровавых столкновений между нашими военными подразделениями и арабскими террористическими отрядами.

В дальнейшем изложении я остановлюсь преимущественно на водных ресурсах Израиля в границах до Шестидневной войны, главным образом потому, что этот вопрос изучен наиболее серьезно. Однако в конце статьи будут приведены некоторые данные относительно контролируемых территорий.

Среднее годовое количество воды, которое можно получить из всех известных естественных источников страны, определяется в 1,5 миллиарда кубических метров. Наш главный источник (60%)—это почвенные воды, которые обогащаются во время периода дождей — ноябрь—март, Дожди, а также зимние потоки с гор проникают в подземный резервуар, состоящий из водоносных слоев. Роль этого резервуара исключительно важна в нашем водном хозяйстве. Дождевые осадки и по общему количеству, и по интенсивности, и по распределению по стране крайне неравномерны. Дождливые годы сменяются годами засухи, так, например было во второй половине 60-ых годов. Гигантский подпочвенный резервуар является своего рода регулятором, дающим возможность продолжать нормальное водоснабжение даже в засушливые годы.

Обратимся теперь к таблице, приведенной выше. Мы видим, что годовое потребление воды в течение последних лет уже достигло 100% возможного использования всех источников. В прошлом, 1971—72 г. потребление воды превысило 1,5 миллиарда. Положение, однако, усугубляется тем обстоятельством, что ряд источников, принятых во внимание при оценке нашего водного баланса, далеко еще не готов к использованию. Естественно, что в первую очередь были использованы более дешевые и более надежные источники, так напр., дождевые потоки с гор использованы лишь в малой степени, так как инвестиции в такие проекты дороги; течение же зимних

горных потоков крайне нерегулярно. Водный дефицит компенсируется чрезмерным выкачиванием воды из подземного резервуара. В Израиле (в границах до Шестидневной войны) функционируют 2 300(!) колодцев, которые в 1971 г. потребовали около 25% всей электроэнергии страны. Значительная часть потребляемой воды снабжается водным обществом «Мекорот» (общество принадлежит в равных частях правительству, Сохнуту, Керен Каемету и Гистрадруту). Сеть водоснабжения «Мекорот» фактически связывает всю страну, начиная с севера — верховья Иордана и озеро Киннерет — и кончая южным Негевом и дает возможность регулировать снабжение водой большей части страны, независимо от распределения зимних осадков.

Если этот подземный резервуар будет использован выше допустимой нормы, наше водоснабжение окажется в зависимости только от дождей текущего года и от их стихийного распределения на территории страны. Чрезмерное выкачивание из подземного резервуара приведет к понижению уровня грунтовых вод, последствием чего явится прикновение соленой морской воды и постепенное засоление колодцев, прежде всего в приморской полосе. Такое уже произошло со многими колодцами в Тель-Авиве, которые по этой причине были оставлены.

Пресная вода находится в состоянии неустойчивого равновесия с уровнем моря. Нарушение этого равновесия вследствие понижения уровня пресной воды неизбежно вызывает проникно-

вание соленой морской воды. Раз начавшись, этот процесс практически не может быть остановлен. Есть основания полагать, что при среднем сезонном количестве дождей и при существующем потреблении этот резервуар может сказаться опустошенным в течение ближайших десяти лет.

Сложность проблемы, однако, не исчерпывается недостатком воды для планового развития страны; не менее важно для сельского хозяйства также и качество воды, которое определяется количеством растворенных солей, и в особенности хлорно-натриевой соли (называемой также «поваренной»). Цитрусовые плоды, авокадо, а также некоторые виды цветов и овощей очень чувствительны к солям, находящимся в воде. Значительная часть наших водных источников содержит количество солей большее, чем допустимо для названных культур. При орошении эти соли прикипают в почву, засаливая ее и грунтовые воды. Широко использование химических средств для борьбы с вредителями ведет также к проникновению в подпочвенные воды избытка солей. Использование очищенных сточных вод (один из наших «естественных» источников воды) также окажет влияние на качество наших подпочвенных вод, так как количество солей в сточных водах значительно выше, чем в питающих водах. К использованию сточных вод сейчас приступают в широком объеме.

Состояние нашего водного хозяйства хорошо известно правительственным органам и в частности министру сельского хозяйства, перед которым непосредст-

венно ответственен Комиссар по Водным Дела.

На основании закона о воде, принятом Кнесетом в начале пятидесятых годов, Комиссар по Водным Дела обладает широкими полномочиями в регулировании потребления воды. Каждый год он устанавливает максимальное количество воды, которое может быть предоставлено промышленным предприятиям, городским и сельским поселениям. За пользование водой сверх установленной им нормы взимается штраф. Он устанавливает, сколько воды может быть взято из колодцев. Бурение новых колодцев требует его разрешения.

Все же, несмотря на централизованное регулирование нашего водного хозяйства, общее потребление воды неуклонно растет. В течение последнего десятилетия ежегодное потребление воды в среднем увеличилось на 25 миллионов кубических метров; качество воды заметно ухудшается. Рост населения, новые сельскохозяйственные поселения и предумышленные предприятия требуют дополнительной воды, которая, как я объяснил выше, может быть получена все из того же подпочвенного резервуара. Все это еще более ухудшает наш водный баланс.

Каковы же пути разрешения водной проблемы?

При настоящем положении не существует какой-либо одной радикальной меры. Следует наметить ряд мероприятий, которые в совокупности могут дать положительный результат. Останемся на некоторых из них.

Комиссар по Водным Дела полагает, что потребление воды для сельскохозяйственных нужд

может быть значительно уменьшено без снижения общей производительности сельского хозяйства. Это, по его мнению, будет достигнуто дальнейшей рационализацией агротехнических методов (в частности усовершенствованием методов орошения), а также путем дальнейшего повышения производительности труда. Свое мнение он основывает на положительных результатах опытов, проведенных в экспериментальных сельскохозяйственных поселениях. В ближайшее время мероприятия, связанные с этим предложением, начнут претворяться в жизнь, с затратой значительных денежных сумм. Будут ли достигнуты положительные результаты — покажет будущее. Израильское сельское хозяйство уже достигло очень высокого стандарта развития, и, как при всяком развитии, кривая, показывающая дальнейший подъем, должна стать более отлогой. Приведу несколько цифр. Продуктивность сельскохозяйственного рабочего, начиная с 1948/49 гг., возрастала в среднем на 6,9% в год. Примем во внимание, что подавляющее большинство наших «крестьян» является первым поколением, обратившимся к сельскохозяйственной деятельности. Отметим также, что жители наших кооперативных сельскохозяйственных поселений «мошавей овдим», основанных после 1948/49 гг., это преимущественно выходцы из отсталых арабских стран. Еще в 1955 г. сельскохозяйственные рабочие в Израиле составляли 17,6% от общего числа взрослого населения, занятого в произ-

водстве. В 1971 г. их количество снизилось до 8,4%. В 1960 один сельскохозяйственный рабочий снабжал продуктами 17 потребителей, в 1971 г. их число поднялось до 36.

Механизация нашего сельского хозяйства характеризуется количеством тракторов — 34,7 трактора на 1.000 гектаров (включая зерновые посевы). В этом отношении мы находимся среди наиболее развитых стран Западной Европы. Посетитель израильского кибуца будет удивлен, найдя там всего одну-две лошадей (или мулов), занятых побочными работами, преимущественно санитарного характера.

Экспорт сельскохозяйственных продуктов (не только цитрусовых плодов) неуклонно растет. Экспорт так называемых «свежих» продуктов — цветов, клубники, различных овощей — возрос с 27 миллионов долларов в 1972 г. и по плану достигнет 60 миллионов в 1973 г. (Это повидимому, не будет достигнуто из-за холодов в декабре — январе 1972/73 года. — Весьма необычное явление).

Все эти данные указывают на необходимость очень бережного отношения к нашему сельскому хозяйству.

Министерство сельского хозяйства, в сущности, проводит политику частичного «замораживания» водоснабжения сельского хозяйства.

Предполагается снабдить сельское хозяйства в течение ближайших 3—4 лет дополнительным количеством воды в 40 миллионов кубических метров (откуда они будут взяты?); путем рационализации сельскохозяйственного производства предпо-

лагают сэкономить 150 миллионов кубических метров, т. е. 15% теперешнего сельскохозяйственного потребления воды. Этот план заторможенного развития, по-видимому, не принимает во внимание все ухудшающееся качество воды и опасность, связанную с понижением уровня грунтовых вод.

Повидимому будет нерационально «засушить» цитрусовые плантации — вывоз цитрусовых плодов является главной статьей израильского экспорта. Резкому сокращению должны будут подвергнуться другие «свежие» сельхоз. продукты. Осуществление этого плана болезненно отразится на сельскохозяйственном населении южных районов, экспортирующих овощи, цветы, высококачественный хлопок, земляные орехи и т. п., и может привести к уходу из затронутых этой мерой южных деревень. Это в свою очередь явится угрозой безопасности страны, где пограничные сельскохозяйственные поселения всегда составляли прочную цепь защиты.

Таким образом, мы как будто приходим к выводу о невозможности разрешения нашей водной проблемы — куда ни кинь — всюду клин...

Вероятно, как это всегда бывало, будет предложен какой-нибудь компромисс — временный по характеру и недостаточный по существу.

Сокращение бытового потребления воды может в лучшем (вернее, в худшем) случае дать очень незначительные результаты — бытовое потребление воды составляет сравнительно небольшой процент (17%) общего по-

ребления воды. С другой стороны подъем жизненного уровня, а также улучшение санитарных условий не должны искусственно задерживаться*.

Разумеется, обязательная установка отдельных квартирных водяных счетчиков во всех новых домах в течение последних лет приведет к уменьшению «разбазаривания» воды в быту. Борьба с утечкой воды из магистральных труб (преимущественно в городах) также может дать известный положительный результат, оцениваемый несколько преувеличенно энтузиастами экономии потребления воды. Возможно эти меры смогут временно улучшить положение. Одна-

* Одним из показателей подъема жизненного уровня является домашнее потребление электричества. Потребление электричества в среднем для бытовых нужд на каждую квартиру выросло с 895 киловатт часов в 1960/61 г. до 2200 киловатт часов в 1971/72. В 1958 г. электрохолодильниками пользовались 34% семей, в 1970 г. — 88,9%. Число семей, пользующихся газовыми кухонными печами, выросло за этот период с 35% до 85%. Эти цифры являются средними в отношении всего населения — процент пользующихся холодильниками и газовыми печами среди арабского населения гораздо ниже. Следует также принять во внимание, что в подавляющем большинстве иммигранты из отсталых азиатских и африканских стран получают квартиры с современным санитарным оборудованием. Это относится и к арабским сельскохозяйственным поселениям, где за последние годы быстро увеличивается число домов с современным санитарным оборудованием.

ко, только новые, не общепринятые методы смогут разрешить нашу водную проблему в основном. При создавшемся положении мы должны базироваться исключительно на методах, находящихся под нашим полным технологическим контролем.

В течение почти 15 лет у нас в стране проводится довольно широкая исследовательская и экспериментальная работа по искусственному дождеванию. Как и во многих других странах, результаты этого весьма интересного и сравнительно дешевого процесса не могут быть оценены с достаточной вероятностью, так как искусственное дождевание зависит от сочетания ряда климатических условий, и, следовательно, не находится под полным контролем человека. В чем в сущности заключается «полный» контроль? Объясним это на примере работы тепловых электрических станций. При наличии определенного, опытом проверенного, технического оборудования и при наличии топлива генерация электрической энергии зависит от человека. При искусственном дождевании такого «полного» контроля человеком не может быть, значит, в наших условиях признать эту меру результативной нельзя. Разрешение водной проблемы может быть достигнуто только путем опреснения морской воды в больших количествах.

Я остановлю внимание читателя на одном наиболее продуктивном технологическом процессе, который по-русски носит несколько тяжеловесное название — «многоступенчатый мгновенный испаритель» (по-английски

«Multi Stage Flash Evaporator (MSF)». Если нагреть морскую воду до точки кипения и образовавшийся водяной пар охладить, мы получим дистиллированную воду. Водяные пары, как известно, не содержат никаких солей — это было установлено еще Аристотелем в 350 г. до н. э. В принципе в этом и заключается весь процесс. Шерлок Холмс, вероятно, сказал бы «элементарно, мой дорогой Вотсон». С «технологическим оформлением» процесса (пользуясь советским выражением) дело обстоит, конечно, гораздо сложнее. В том виде, в котором этот процесс описан выше, опреснение морской воды окажется слишком дорогим. В так называемых многоступенчатых мгновенных испарителях, употребляемых для опреснения морской воды, тепло, необходимое для процесса, получают от пара из какого-либо внешнего источника. Так как необходимый для процесса пар должен быть сравнительно низкого давления, рационально использовать для этого «отработанный» пар из паровой турбины электростанции (этот пар должен быть несколько более высокого давления (и несколько более высокой температуры), чем нормально происходит при «входе отработанного» пара из турбины в конденсатор). Иными словами, необходим симбиоз турбо-генераторных электростанций с опреснительными установками. Такая установка успешно функционирует уже несколько лет в Эйлате, где около 80% воды, потребляемой населением города (включая испарительные охладители квар-тир), — опресненная морская вода. Пар, необходимый для про-

цесса, снабжается небольшой турбо-электро станцией (6 000 киловат), которая была запланирована и построена одновременно с опреснительной установкой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что планирование наших будущих опреснительных установок должно находиться в тесной связи с планированием наших электростанций.

Наиболее острая потребность в воде ощущается в южной части страны. Поэтому электростанцию, к постройке которой приступают сейчас к северу от Хедеры, нерационально объединять с опреснительной установкой; расширение же электростанции будет весьма рационально использовано для установки большой в Ашдоде на юге страны может быть весьма рационально использовано для установки больших опреснителей. Сложность такого двучелевого планирования ясна.

Чего можно достичь опреснением морской воды? Вода Средиземного моря у наших берегов содержит около 38 000 миллиграммов солей на литр воды (преимущественно, поваренная соль), а в заливе Эйлата содержание солей достигает 45 000 миллиграммов на литр. Нормально функционирующий опреснитель морской воды дает воду, содержащую всего около 10 (!) миллиграммов солей на литр. Эйлатская установка дает воду, содержащую меньше 5 миллиграммов солей.

Такая опресненная вода не только увеличивает наши водные ресурсы, она может стать важнейшим фактором в улучшении качества воды, по-

лучаемой из наших источников: путем смещения вод можно будет получать воду со значительно пониженным содержанием солей.

Опреснение морской воды в индустриальном масштабе — сравнительно новая технология: первые опреснители, работающие по описанной выше системе, были установлены около 15 лет тому назад. В течение последних 10—12 лет устанавливаются опреснители только этой системы. Первый опреснитель в Эйлате производительностью в 4 000 кубических метров в сутки считался в 1964 г. (во время установки) одним из самых больших в мире. В настоящее время в Кувейте установлены опреснители производительностью 20 000 кубических метров в сутки. Сейчас задача — сконструировать агрегат производительностью не менее 60 000 кубических метров в сутки. Десять таких агрегатов, работающих совместно, с общей годовой производительностью около 180 миллионов куб. метров, могут кардинально изменить нашу водную проблему. Мы, конечно, не ограничены в дальнейшем увеличении опреснительных установок.

Все наши центральные электрические станции (включая в будущем и атомные станции) должны быть построены у моря, так как морская вода является единственным источником для охлаждения конденсаторов.

Во всяком технологическом развитии время — один из важнейших факторов и технология, как известно, широко пользуется принципом обучения на ошибках. Однако часто бывает, что удачный опыт, удачное функ-

ционирование сравнительно небольшой модели вызывают бурную реакцию надежд на успех в работе больших индустриальных агрегатов. Посетители испытательных станций Американского Водомоства Соленой Воды занимающегося вот уже 20 лет (с годовым бюджетом около 30 миллионов долларов) развитием технологии опреснителей, найдут там много «кладбищ», на которых были похоронены розовые надежды и миллионы долларов. В большинстве случаев это результаты непроверенных опытом и временем «технологических прыжков». Такие явления можно наблюдать и в других странах, включая Израиль. Например, одна израильская инженерная фирма (принадлежащая правительству) предложила несколько видоизмененный процесс опреснения воды. Эксперимент был проведен на небольшой модели и в течение сравнительно короткого периода времени. Было однако принято решение приступить сразу к постройке опреснителя производительностью в 25 раз большей, и предназначить его для Эйлата, где потребность в опресненной воде будет остро ощущаться уже в течение текущего года.

При том остро критическом положении нашего водного хозяйства, о котором говорилось выше, делать ставку на непроверенный продолжительной операцией процесс представляется рискованным. А вдруг не будут достигнуты ожидаемые положительные результаты? Большие агрегаты, которые нам необходимы, не продаются со склада на заводах: их надо технологически развивать на базе

существующих проверенных установок. Если к этому не приступят немедленно..

Опресненная морская вода очень дорога. В наших условиях эта вода дороже воды из всякого другого израильского источника. Оценка стоимости зависит от метода финансового расчета. В официальных отчетах Американского Ведомства Соленой Воды можно найти очень эффективные кривые, показывающие, как с годами падает стоимость опреснения. Но эти кривые не следует принимать за чистую монету, так как в них не всегда принимаются в расчет все финансовые ингредиенты. В частности, спорным может быть процент на вложенный капитал, а также стоимость рабочей силы. Дальнейшее технологическое развитие многоступенчатых мгновенных испарителей несомненно приведет к понижению стоимости опресненной воды, но эта, сделанная человеком вода всегда останется дорогой. Производительность предполагаемых агрегатов, из которых будет состоять рекомендуемая большая опреснительная установка, достигнет, примерно, 60 000 кубических метров в сутки. При современном состоянии технологии опреснения эта производительность по-видимому, является оптимальной.

Действительная стоимость опресненной морской воды в Эйлате оценивается компетентными инженерами, в ведении которых находится эта установка, примерно, в два израильских фунта за кубический метр (жители Эйлата платят только незначительную часть

этой стоимости). Есть основания полагать, что агрегаты большого размера, а также повышение производительности труда снизят эту стоимость почти в 2 раза — до 1—1,25 израильских фунтов за кубический метр.

Предварительные подсчеты показывают, что стоимость воды из оставшихся источников, которые будут развиты в течение ближайших лет, в 2 — 2,5 раза дешевле расчетной стоимости опресненной воды. Роль этих источников в общем водном балансе является, однако, весьма ограниченной.

Проблемой допустимой стоимости воды для нашего сельского хозяйства и для разных его отраслей серьезно занимается ряд экономистов Министерства Сельского Хозяйства, Агротехнического Факультета Иерусалимского университета (Реховот), Института Исследования Сельского Хозяйства (Реховот), Колонизационного Департамента Сохнута (Иерусалим). Заключение специалистов, как и можно было ожидать, самые различные. Не вызывает сомнения, что с точки зрения крестьянина — производителя (кибуц, или мошав овдим) высокая стоимость воды не может быть приемлема. Этот вопрос должен быть и, по-видимому, будет подвергнут анализу на более широкий национально-экономической и политической базе.

Для полной объективности этот вопрос должен быть рассмотрен также и с точки зрения «во что обойдется засушить страну»...

Инвестиции в относительно большие опреснительные ус-

таковки, связанные с электростанцией, высоки. Согласно предварительным подсчетам упомянутая выше установка, состоящая из 10 агрегатов общей годовой производительности 200 миллионов кубических метров опресненной воды, обойдется в 200 миллионов долларов.

Если решение относительно начала работ по планированию и строительству первого опытного агрегата с суточной производительностью в 60 000 кубических метров будет принято немедленно, можно полагать, что многоводная установка в 180—200 миллионов кубометров будет пущена постепенно к началу 80-х годов.

Гидрогеологические границы не всегда совпадают со политическими, в особенности если эти последние представляют собой линию перемирия. Занятые Израилем во время Шестидневной Войны территории — Полоса Газы, Иудея и Самария — не являются в гидрогеологическом смысле особым феноменом по отношению к союзным частям Израиля, находящимся внутри «зеленой границы», (граница Израиля до войны 1967 г.). Полоса Газы представляет собой в климатическом отношении — продолжение юга Израиля. Площадь этой полосы 360 квадратных километров. Свыше 23 тысяч дунамов находятся под орошением. Из-за примитивных методов орошения потребление воды на дунаме почти в два раза больше, чем в Израиле.

Египетская администрация, которая управляла полосой Газы до Шестидневной войны, не ре-

гулировала пользование почвенными водами. В результате интенсивного выкачивания воды ухудшилось ее качество. Для урегулирования водного хозяйства Полосы одновременно с модернизацией системы орошения необходимо будет импортировать значительное количество воды.

Топографическое и геологическое строение Иудеи и Самарии (западный берег Иордана), а также сравнительно большая дождливость определяет гидрологию этого района. Значительная часть подпочвенных вод дренируется в сторону Иордана и Мертвого моря; часть становится соленой, проходя через засоленные подземные слои. В западной части района имеется значительное количество источников («ключей»), из которых часть соленые. Бытовое потребление воды низкое. Иорданское правительство не производило никаких работ по консервации источников. Можно полагать, что этот район сам себя обеспечивает водой в пределах существующих форм сельского хозяйства.

Гидрологические разведки производятся в Синае. Район Шарм аль Шейха будет использоваться для бытовых нужд опресненной морской водой.

Наше знание гидрологии Синайского полуострова в сущности ограничивается некоторыми замечками в Библии в повествовании о сорокалетнем странствовании наших предков по Синайской Пустыне после исхода из Египта. Было это около трех с половиной тысяч лет тому назад. После перехода через Черное (Красное) море и гибели египетской армии евреи блуждали три

ИЗМЕНЕНИЯ В НАСЕЛЕНИИ ИЗРАИЛЯ ЗА ПЕРИОД С 1966 ПО 1970 ГОД

Экономический спад 1966 года оказал влияние на процент рождаемости в Израиле, как среди евреев, так и среди не-евреев. В то время обсуждался вопрос, был ли этот спад запланирован или нет. Во всяком случае, даже те, кто его ожидал в результате экономической политики того времени, не учли степени его влияния на рождаемость. В настоящее время выдвигаются различные предложения в отношении стимулирования роста рождаемости, а также возможности оценки спада, исходя из процента рождаемости.

РОЖДАЕМОСТЬ

По данным на 1970 год было зарегистрировано 61.000 рождений среди евреев, в 1969 году бы-

* Цион Раби — статистик отдела Демографии Центрального Статистического бюро.

ло 58.000. Приблизительное число рождений на 1000 евреев равнялось в 1970 г. 24,0, в 1969 году — 23,4 и 22,8 в 1968 году. Среди не-евреев это число на 1970 год составляло 44,6 на тысячу жителей.

Вследствие того, что число смертных случаев равно 6 или 7 на тысячу жителей евреев и не-евреев — процент естественного прироста населения составляет, примерно, 1,6% среди евреев и 4% среди не-евреев.

Число рождений 23,4 на тысячу евреев в 1969 году превышает число рождений не только в 1967 году, которое равнялось 21,5, но и число рождений за период от 1961 по 1967 год, когда оно никогда не было выше 22,6.

После периода массовой иммиграции 1948—51 годов, который был также периодом рекордной рождаемости, число рождений снижалось вплоть до 1962 года. С тех пор это число стаби-

дня по пустыне и не могли найти воду. Моисей привел их в место, называемое Мара, «но вода в этом месте оказалась горькой и непригодной для питья». Евреи начали скандалить — способ выражения недовольства, утвердившийся окончательно с тех пор. Бог указал Моисею на дерево, и Моисей бросил это

дерево в источник горькой воды — и «вода стала сладкой», т. е. пресной*.

Но это чудодейственное дерево еще не найдено...

* Проф. Делианис из Афинского политехнического института отмечает этот эпизод как первое литературное упоминание технологии опреснения.

лизировалось и даже наблюдалось некоторое его увеличение в период между 1963 годом и первой половиной 1966 года, очевидно, благодаря новой волне иммиграции между 1961 и 1964 годами. Во второй половине 1966 года рождаемость снизилась и эта тенденция продолжалась до лета 1967 года.

Снижение рождаемости в 1966 году можно отнести за счет экономического спада, который еще больше сказался в 1967 году. Рождаемость начала повышаться уже через несколько месяцев после окончания шестидневной войны и продолжала расти в течение 1968 и 1969 годов. Данные на 1970 год говорят о том, что этот темп роста рождаемости превышает даже уровень 1969 года.

Следует отметить, что в 1967 году рождаемость среди не-евреев понизилась больше, чем среди евреев. В 1968—69 годах она снова возросла, но не достигла уровня, существовавшего до 1967 года. Следовательно, естественный прирост населения после 1967 года в пределах «зеленой линии» произошел за счет евреев. Среди не-евреев существуют различия в рождаемости в зависимости от религиозной принадлежности. Общее число рождений среди них выражено цифрой 46,4 в 1969 году; у мусульман — 50,9, у друзов — 43,4, и у христиан — 30,1 на тысячу человек.

Наблюдается влияние времени года на уровень рождаемости. Год можно разделить на 2 периода: с июля по январь уровень рождаемости высокий, с февраля по май — низкий. Самый высокий уровень приходится на

самые жаркие месяцы (июль и август) и на самые холодные (декабрь и январь).

В то время как высокая степень воспроизводства осталась почти неизменной у не-евреев, несмотря на небольшое снижение за последние годы, степень рождаемости у евреев претерпела изменения под влиянием различных групп репатриантов и их абсорбции в Израиле. Снижение уровня рождаемости среди иммигрантов из Азии и Африки было вызвано изменением их привычек, т. к. чем дольше они живут в Израиле, тем меньше детей они стремятся иметь. Этот процесс подтверждается данными об общей деторождаемости у женщин из Азии и Африки к моменту их выезда в Израиль. Данные на 1968 год показывают, что у женщин, родившихся в Азии и Африке и приехавших в Израиль не позднее 1954 года средняя деторождаемость — 4,1, в то время как у тех, кто приехал после этого года она составляет 4,8.

Вследствие низкого коэффициента смертности среди всех возрастных групп у евреев, нет различия между коэффициентами чистого воспроизводства и средней деторождаемости. В 1968 году коэффициент чистого воспроизводства был 1,58; другими словами, население увеличится на 58% в пределах одного поколения, если коэффициент деторождаемости сохранится. (Демографический термин «поколение» означает средний возраст женщин, способных давать потомство: в 1968 году он равнялся 27,3 годам.

Повидимому, снижение коэффициента деторождаемости яв-

ляется результатом не только длительного проживания в Израиле, но также и изменений в общественном положении, например, род занятий, заработок и т. д.; эти факторы, в свою очередь, объясняются в большой степени длительностью проживания в Израиле. Статистические данные о количестве рождений в 1968 году показывают, что существует связь между деторождаемостью и уровнем образования. Среди женщин, имеющих образование, деторождаемость имеет тенденцию к снижению. Средний коэффициент деторождаемости среди женщин в возрасте 30—39 лет, никогда не посещавших школу составлял 6,4 детей; среди же тех, кто посещал школу в течение 1—8 лет этот коэффициент был 4,3; те же, которые учились 13 и больше лет имели 2,7 ребенка. Среди женщин с высшим образованием этот коэффициент был почти одинаков как для женщин, родившихся в Азии и Африке и приехавших в Израиль до 1954 года, так и для женщин из Европы и Америки, давно проживающих в Израиле. Другими словами, если не учитывать длительность пребывания в Израиле и различия в культурном уровне, то грани между женщинами из Азии и Африки и из Европы и Америки стираются.

Имеется четкое различие в коэффициенте деторождения в зависимости от местожительства. Данные на 1967—68 год показывают, что самая высокая деторождаемость (5,9) наблюдалась среди женщин — выходцев из Азии и Африки, живущих в мошавах; самая же низкая (1,7) — среди женщин — выходцев

из Европы, живущих в Тель-Авиве. Коэффициент деторождаемости 1,7 составляет около 0,8 коэффициента воспроизводства, т. е. указывает на сокращение населения в пределах одного поколения на 20% при допущении, что в течение этого времени миграция не влияет на уровень населения.

В каждом виде поселения средний коэффициент деторождаемости у женщин, родившихся в Азии и Африке самый высокий, у женщин из Америки и Европы — самый низкий, а у женщин, родившихся в Израиле, этот коэффициент занимает среднее положение. Единственным исключением являются киббуцы, где коэффициент деторождаемости почти одинаков для всех женщин, независимо от места их рождения. У той части населения киббуцов, которая прибыла из Европы и Америки деторождаемость самая высокая по сравнению с населением того же происхождения, но живущем во всех других видах поселений, кроме Иерусалима; с другой стороны, у женщин родившихся в Азии и Африке и живущих в киббуцах, деторождаемость самая низкая по сравнению с женщинами того же происхождения, но живущих в других видах поселений. Показатели деторождаемости у выходцев из Азии и Африки и из Европы и Америки сближаются и их точка пересечения — киббуц.

Число новорожденных по месту рождения их родителей также изменилось под влиянием иммигрантов из Азии и Африки с их высокой рождаемостью. В 1949 году, у матерей, родившихся в Азии и Африке, деторож-

даемость составила 20% всей деторождаемости, у матерей родившихся в Европе и Америке — 65%, а у израильских матерей — 15%. Сравнительные данные на 1968 год: Азия и Африка — 56%; Европа — Америка — 18%, Израиль — 26%. У 14.300 детей, родившихся в 1968 году у израильских матерей, 23% отцов прибыли из Азии и Африки, 57% — из Европы или Америки, 20% — израильтяни или неизвестного происхождения.

Деторождаемость у незамужних матерей невелика по сравнению с европейскими странами. В 1968 году деторождаемость среди незамужних женщин составляла 0,7% в Израиле, 7% в Англии, 6% во Франции, 13% в Швеции и 7% в США.

Количество аборт в Израиле достигает большой цифры. Если бы можно было сократить число аборт, то это повысило бы средний коэффициент рождаемости и здоровье многих женщин не пострадало бы.

БРАКИ

Вообще, число браков в Израиле, достаточно высокое. Это также находит свое выражение в статистических данных о населении на конец 1968 года. Эти данные указывают на то, что только 3% мужчин и женщин не вступают в брак к 45—50 годам. Коэффициент браков — т. е. число пар вступивших в брак, на тысячу жителей — был самым высоким среди евреев в период 1949—50 годов. Коэффициент на 1950 год был равен 14,5. После этого времени он неуклонно снижался, пока не дошел до цифры 7,2 в 1961 году.

С тех пор он стабилизировался, но после 1967 года он несколько повысился, достигнув в 1969 году цифры 9,0. Сравнительные данные на 1969 год: Франция — 7,6, Швеция — 6,0. Англия — 8,4, Италия 7,2, США — 10,6.

Подобно многим другим демографическим явлениям, количество браков также зависит от времени года. Осенью и зимой — от октября до февраля — число браков ниже среднего уровня, и выше среднего весной и летом, от марта до сентября. Бракосочетание связано с многими организационными и финансовыми мероприятиями, например, приобретение дома, обстановки, приглашение гостей и т. д. Естественно, это удобнее делать весной и летом, излюбленными периодами для всякой общественной и хозяйственной деятельности.

Хотя население Израиле относительно небольшое, все же трудно изучить свадебные традиции и обряды выходцев из разных стран. Одна из проблем — как изолировать взаимное влияние каждой подгруппы населения. На свадебные обычаи и характеристики вступающих в брак влияют несколько факторов; главными факторами являются страна рождения, продолжительность проживания в Израиле, семейное положение, возраст, профессия и место жительства. Каждый из этих факторов может оказывать свое влияние по разному.

В стране с достаточно большим населением эта проблема может быть преодолена единым подходом к каждой подгруппе. Однако, когда общее население невелико, то чрезвычайная детализация данных может приве-

Таблица 1.

Браки, разводы, рождения, смерти, естественный прирост и детская смертность*, 1948—1969.

Период	Браки	Раз- во- ды	Рожде- ния	Смерти	Естест- венный прирост	Детская смерт- ность	Мертво- рожден- ные
Евреи							
1948—49	12.2	1.6	28.2	6.8	21.4	44.0	16.7
1950—54	11.2	1.7	31.0	6.5	24.5	38.8	15.5
1955—59	8.3	1.2	25.7	5.9	19.7	32.0	14.6
1960—64	7.5	1.0	22.5	5.9	16.6	25.1	13.7
1965—69	8.3	0.9	22.5	6.7	15.8	20.9	12.3
Неевреи							
1965—69	7.0	0.4	47.3	6.1	41.2	42.4	14.2

* Приведенные цифры даны на тысячу жителей, кроме цифр детской смертности и мертворожденных, которые даны на тысячу рождений.

сти к таким малым показателям, что для статистики они не будут иметь никакого значения.

Вторая проблема касается необходимости получения основных данных о демографическом составе всего населения. Если статистические данные о среднем брачном возрасте составлены без учета возрастного состава и семейного положения всего населения, частью которого являются вступающие в брак, то полученные результаты не будут иметь значения. Следующие два примера иллюстрируют эту проблему.

Если в состав всего населения входит большое число молодых людей и холостяков, естественно, процент браков будет высоким для всего населения. Это может создать ошибочное впечатление, что этому населению свойственно заключение большого количества браков, в то время как, фактически, причиной этому

служит благоприятный возрастной состав или семейное положение.

При подсчете общего среднего возраста людей, вступающих в брак в Израиле, с учетом страны их рождения, можно выявить, что некоторые группы людей женятся позднее, например, выходцы из Польши. Однако, это не значит, что именно выходцы из Польши стремятся жениться в более позднем возрасте; это может быть результатом того, что в этой группе много людей старшего возраста или же много вдовцов и разведенных. Иными словами, для сравнения возраста различных групп населения в момент вступления в брак, требуется одновременный анализ состава населения Израиля с точки зрения страны исхода, семейного положения и возраста.

Наиболее интересное явление

— это брак между членами разных общин и людьми, приехавшими из разных стран: это является одним из критериев интеграции. Из 22.900 браков, имевших место в 1969 году, 18% были заключены между выходцами из Азии и Африки и выходцами из Европы и Америки. Несомненно, браки между людьми из стран с различным укладом и традициями имеют тенденцию способствовать лучшей интеграции, ослаблению напряженных отношений в обществе, являющихся часто следствием разных характеров и склада ума членов разных общин. Это относится не только к изменению отношения вступающих в брак к моральным ценностям другой общины, а также ко всем членам обеих семей, которые, к своему удивлению, открывают положительные аспекты в обычаях другой общины.

Число браков между членами разных общин медленно, но неуклонно растет. В 1952 году такие браки составляли только 9% от общего числа браков. К 1955 году этот процент поднялся до 12%, в 1960 — до 14,5% и в 1969 году он достиг 18%. Детальный анализ по местожительству обнаруживает, что наибольшее число браков между членами разных общин заключалось в кибуцах — 21%, затем в Тель-Авиве (19%). Хайфе (18%) и Иерусалиме (17%). Наименьшее число браков было заключено в мошавах и в других деревнях — 13%. Учитывая, что жители деревень более консервативны чем члены кибуцов, а Иерусалим более консервативен, чем Тель-Авив, можно сделать вывод, что чем менее

консервативно население в социальном отношении, тем больше заключается браков между членами разных общин. В Израиле, подобно другим странам принимающим иммигрантов из разных стран, все же наблюдается тенденция к совершению браков между людьми одинакового происхождения. Это относится в большей мере к выходцам из Европы и Америки. Часто совершаются браки между людьми из разных стран, но со сходной культурой, например, Россия, Польша и Румыния, Германия и Австрия, Чехословакия и Венгрия, Югославия, Греция и Болгария. Статистические данные указывают, что чем дольше люди живут в Израиле, тем меньше становится тенденция вступать в брак со своими прежними соотечественниками.

Среди выходцев из СССР, Чехословакии, Германии и Австрии, проживших много лет в Израиле, эта тенденция самая слабая. С другой стороны, большинство выходцев из Йемена и Адена, Ирана и Туниса — Алжира—Марокко, прибывших в Израиль не так давно, стремятся заключать браки в пределах своей группы. Эти данные приводят к выводу, что длительность пребывания в Израиле влияет на снижение тенденции к эндогамному браку, иными словами, чем дольше люди живут в Израиле, тем меньше выбор партнера в браке будет зависеть от страны его или ее рождения. Это подтверждает тот вывод, что число межобщинных браков будет увеличиваться с течением времени. Однако в настоящее время все еще существуют значительные барьеры

между выходцами из разных стран. Данные на 1969 год показывают, что из всего числа мужчин, родившихся в странах Северной Африки, 64% выбрали себе жен из тех же стран. Среди мужчин из Йемена и Адена соответствующая цифра была 43%, из Ирака — 39%, из Ирана — 46% и из Румынии — 46%.

Вследствие особого характера Израиля, как страны иммиграции и интеграции приезжих с различным социальным и культурным уровнем, исследование статистических данных о браках преследует также особые цели, неизвестные в других странах. Одной из главных проблем Государства Израиль является абсорбция новопривывающих. Трудно проследить за их абсорбцией и интеграцией в израильском обществе. Браки между новопривывшими и жителями Израиля являются одним из критериев удачной абсорбции — если не в экономическом, то, по крайней мере, в культурном отношении.

Важно — с экономической и общественной точки зрения — знать сколько вдов и разведенных, в особенности тех, кто имеет детей, выходят замуж за год. Из всех мужчин, женившихся в 1968 году, 89% были холостяками, 6% — разведенными и 5% — вдовцами. Из женщин, — 91% были одинокими, 5% — разведенными и 4% — вдовами. Около $\frac{1}{3}$ разведенных и вдов имели детей от первого брака. 98% всех холостяков женились на незамужних и 2% — на разведенных. Из числа разведенных мужчин 38% женились на разведенных женщинах, 48% — на незамужних и 14% — на вдовах.

Среди вдовцов — 55% женились на вдовах, 15% — на незамужних и 30% — на разведенных.

Одно из интересных явлений — это устойчивость брачных традиций населения, рассматриваемого как органическое целое. Средний брачный возраст женщин, выходящих замуж в первый раз был 21—22 года за последние 10 лет, мужчин — 25—26 лет. Другими словами, брачный возраст почти не менялся за десятилетие. Это удивительно, если учесть насколько сложен человек, и как эмоциональный фактор и окружающая среда влияют на брачный возраст. Человек, считающий, что вступление в брак является его личным делом, с трудом поймет, каким образом оно связано с окружающей его социальной средой. Весь комплекс сопутствующих обстоятельств, которые задерживают вступление в брак, или ускоряют его, очевидно, возникает из самой социальной структуры общества; эти обстоятельства обуславливают поведение данной группы людей, что находит свое выражение в почти стабильном брачном возрасте. Подобные явления оправдывают научное исследование поведения общества и попытка вывести законы, управляющие этим поведением.

Брачный возраст при первом браке меняется в зависимости от страны, где проживала данная группа населения и времени прибытия в Израиль. С течением времени различия в брачном возрасте данной группы стираются. Среди новопривывших эти различия еще велики. Следует отметить, что средний брачный возраст как для мужчин, так и для женщин ниже для тех лю-

дей, которые давно живут в Израиле, т. е. давноприбывшие из Азии и Африки и из Европы и Америки имеют тенденцию вступать в брак в более раннем возрасте, чем новоприбывшие из этих же стран.

Статистические данные о месте проживания до вступления в брак показывают, что число мужчин из отдельных районов или из различных видов поселений не совпадает с числом женщин из тех же мест. Например, район Беер-Шевы дает больше женихов, чем невест; с другой стороны, Израильский район дает больше невест. Данные на 1968 год показывают, что участники кибуцного движения стремятся заключать браки в пределах этого движения, а не вне его. Около 75% кибуцников не выходят за рамки кибуцного движения, между тем как только 68% жителей Тель-Авива вступили в брак друг с другом; в Иерусалиме эта цифра составляет 69%.

При заключении браков наблюдается перемещение населения из одного района в другой, из одного города в другой. Из всех пар, вступивших в брак в 1965 году, 49% продолжали жить на прежних местах; в 27% всех браков, невеста переехала к жениху; в 10% — женихи к невестам, а в 14% — оба переменили место жительства. 23% пар из мошавов не меняли места жительства, 44% невест переехали к женихам в мошавах. В кибуцах 60% пар продолжали жить на прежних местах и в 28% браков невесты переехали к женихам.

СМЕРТНОСТЬ

Средняя продолжительность

жизни еврейского населения в Израиле одна из самых высоких в мире. В 1969 году, эта цифра составляла 69,5 лет для мужчины и 73,3 года для женщин; сравнительные данные для США 67,0 и 74,2, соответственно; для Англии — 68,5 и 74,4, для Франции — 68,2 и 75,4.

Это относится к предполагаемому при рождении среднему сроку жизни, между тем как у человека сорока лет, пережившего все опасности к этому возрасту, предполагаемая продолжительность жизни значительно выше. По статистическим данным на 1969 год, можно ожидать, что мужчины, достигшие сорока лет, проживут еще 33,7 года, а женщины — 37,7 лет. Эти средние показатели вычислены на основе количества смертных случаев в течение года 1969. Так как в будущем можно ожидать улучшения здоровья населения Израиля, и, повидимому, в будущем десятилетии будут открыты средства лечения некоторых широко распространенных болезней, то благодаря этим факторам люди будут жить дольше.

Средний процент смертности в Израиле (т. е. число смертных случаев на тысячу жителей) особенно низок из-за преобладания молодежи в составе населения. В 1969 году смертность среди евреев составляла 7,2% и 5,9% среди не-евреев.

Для среднего населения с нормальным возрастным составом, средняя продолжительность жизни, при коэффициенте смертности 7,2, равнялась бы 139 годам (1000 деленная на 7,2), а это, естественно, невозможно. Без учета влияния возрастного состава населения, правильный про-

цент смертности будет 14,4 (1000 деленная на средний возраст 69,5) для мужчин и 13,6 (1000 деленная на 73,3) для женщин.

Таблица 2.

Число смертных случаев среди евреев

Израиля в зависимости от пола, и возраста (средние показатели на 1967—1969 г.)

Возраст	Мужчины	Женщины
Всего	7.6	6.2
0	22.29	17.9
1—4	0.9	0.7
5—34	1.2	0.5
35—39	1.9	1.1
40—44	2.8	1.8
45—49	4.4	3.2
50—54	7.1	5.4
55—59	11.6	9.3
60—64	21.1	15.4
65—69	35.6	26.9
70—74	56.2	45.3
75	111.7	106.7

Показатели смертности в зависимости от пола и возраста говорят о том, что % смертности ниже у женщин, чем у мужчин в любом возрасте. Следовательно, средняя продолжительность жизни женщины на 3½ года больше, чем мужчины. Смерть от внешних причин, например, несчастные случаи на работе, происходит у мужчин чаще, чем у женщин, т. к. мужчины, главным образом, работают в местах, связанных с опасностями для жизни.

Таблица смертности на 1969 год показывает, что 2/3 людей живут свыше 70 лет, а около половины из них живут свыше 75 лет. Средняя продолжительность жизни евреев в Израиле повысилась в период от 1949 года по 1969 год с 65,2 до 69,5 для мужчин и с 67,9 до 73,3 для женщин.

Таблица 3

Ожидаемая продолжительность жизни по группам населения, возрасту и полу (средние показатели на 1967—1969).

Возраст	Евреи		Не-евреи	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0	69.0	73.4	68.6	71.2
5	66.8	70.0	67.4	70.2
35	38.6	40.8	39.7	41.6
40	33.9	36.0	35.0	37.0
45	29.4	31.3	30.6	32.3
50	25.0	26.8	26.3	27.9
55	20.8	22.4	22.3	23.8
60	16.9	18.4	18.7	20.0
65	13.5	14.6	15.6	16.6
70	10.6	11.4	12.6	12.5
75	8.2	8.6	10.6	10.2

Сильно сократилась детская смертность.

Во время массовой иммиграции сразу же после объявления независимости Израиля, детская смертность возросла с 29,1 на 1000 рождений в 1947 году до рекордной цифры 51,7 на тысячу рождений в 1949 году. В течение пяти последующих лет удалось снизить эту цифру на 3,41, а на 1969 год смертность составляла 19,0, т. е. снижение на 63% за 22 года.

Самое большое снижение смертности наблюдалось у еврейских детей в возрасте от одного до одиннадцати месяцев. Смертность среди новорожденных до одного месяца снизилась до 40% в период между 1949 и 1969 годами, а у детей в возрасте от одного до одиннадцати месяцев она снизилась на 80%.

Все данные говорят о том, что состояние здоровья населения Израиля хорошее, и это, в первую очередь, обусловлено хорошей постановкой работы в органах здравоохранения, основы работы которых были заложены еще до провозглашения Государства Израиль.

ИММИГРАНТЫ

В 1969 году был создан новый статус для временных жителей, статус «потенциальных иммигрантов». Министерство Внутренних Дел определяет «потенциального иммигранта» как «человека, имеющего право получить иммиграционную визу в соответствии с Законом о возвращении, 5710—1950 г.г., который желает приехать в Израиль для временного проживания в течение более трех месяцев». Это определение относится также и к туристам, которые заменили

статус туриста статусом потенциального иммигранта. Большинство из них раньше приезжали в Израиль в качестве временных жителей; после обращения в иммиграционные центры абсорбции за помощью в устройстве в Израиле, они регистрировались Еврейским Агентством и учитывались в качестве иммигрантов.

Новый статус «потенциального иммигранта» был создан для того, чтобы дать возможность евреям, которые еще не решили окончательно поселиться в Израиле, получить социальную помощь в устройстве, освобождении от уплаты налогов и т. д.

В 1970 году число иммигрирующих в Израиль достигло 37.900 человек (из них 22.500 иммигрантов и 15.400 потенциальных иммигрантов), по сравнению с 38.100 в 1969 году (24.900 иммигрантов и 13.200 потенциальных иммигрантов).

За три последних месяца 1970 года, число иммигрантов составляло 9,700 человек (5,900 иммигрантов и 3,800 потенциальных иммигрантов), по сравнению с 10,500 за тот же период 1969 года и с 12.000 в течение третьего квартала 1970 года.

Число иммигрантов (исключая потенциальных иммигрантов) в 1969 году было на 20% выше чем в 1968 году и на 72% выше, чем в 1967 году.

Состав иммигрантов по странам прежнего проживания был следующим: в 1969 г. 14% прибыли из Азии и Африки, 30% из Европы и 56% из Америки. 23% иммигрантов и потенциальных иммигрантов, которые прибыли из Европы, родились в Азии и Африке; 21% тех, кто

приехал из Америки, родились в Европе.

15% всех иммигрантов и 38% потенциальных иммигрантов были в возрасте от 18 до 24 лет. Средний возраст всех иммигрантов и потенциальных иммигрантов был 24 года.

34% всех иммигрантов были холостяками по сравнению с 40% в 1968 году. 55% из них были женаты, 51% в 1968 году. Из иммигрантов мужчин в возрасте от 30 до 44 лет, 14% были холостяками; среди потенциальных иммигрантов соответствующая цифра была 26%. Среди женщин той же возрастной группы, 11% среди иммигрантов и 21% среди потенциальных иммигрантов были незамужними. Среди потенциальных иммигрантов, 59% были холостяками и 36% были женаты.

21% иммигрантов, которые прибыли в 1969 году были одиночками, 17% — в 1968 году и 18% — в 1967 году. Среди потенциальных иммигрантов 60% были одиночками.

Средний состав семьи, за исключением одиночек, среди иммигрантов был 9,1 человек в 1968 году и 3,6 человек в 1969 году. Среди иммигрантов из Азии и Африки средний состав семьи был 4,1 и 3,0 — среди выходцев из Европы и Америки (в 1968 г. средняя семья из Европы состояла из 4,5 человек, из Америки — из 3,0 человек), 57% всех иммигрантских семей в 1969 году имели в своем составе 2 или 3 человека, 50% — 1968 году. 27% семей состояли из 4—5 членов и 13% — из 6 и более членов. Среди потенциальных иммигрантов, 70% семей состояло из 2—3 человек, 24% — из 4—5 и

6% — из 6 и более человек. Средняя семья среди потенциальных иммигрантов (не включая одиночек) состояла из 3,0 человек; с включением одиночек — из 1,4 человек.

Среди иммигрантов 24% всех лиц, имеющих профессию, были или людьми свободных профессий или инженерами, по сравнению с 19% в 1968 году. В 1969 году, 11% людей этой группы были выходцами из Азии и Африки, 31% из Европы и 37% из Америки. Среди потенциальных иммигрантов, 57% были либо инженерами, либо лицами свободных профессий.

Почти 1,400,000 иммигрантов прибыли в Израиль между провозглашением Государства и концом 1970 года; за предыдущие 30 лет британского мандата прибыло 480.000 иммигрантов.

Почти 55% иммигрантов прибыли в 1948—1970 годах из Азии и Африки, а 45% из Европы и Америки. В результате этого процесса в 1969 году число евреев проживающих в Израиле увеличилось на 18%, в 1948 году — на 6%. Процент всех евреев, которые живут в Израиле, будет неуклонно повышаться, даже без учета иммиграции, благодаря двум факторам. Прежде всего, процент естественного прироста в Израиле выше, чем в еврейских общинах диаспоры, даже если он и понизился за последние годы. Во-вторых, евреям в диаспоре угрожает ассимиляция, благодаря смешанным бракам и адаптации к культуре не-еврейской окружающей среды. Этих опасностей в Израиле нет. Вследствие этого, то, что Израиль не привлекает евреев или, что еврейские общины не

Таблица 4

Еврейские иммигранты по периодам иммиграции 1948—1970 г.г.

Период	Число иммигрантов	Средний ежегодный показатель	Число иммигрантов на 1000 жителей.
1951	686,748	189,600	170,3
1952—54	54,065	18,000	12,3
1955—57	164,936	55,000	33,6
1958—60	75,487	25,200	13,7
1961—64	228,046	57,000	27,5
1965—69	111,237	23,800	10,1
1970	37,900	37,900	14,8

посылают их сюда, является потерей не только для Государства Израиль, но, в конечном счете, для всего еврейского народа.

Небольшая часть иммигрантов предпочитает приехать сначала в качестве туристов, чтобы изучить условия здесь и возможности переселения, и только после этого они решают остаться. В последние годы, число туристов решивших поселиться в Израиле возросло. Эти туристы, которые стали постоянными жителями страны, приезжают, главным образом из стран, говорящих на английском языке (США, Англия и Южная Америка) и из Франции.

Среди туристов, которые здесь поселились, процент пожилых людей был выше, чем среди иммигрантов. Средняя величина

семьи была меньше и в их составе было много людей со специальностью.

Если за критерий удачной интеграции иммигрантов принять трудоустроенность, то можно сделать вывод, что все иммигранты были абсорбированы, т. е. безработица в Израиле минимальная. В 1969 году менее 5% трудоспособных людей были безработными. Это нормальное положение, по сравнению с европейскими странами, которые имеют свободную экономику. В связи с этим следует добавить, что иммиграция в Израиль не выборочная, исходя из физических возможностей иммигрантов и что большинство иммигрантов приезжает сюда, не имея собственных средств.

УЛОВКИ ПАЛЕСТИНЦЕВ

(Фигаро, 26 сентября 1972 г.).

Весь мир согласен со следующим (и в этом отношении мнения Тьерри Мольнье, Раймонда Арона и генерала Бофра совпадают со взглядами президента республики): кроме террористических актов, которые осуждены, существуют также и проблема палестинских беженцев. И от ее решения зависит мир на Ближнем Востоке.

Но, как верно заметил Тьерри Мольнье, за последние двадцать пять лет появились миллионы других беженцев, которые отнюдь не считали себя вправе террористическими актами нарушать спокойствие в мире. Миллион французов должен был оставить в Северной Африке свои жилища, имущество, нередко весьма значительное, и могилы своих родных. Западная Германия интегрировала без всякой шумихи 11 миллионов беженцев с Востока, в то время как Израиль принял уцелевших узников Аушвица и Берген-Бельзена, а затем и большую часть из 800 тысяч евреев, вынужденных бежать из арабских стран.

Так почему же арабский мир, столь склонный похвалиться своей солидарностью, не сумел разместить на своих гигантских территориях 600 тысяч беженцев 1948 года (в 1967 году их число возросло до 1.344.576 человек).

В 1951—54 г.г. ООН выделила в распоряжение Комитета помощи беженцам 200 миллионов долларов для того, чтобы под-

нять экономику в арабских странах и помочь им тем самым разместить беженцев. Но Египет, Сирия и Ливан отказались от интеграции беженцев, навязали им праздную жизнь в лагерях, находящихся под контролем Комитета помощи беженцам, который обеспечил их самым необходимым довольствием, санитарными службами и школами. В течение 25 лет эти лагеря использовались арабскими государствами для раздувания антиизраильских очагов ненависти и агрессии на Ближнем Востоке. Одновременно эти страны отталкивали все предложения Израиля гуманно разрешить существующую проблему.

К этой мистификации, целью которой было возложить на Израиль всю ответственность за бесчеловечное содержание палестинских беженцев, прибавляется и попытка провести параллель между «сопротивлением» палестинцев и сопротивлением французов восставших против немецких оккупантов.

К сожалению, при этом забывают лишь о том, что если и есть на земле место, по праву принадлежащее евреям, это именно Иудея, которая носит их имя.

Евреи находились на этой земле задолго до нашествия арабов, захвативших Палестину в 637 году без всякого иного права, кроме права силы. До этого Палестина была небольшой про-

винцией Римской империи и Византии. Но ведь и Рим пришел на смену другим завоевателям — одним с Запада и Севера, из Антиохии, Вавилонии и Дамаска, другим — с Востока, из Египта фараонов и Птолемеев. Таким образом единственным периодом в истории, когда Иерусалим был столицей независимого еврейского государства был тот период, когда израильские цари — от Давида до Маккавеев, царствовали в Палестине.

Но даже побежденный, и в большинстве своем приговоренный к изгнанию еврейский народ на протяжении 4 тысячелетий не прекращал существовать на земле своих предков — Авраама, Исаака и Иакова, могилы которых по сей день находятся в Хевроне, как впрочем и могила царя Давида на Сионе.

В 1884 году, еще до возникновения герцелевской идеи сионизма, население Иерусалима насчитывало 7.120 евреев наряду с 5.000 мусульман и 3.390 христиан. Впрочем, как мусульмане, так и христиане принадлежали к весьма различным этническим группам — среди них были и турки, и арабы, и сирийцы, и армяне, и копты, и финикийцы, и римляне. Но при всем мозаичном многообразии соперничающих здесь общин, они ревностно оберегали свою национальную сущность от растворения и ни у кого в то время и мысли не возникало отстаивать свои права мнимой палестинской нации перед лицом турецкого могущества, распространившего в 1520 году свою власть на весь Ближний Восток. Завоевав Восток, турки приняли вероисповедание Ислама, но не восприняли от арабов

ни языка, ни характера, ни обычаев. Они оставались турками. При этом они были крупными феодалами, обладателями основных территорий Палестины и Сирии. Но вместо того, чтобы возделывать земли, они предпочитали продавать обширные пространства целины и болот евреям, которые спаслись от погромов в России и в Польше. Евреи же сделали все возможное, чтобы заставить вновь зацвести все пространства, которые за тысячу лет мусульманской оккупации превратились в пустыни. Вот так и случилось, что в Палестине, 300 лет находившейся под турецким владычеством, умножилось число еврейского населения. В 1887 году и Иерусалиме из 42630 жителей насчитывалось 28 000 евреев, 7560 мусульман и 7070 христиан. В 1905 году, как показывает турецкая статистика, еврейское население в Иерусалиме возросло до 45000, до 12000 в Цфате и до 5500 в Твереи. Со времен Тита и Адриана евреи старались удержаться на этой земле, пока остальные, разбросанные по всему миру, жили лишь надеждой на возвращение: «в будущем году в Иерусалиме!».

Но несмотря на постоянное присутствие евреев в Палестине, несмотря на их историческое право считать Иерусалим своей столицей, несмотря на наличие суверенного государства Израиль, объединившего всех, кто в прошлом был вытеснен благодаря вторжению врагов, в числе которых были и арабы (в 7-м веке), палестинцы фабрикуют документы, в которых содержится немалая доля мистификации.

ОТ БИБЛИИ ДО КАББАЛЫ

(КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНО ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ)

Еврейская культура древности не была колыбелью философской мысли. Как известно, философия зародилась в эллинистической культуре — как в самой Греции, так и в греческих колониях, которые были столь распространены на Ближнем Востоке во второй половине первого тысячелетия до христианской эры. Некоторые современные исследователи, принимая во внимание, что первое культурное соприкосновение между ионическими племенами Ближнего Востока и семитскими народностями, в том числе и евреями, произошло в пятом или уже в шестом веке до христианской эры, даже в гомеровской Одиссее находят косвенные свидетельства о взаимном влиянии такого рода. Они не исключают возможности, что первые эллинские философы до-сократовского периода могли иметь понятие и в некоторой степени восприняли дошедшие до них отголоски

Единственные законы, к соблюдению которых они могли бы призывать, это те законы, которые содержатся в Декларации прав человека и гражданина. Однако призывать к соблюдению этих законов могут лишь те, кто готов уважать их даже тогда, когда они приносят пользу и всем остальным, включая евреев.

более древних, и в то же время более богатых культур, таких как Египетская, Месопотамская, Персидская, а также Израильская.

Даже если это предположение верно, нет никакого сомнения в том, что систематически изложенные путем логических рассуждений системы мышления не были достоянием вышеупомянутых культур.

Величайший памятник еврейской культуры древности — Библия, не содержит элементов такой логической или рационалистической системы, во всяком случае постольку, поскольку ее тексты относятся к периоду, предшествовавшему завоеваниям Александра Македонского.

Библейский стиль основан главным образом, на афоризмах, на образных выражениях, поэтических гиперболах или патетических проповедах. С другой стороны, в ней имеются повествовательные тексты исторической летописи. Пытливость человеческого ума, его вечное стремление к познанию истины о самом бытии человека и обо всем, что его окружает, находят и в Библии свое отражение путем логических умозаключений, в форме глубокомысленных изречений, размышлений и наставлений, но всему этому ставится предел в виде аксиоматического постулата: неоспоримой

веры в Бога, в единого, всемогущего, ничем не ограниченного, всеведущего Бога, воле которого беспрекословно и безоговорочно подчинен весь мир. Эта концепция Бога является самым оригинальным творением еврейской культуры на фоне языческой цивилизации, окружавшей Израиль. Ее влияние на формирование европейской культуры начинается лишь в Римскую эпоху. В древне-библейский период она прошла через несколько стадий развития. В процессе кристаллизации и уточнения концепция Бога повлекла за собой формирование добавочных положений, вытекающих из идеи монотеизма. Вот три важнейших из них:

1. Основным полем деятельности Бога является не космос, не физический мир, а человеческая история. Для осуществления божественных идеалов в истории Бог отделил и избрал еврейский народ и возложил на него особую миссию. Поэтому все мироздание является лишь своего рода подмостками для нескончаемой драмы — покорности и мятежа, служения и греха, любви и озлобления, воздаяния и наказания, преданности и отступничества между Богом и его избранным народом.

2. Моральные и социальные устои человеколюбия, любви к ближнему становятся, впервые в человеческой культуре, нормами, обуславливающими закон причинности в истории не только по отношению к индивидуальным личностям, будь то цари, владыки и даже великие пророки, но и к целым народам. Этические принципы возносятся

до степени исторических факторов.

3. Человеческая история строится на теологическом принципе. Стрела времени имеет свою целеустремленность. Динамика человеческого существования направлена на то, что неминуемо наступит царство добра и справедливости во всем мире. Это произойдет тогда, когда Израиль выполнит свою миссию, и все народы мира познают истинного Бога.

Как мы уже сказали, непреложные для библейских авторов истины изложены не в виде философской системы, а в виде откровения, интуитивного восприятия. Однако, в них имеется достаточно интеллектуальных элементов для того, чтобы послужить основой для философских школ. И действительно, при столкновении с эллинистической культурой были сразу же сделаны первые попытки в этом направлении.

* * *

В конце четвертого века до новой эры Александр Македонский завоевал Иудею. К тому времени обе культуры — еврейская и эллинистическая — достигли уже весьма зрелой формы и специфические особенности каждой из них ярко вырисовывались на фоне языческого синкретизма Ближневосточной Азии. Произошло неминуемое столкновение, приведшее к многовековому конфликту между иудаизмом и эллинизмом. Евреи видели в эллинизме не что иное, как одну из многочисленных языческих религий, с их многобожием и идолопоклонством. Ре-

лигия Древней Греции, так же как и всякая другая языческая религия, имела свои особенности, но опять-таки, как всякая другая языческая религия, она в корне отличалась от еврейского монотеизма с его запретом воплощать Бога в картинах и изваяниях и с его мессианской эсхатологией.

Религиозный конфликт превратился в культурный конфликт, а с течением времени и в политический. Поэтому, не признавая никакой языческой культуры, иудаизм отказался признать и греческую философию.

Один из важнейших историков современности израильский ученый Йехезкель Кауфман приводит в своих трудах целый ряд доказательств, основанных на анализе всех языческих культур, свидетельствующих о том, что даже эллинская философия с ее утонченным понятием божества как метафизической силы и ее достижениями в области этики, в основном построена на фундаменте языческой концепции, согласно которой божество или даже единый бог подчинены законам природы и бессильны перед неумолимым роком, предопределяющим судьбу самого божества. Эта концепция, по мнению Кауфмана, непримирима с иудаизмом, согласно которому Бог не только находится вне естественных процессов, но и все эти процессы беспрекословно подчинены его ничем и нигде не ограниченной воле.

Однако, как это не раз бывало в истории человеческой культуры, параллельно культурной борьбе происходил и процесс взаимного влияния. Прежде все-

го, в области литературных форм и методов мышления. Эллиские методы проникли даже в святая святых еврейской культуры. Диалектическая форма изложения в Мишне и Талмуде и система логического обоснования юридических норм, непосредственно или косвенно вытекающих из Моисеева закона, безусловно свидетельствуют о влиянии греческих софистов.

Некоторые исследователи считают, что даже в позднейших книгах самой Библии сказывается влияние стоиков и эпикурейцев в пессимистической философии Экклезиаста и в чувственном гедонизме Песни Песней.

Но самое большое влияние имела греческая философия на культурное творчество еврейства диаспоры, главным образом в Египте.

Первым еврейским мыслителем, сделавшим попытку объяснить сущность иудаизма в соответствии с методами греческой философии был Аристокбуль, во втором веке до христианской эры. Он пытался примирить учение Моисея с греческой философией путем аллегорического толкования библейского текста.

В Египте было также составлено псевдоэпиграфическое сочинение, приписывавшееся царю Соломону. В этой книге, проникнутой твердой уверенностью в победе божественной истины и справедливости, автор обрушивается на язычество. Несмотря на такое содержание и на библейскую форму этого произведения, «Премудрости Соломона» свидетельствует о том, что автор находился под влиянием греческих философских учений

— в особенности стойков и платоников. Изречения, подчеркивающие предсуществование души и ее бессмертие, явно напоминают учение Платона.

Самым выдающимся еврейским мыслителем античного мира был Филон Александрийский, деятельность которого протекала в Александрии в первом столетии новой эры. Филон стремился создать синтез между платонизмом и еврейской религией. Среди его книг имеются труды общего философского характера — о вечности мироздания, о свободе добродетельного человека и т. п., но большая часть его произведений посвящена трактовке Библии. Как Аристотель до него, так и Филон Александрийский прибегает к аллегорическому методу толкования.

Филон считается первым мыслителем, которому удалось в некоторой степени сообразовать платоническую идею вечного и трансцендентного божества с живым, активным и всемогущим Богом, определяющим, по еврейскому мировоззрению, ход еврейской и общечеловеческой истории. Идеологи христианства и последователи неоплатонизма усвоили в последующие поколения теорию, предложенную Филоном, для разрешения проблемы о взаимоотношении между трансцендентным божеством и материальным миром посредством понятия о «логосе», т. е. деятельном божественном разуме, служащем связывающим звеном между Богом и миром. Метафизические воззрения Филона и его этика, в основе которой лежит идея освобождения от какой-либо чувственности, оказы-

вали огромное влияние на развитие философии на протяжении многих столетий.

Философия Филона не нашла продолжателей. Одна из причин заключалась в том, что еврейской эллинизированной диаспоре в Египте не суждено было просуществовать много лет. Поэтому в дальнейшем, взаимоотношения между еврейской религией и эллинистической философией велись через другого посредника: через арабско-мусульманскую культуру.

* * *

Еврейская философская мысль достигла своего расцвета в X, XI и XII веках христианской эры в странах арабского владычества, которое простиралась от багдадского халифата в нынешнем Ираке по всей Северной Африке вплоть до Испании включительно.

Эта эпоха в еврейской истории называется Золотым веком еврейской средневековой культуры. В ту пору культурный симбиоз евреев и арабов достиг своего апогея. Это были годы расцвета мусульманской цивилизации, как материальной, так и духовной. На основы Ислама, а до него христианства, иудаизм имел решающее влияние. Ислам, так же как христианство, считавший себя наследником иудаизма, впитал в ту эпоху также не мало эллинистических элементов, главным образом, в области философской мысли.

Произведения эллинистического периода были переведены на арабский язык и арабские мыслители прилагали огромные

усилия к тому, чтобы примирить догмы мусульманской религии с воззрениями великих философов древней Греции Платона и Аристотеля и их позднейших последователей.

Такой же процесс происходил и в еврейской культуре. Эллинская философия, главным образом в переводе на арабский и при посредстве арабских комментаторов, стала проникать все глубже и глубже в еврейскую религиозную мысль.

Так, например, одно из величайших философских произведений той эпохи принадлежит перу видного еврейского поэта Соломона ибн Габироля. Он родился в двадцатых годах одиннадцатого века в испанском городе Малага. И хотя умер ибн Габироль, не достигнув сорокалетнего возраста, его поэтические произведения принесли ему заслуженную славу и высокую оценку современников. Многие из дошедших до нас его стихотворений и поэм, в особенности поэма Кетер Малхут — Царская корона — являются по сей день образцами классической поэзии на иврите. Однако, его философский трактат Мекор Хаим — Источник жизни — дошел до нас лишь в латинском переводе. Этот труд много веков приписывался перу христианского философа, так как имя ибн Габироля было искажено и писалось по латыни Авицерон. Лишь в девятнадцатом веке было окончательно доказано, что книга, называвшаяся по латыни «Фонс Вите» принадлежит перу великого еврейского поэта Ибн-Габироля.

Философская система Ибн-Габироля базируется на неоплато-

низме, Бог является в ней воплощением идеи добра, истины и красоты, и его общение с миром происходит путем излучения божественной энергии, которая придает сущность всему, что находится в пространстве. По степени насыщения этой энергией, переходящей от высших созданий к низшим, можно определить значимость того или иного предмета в мире.

Однако, в отличие от неоплатонизма, в системе Ибн-Габироля важнейшим стимулом бытия является не само по себе излучение, а божественная воля, придающая смысл и целеустремленность процессам мироздания и человеческой личности, которая не только в состоянии, но и обязана постигнуть сущность этой целеустремленности и сознательно содействовать достижению предначертанных божественной волей целей.

Наряду с попытками к синтезу между иудаизмом и эллинистической философией, знакомство с ней вызывает и противоположную реакцию. Так, например, самый видный и самый известный из еврейских поэтов золотого века Иегуда Галеви, родившийся в 1075 году в Толедо, отрицает возможность такого рода синтеза. Он считает, что не может быть никакого примирения между философией и откровением, и между эллинизмом и иудаизмом.

Иудаизм основан не на логических умозаключениях, а на интуитивном восприятии диалектической динамики бытия, воплощающейся не в законах природы, а в исторических процессах.

В этих процессах на народ

Израиля и на страну Израиля возложена особая миссия, которую Моисей и другие древние пророки выразили в этических нормах, опять-таки путем откровения.

Эллинистическая философия не признает этих процессов и этой миссии. Она стремится найти закономерность всего бытия, где человек является лишь одной из бесчисленных частиц, подчиненных этим законам, и не имеющих никакой возможности повлиять на них или изменить их.

Поэтому иудаизм, верящий в цель и смысл мироздания и в решающую роль поведения человека в ходе истории — должен отвергнуть эту греческую мудрость, украшенную, по словам Иегуды Галеви, лишь цветами, но не дающую плодов.

* * *

Иегуда Галеви изложил свои философские воззрения в весьма оригинальной форме. В те времена в Испании распространялся слух о могущественном Хазарском государстве в Восточной Европе, где царь, придворные и большая часть населения приняли иудейскую религию. Согласно преданию Хазарский царь — или, как его называли, Каган — вызвал представителей трех монотеистических религий — иудаизма, христианства и ислама, и потребовал от каждого из них изложить основы своей веры.

Выслушав раввина, христианского священника и мусульманского муллу, царь убедился в истинности еврейской религии.

Философский труд Иегуды

Галеви называется Гакузари, т. е. Хазар. В нем описаны беседы представителей трех религий с хазарским царем, и философская система автора вложена в уста раввина.

Избранническая миссия еврейского народа, преданность еврейской культуре и горячая любовь к древней родине ярко выражены и в поэтическом творчестве Иегуды Галеви. Его «сиониды», т. е. стихотворения, посвященные Сиону, по сей день захватывают читателя искренностью чувства, тонкостью лиризма, превращающего идеологические воззрения в глубокое личное переживание, изяществом стиля и формы, в границах принятых в те времена поэтических приемов. Мое сердце на востоке — писал Иегуда Галеви, — а я на крайнем западе. Не вкусна мне пища, не сладка мне жизнь пока родная земля далека от меня.

И Иегуда Галеви решил осуществить свою мечту. Он покидает Испанию, в которой родился, где пользовался уважением двора и любовью народа, занимаясь врачебной деятельностью, философией и поэзией. Несмотря на грозившие ему опасности, — ведь это было в эпоху крестовых походов — он отправился в Палестину.

Легенда повествует, что прибыв в Иерусалим и увидев, что на развалинах иудейского храма стоит мусульманская мечеть, он пал ниц и произнес слова одной из своих знаменитых Сионид: «О, Сион, передай привет твоим навеки преданным сынам, пленникам твоего величия».

Проезжавший мимо арабский всадник, увидев еврея, скорбящего о былом величии евреев на

своей родине, метнул в него копье и убил его.

Воззрения Иегуды Галеви, согласно которым не может и не должно быть ничего общего между еврейской религией и эллинистической философией, не имели определяющего влияния на еврейскую философскую мысль средневековья. Напротив, здесь преобладало направление взаимопроникновения, общие идеи и логические конструкции синтетического характера.

Величайшим творческим достижением в этом направлении были труды маститого еврейского философа Моше бен Маймона, известного в христианском мире под именем Маймонид.

* * *

Моше бен Маймонид родился в 1135-ом году в городе Кордове. Скрываясь от преследований мусульманских завоевателей — альмохадов, семья Маймонида странствовала по Испании и Северной Африке. Наконец, Маймонид поселился в Фостате у Каира. Он был выдающимся врачом, раввином — правоведом и мыслителем. Его исключительная личность, огромная эрудиция в еврейском религиозном праве и небывалая широта философской мысли привели к тому, что в последние десятилетия своей жизни он оказался общепризнанным духовным вождем еврейского народа почти во всех странах рассеяния.

Маймонид составил свод законов «Яд Гахазака», разделенный на 14 трактатов, содержащих все установленные до него религиозно-правовые нормы в обширной еврейской юридиче-

ской литературе, начиная от Мишны, и охватывающие почти все области жизни. Свою философскую систему Маймонид изложил в монументальном труде, которому он дал название «Морэ Невухим» — «Путеводитель блуждающих».

Маймонид — убежденный последователь Аристотеля. Со свойственной ему смелостью мысли он не только ставит аристотелевскую философию на один уровень с религией, но в некоторой мере даже предпочитает ее религии. По его мнению, истина едина. Все, что в еврейском Святом Писании преподносится в виде откровения, есть именно то, к чему философская мысль приходит путем умозаключений.

Бог Моисея не что иное, как первичный двигатель Аристотеля. А пророки провозглашали интуитивно те же нравственные устои, которым учит аристотелевская этика. С логической последовательностью Маймонид шаг за шагом доказывает истину своих воззрений, придавая аллегорическое значение многим библейским текстам, и в особенности тому, что якобы указывает на антропоморфизацию бога. Лишь там, где даже его гениальная способность сглаживать противоречия и сочетать порой совершенно противоположные элементы, не в состоянии привести к синтезу идей Аристотеля и Моисеева закона, как например в вопросе о сотворении мира во времени и о свободе воли бога и человека, он разрешает себе отклониться от учения Аристотеля.

Философский труд Маймонида имел огромное влияние не только на еврейскую религиоз-

ную мысль, но и на христианскую схоластику в последующие века.

Бог является не только первичным двигателем аристотелевской физики и метафизики, но и воплощением совершенства, как моральных качеств, так и этических принципов. Поэтому, создав вселенную и законы, в согласии с которыми мироздание существует, он не только предусмотрел план общей целеустремленности для всех на свете существ, но для высших существ он установил еще и частную целеустремленность, особое предназначение отдельной личности. Таким высшим существом является человек. Каждый человек имеет как бы особый замкнутый круг личной цели, хотя в общем этот круг представляет собой лишь одну из составных целей динамической диалектики всей вселенной.

И здесь Маймонид верен аристотелевскому понятию имманентного процесса движения, при котором все сущее в мире стремится проявить заложенные в нем потенциальные возможности и достичь совершенства. Для человека совершенство означает разумное познание Бога. А разумное познание Бога может быть выражено в сфере человеческого общества не только в созерцании и понимании этого наилучшего воплощения идей добра и высших этических норм, но и в стремлении уподобиться ему хотя бы в тех границах, которые человеку доступны. Этими границами опять-таки является человеческое общество.

Для Маймонида вся разветвленная система еврейского ре-

лигиозного законодательства, заменявшего еврейскому народу в рассеянии территорию и государственный строй, система, которой он сам посвятил столько времени и труда, является не самоцелью, а только лишь средством.

Единственная цель всех предписаний еврейского законоучения, касающихся религиозных обрядов и поведения людей — это создание совершенного общества, в котором человек, путем философского умозерцания мог бы познать идею Бога, уподобится ему в этическом смысле, и, таким образом, достичь совершенства и бессмертия.

Даже мессианскую идею Маймонид принимает лишь с этой точки зрения, и само по себе пришествие Мессии не влечет за собой, по его мнению, искупления грехов человеческого рода, а означает лишь наступление периода, когда такое идеальное общество станет реальной действительностью при возрождении еврейской государственности. Не царствие Божье наступит в мессианские времена, а лишь такой общественный строй, при котором человеческой личности будет предоставлена возможность беспрепятственно совершенствоваться.

Моисей Маймонид умер в 1204-ом году в расцвете своей славы среди всех евреев мира и в высшей степени уважаемый и почитаемый в мусульманской среде. Он вошел в историю как величайший еврейский философ, один из виднейших духовных руководителей еврейского народа и, в частности, испанского еврейства.

Однако, его рациональный подход к вопросам религии и его смелая интерпретация многих, веками освященных понятий, вызвала сразу же после его смерти недовольство многих ортодоксальных раввинов, и несмотря на его огромный авторитет законоучителя, философская система Маймонида не только оспаривалась, но и вызвала весьма ожесточенную полемику, вылившуюся впоследствии в духовно-культурную борьбу, которая продолжалась несколько поколений.

К тому времени, то-есть в конце тринадцатого и начале четырнадцатого столетия в Испании появляется новое мистическо-религиозное движение, получившее название Каббала. Каббала — прямая противоположность рационалистической философии Маймонида.

* * *

Каббалистическое учение изложено в книге Зогар (Сияние), написанной, по-видимому, в семидесятых годах тринадцатого столетия в Испании. Но книга эта приписывалась автором одному из еврейских мудрецов, живших в Палестине во втором веке христианской эры Равби Шимеону Бар Йохайю.

«Зогар» является в некоторой степени комментарием к Библии, и в особенности к Пятикнижью, в котором автор книги находит скрытый, тайный смысл. Этот смысл в состоянии познать только избранные люди. Одним из таких людей, по словам Каббалы, были Шимеон Бар Йохай. Раскрыв тайны свя-

щенного писания, он запечатлел их в «Зогаре».

В Каббале совершена попытка в какой-то мере соединить три субстанции, которые в еврейской, как и во всех религиях, соприкасаются друг с другом, но пребывают каждая в особой плоскости: природа, человек и Бог. Поэтому Каббала — это единственное течение в еврейской религии, приближающееся к пантеизму.

Первичное «ничто» как бы порождает десять божественных сфер, расположенных в иерархическом порядке. Сотворение и существование мира совершается путем эманации божественного величия от высших сфер к низшим и от низших к самому миру.

Таким образом весь мир проникнут божественной сущностью, а душа человека сама по себе частица Божьего бытия.

Каббалистический мистицизм, как наиболее близкое к пантеизму течение в еврейской философской мысли, совершенно по-новому трактовал проблему зла, ископав веков волновавшую человеческий интеллект.

В монотеистических религиях зло часто казалось совершенно несоместимым с неограниченной властью всемогущего Бога, являющегося символом и воплощением добра. Традиционное разрешение этого вопроса в еврейской, а затем и христианской религиях, объясняет возникновение зла грехопадением. Зло — это продукт греховности человеческого рода, а страдания Израиля и его изгнание из родной страны — это наказание за непослушание, за невыполнение божественных заветов. Если опустить некоторые незначи-

тельные отклонения мифологического характера, происшедшие под влиянием язычества, зло было психологически-социальным или нравственно-этическим понятием.

Оно всегда считалось силой, ареной действия которой было человеческое общество. Каббала же рассматривает зло как метафизическую сущность. Согласно этому учению, зло — результат расстройств в божественном порядке вещей, своего рода перебой в творческом процессе существования вселенной.

До изгнания евреев из Испании Каббала была достоянием немногих, склонных к мистицизму, ученых.

В 1492 году евреи были изгнаны из Испании фанатической королевской четой Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской под давлением великого инквизитора Торквемадо. Испания была на протяжении многих столетий важнейшим центром еврейства в рассеянии. Даже после ее завоевания христианскими королями, ревностными приверженцами католицизма, евреи продолжали играть ведущую роль в развитии культуры, науки и финансового хозяйства. Многие евреи занимали важные посты при дворах христианских королей, и даже при дворе самого Фердинанда. Одним из влиятельнейших сановников был еврейский теолог и философ Дон Ицхак Абарбанель, которому король и королева предложили принять христианство, чтобы избежать участи своих братьев и остаться при дворе, столь нуждавшемся в его услугах.

Ицхак Абарбанель с негодованием отверг королевское предложение, так же как и тысячи его собратьев, предпочитавших изгнание измене своему народу, верность которому в те времена могла быть выражена только в форме преданности своей религии. Сотни тысяч евреев снялись с насиженных мест и отправились в изгнание.

Изгнание евреев из Испании было страшным потрясением для еврейства всего мира. Многие стали искать утешения в мистических учениях и в религиозных течениях, утверждавших, что страдания изгнанников являются звеном, а может и последним звеном, — в цепи испытаний, посланных еврейскому народу для того, чтобы ускорить пришествие Великого Искупителя, Мессии—того, кто водворит мир и справедливость на земле и возродит былое величие еврейского народа.

В этот период Каббала с ее мистико-метафизической интерпретацией зла стала все более распространяться в еврействе. Массы искали оправдания своим страданиям вне концепции самообвинения и греховности человеческого существования. Каббала в некоторой степени давала ответ на их вопросы, в особенности с тех пор, как в нее был вложен новый смысл и она получила новое содержание, связанное с необыкновенным полетом мысли и в то же время с небывалым взлетом человеческой фантазии, в результате деятельности одной из самых выдающихся личностей в истории еврейской религиозной мысли Ицхака Лурье Ашкенази, прозванного сокращенно Гаари,

Гаари на иврите лев. И действительно сокращение это было сделано недаром. Подобно тому как лев считается царем зверей, Гаари считался в свое время царем каббалистов и мистиков, создавших в пятнадцатом и шестнадцатом веках новый духовный и культурный центр в одном из средневековых городов страны Израиля — Цефате.

* * *

Гаари родился в 1534 году и умер во время эпидемии чумы, разразившейся в 1572 году. Он прожил всего 38 лет. Но за свою короткую жизнь он обрел славу не только святой безупречной личности, но и одного из религиозных вождей еврейского народа.

Гаари не оставил после себя никаких письменных памятников, кроме нескольких религиозных гимнов. Он проповедывал свое ученье в узком кругу учеников и последователей, которые так же как и их учитель, считали, что широкие массы не в состоянии воспринять сложность этого учения и проникнуть в его глубины. Основы мистического мировоззрения и каббалистической доктрины Гаари были изложены после его смерти в произведениях одного из его учеников Хаима Виталья. Однако, наперекор стремлению Гаари ограничить свое учение замкнутым кругом избранных, именно оно получило распространение среди широких масс и даже приобрело название «практической каббалы», т. к. в глазах народа оно указывало на реальные пути к спасению и избавлению, Гаари звел в каббалистиче-

ское ученье три новых понятия:

«Цимцум», «Шевират Келим» и «Тикун».

Цимцум — это космологическое понятие. Слово это на иврите означает «сокращение». В свое время божественное начало занимало все пространство вселенной. Для того, чтобы создать материальный мир, а также мир, предшествовавший материальному, согласно каббалистическому учению начало это должно было добровольно сократиться, и освободить место своему же творению. Но цимцум — не только физическое сокращение. Это также умаление, снижение мощности божественного потенциала, некое добровольное ограничение самого себя. Таким образом, само по себе сотворение мира является как бы компромиссом между беспредельным идеальным божественным бытием и несовершенным миром.

Уже в нем самом имеется элемент ущемления абсолютного добра, т. е. зародыш зла. Однако, благодаря тому, что в освобожденное после цимцума пространство и в сотворенный и помещенный в него мир проникает излучаемая Богом эманация добра и света (понятия, которые в те времена не только метафорически, но и буквально считались тождественными), новосозданный свет при всем своем относительном несовершенстве все еще был царством добра, пока не произошла страшная катастрофа — шевират келим — ломка сосудов. Сосуды, через которые излучаемый Богом свет проникал в мир, не выдержали напора этого света и разбились.

Божественный свет расколл-

ся на множество искр и рассыпался во все стороны, не дойдя до своего назначения. С тех пор в мир проникла тьма, а тьма — это зло.

Но власть зла лишь временна в мире. Цель мира — это царство добра. И эта цель будет достигнута путем «тикуна», исправления. Исправление изуродованного ломкой сосудов мира — такова задача человека.

Праведными поступками, добрыми деяниями, примерным поведением, а также соблюдая божественные законы, человек сможет собрать рассыпанные искры света и вложить их туда, куда они были предназначены.

Так учение Гаари приводит к материализации основную идею иудаизма — мессианство, и переносит ее из общественно-исторического плана в космическо-метафизический. Согласно этому учению, еврейская история представляет собой отражение только что описанных космических процессов.

Изгнание с родной земли и разрушение Храма соответствуют ломке сосудов.

Рассеяние и сопряженные с ним мытарства и испытания — являются отображением рассыпавшихся во тьме искр божественного света. Итак, не грехи, а космические процессы привели к изгнанию. Но народ может и должен повлиять на эти космические процессы. И тогда начнется исправление мира и искупление грехов человека.

Учение Гаари оказало огромное влияние на духовное развитие евреев в последующие века.

Сознание того, что каждый еврей может своими поступками и поведением повлиять на кос-

мические процессы, исправить то, что было искажено, приблизить пришествие Мессии и торжество добра, придавало новый смысл не только еврейской истории, отражающей, как уже было сказано, космические процессы, но и жизни каждого еврея.

Практическая Каббала послужила стимулом к утопическим мессианским движениям вроде саббатизма, пытавшимся ускорить процесс исправления и искупления, а также мистическим путем вернуть евреев на родину и освободить мир от власти зла.

С другой стороны Каббала послужила основой для хасидизма, нового религиозно-социального течения, охватившего широкие еврейские массы в Восточной Европе.

Утопические мессианские течения оказались предвестниками национально-освободительного движения, которое перевело мистические понятия на язык реальной действительности, а хасидизм обогатил еврейскую литературу и искусство, поднял значение и авторитет низших слоев еврейского общества и вдохновил таких маститых писателей как Перец, Бердичевский, Бубер и другие.

* * *

В 18-ом веке начинается новая эпоха в истории еврейского народа — эпоха просвещения. Евреи начинают приобщаться в обще-европейской культуре. С тех пор еврейская философская мысль становится интегральной частью европейской философской мысли. Еще до того в Голландии жил и творил еврей Ба-

рух Спиноза — один из величайших европейских философов, который в одинаковой степени изучал Декарта и Маймонида, и на которого Библия оказала не меньшее влияние, чем геометрия Евклида. Можно многое сказать о влиянии иудаизма на Спинозу.

Отец еврейского просвещения Мозес Мендельсон был в одинаковой степени как еврейским, так и немецким философом.

Многие считают, что марксизм, с его диалектикой исторических процессов, верой в неиз-

бежное наступление такой эпохи, когда человечество построит совершенное общество, также включает немало элементов еврейской идеи мессианства, но историческая миссия отнята у еврейского народа и возложена на мировой пролетариат. В наш век Альберт Эйнштейн неоднократно заявлял, что его мировоззрение и поиски единой теории, объясняющей сущность мироздания, являются в значительной степени результатом его еврейского монистического восприятия мира.

ЭЛИЭЗЕР ЛИВНЕ

СМЫСЛ СИОНИЗМА В ИЗРАИЛЕ

Еврейское общество Израиля является результатом «возвращения в Сион» и «собрания рассеянных». На этой основе оно возникло и ради этого продолжает существовать. Только наличие актуальных сионистских целей и борьба за их осуществление могут возложить на это общество историческую ответственность и объединить его. Оно не в силах создать иную идею, которая могла бы заменить идеалы сионизма. Без доминирующей сионистской деятельности и борьбы за претворение в жизнь идеи сионизма одни лишь достижения, характерные для западного мира, не в состоянии превратить еврейское население страны в общество, наделенное общенациональными полномочиями и придать смысл его существованию. Говоря о дости-

жениях западных стран, мы имеем в виду как относительное экономическое равенство и высокий уровень образования (что, разумеется, желательно), так и чрезвычайно быстро растущий уровень жизни и социальную помощь, не обусловленную никакими самостоятельными усилиями (явления более сомнительной ценности).

Что же это за сионистская деятельность, при отсутствии которой наше общество превращается в беспорядочную толпу, сборище неорганизованных индивидов, влекомых своими страстями и мимолетными прихотями?

К этой деятельности мы относим:

Алию (репатриацию), ее стимулирование и абсорбцию посредством приспособления к ней израильского общества.

Халуцианство, базирующееся на притоке новых репатриантов и на молодежи страны.

Поселенческое движение во всех районах страны, в соответствии с характером местности и уровнем постоянно изменяющейся техники.

Безопасность страны и ее населения.

Возвращение к национальной культуре — восстановление звеньев культурной традиции, утраченных в период эмансипации и ассимиляции.

В различные периоды та или иная из перечисленных сфер деятельности может преобладать, но они всегда дополняют друг друга и могут успешно развиваться только совместно. Так, например, большая алия не абсорбируется без халуцианского и поселенческого движения; равным образом напряженность оборонной ситуации страны не будет понята без осмысления специфических особенностей исторических судеб и культуры еврейского народа.

* * *

Мы находимся сейчас в начале решающего периода «собира-ния» евреев рассеяния, — решающего как с демографической, так и с политической точек зрения. Предстоящая алия превысит по своим размерам все известное нам до настоящего времени и обеспечит реальное существование государства, а также принятие этого факта нашими соседями.

Прибывающие в страну евреи Советского Союза — это те евреи, которые пережили и помнят катастрофу еврейства во второй

мировой войне. Если мы не затрудним их репатриацию, то все они окажутся в нашей стране заблаговременно, до того, как новая смертельная угроза нависнет над ними в диаспоре.

Евреи Соединенных Штатов Америки не смогут в течение длительного времени игнорировать изменившееся к ним отношение американского общества и признаки растущей враждебности негритянского населения. Наиболее чувствительные из них уже ощущают «подземные толчки». Последняя повесть Бернарда Маламуда «Жильцы» (1972) является грозным предупреждением о надвигающейся беде. Еще до того, как алия из Советского Союза достигнет своей кульминации, алия из США превзойдет все ожидания американских сионистов. Готовы ли мы к этому? До сих пор старожилы («ватиким») Израиля прямо и косвенно пользовались средствами, которые текли в страну для нужд абсорбции олим; другим источником повышения их благосостояния был быстрый рост экономики. Старожилам не было надобности приноравливаться к бремени алии. Напротив, они использовали ее, чтобы быстро подниматься по иерархической лестнице в руководстве экономикой, общественной жизнью, а также в государственном управлении, причем вовсе не в соответствии с их способностями и квалификацией. И чем старше данный слой израильтян — старожилы, тем больше степень использования им алии и предназначенных для нее средств. Лишь самые отстающие среди ватиким ее поднимались на гребне этой волны успеха. Но сейчас уже невоз-

можно абсорбция такой большой и деятельной алии, какую мы ожидаем, без изменений в современной общественной структуре и духовных ценностях израильского общества. Проникнутое утилитаризмом и привыкшее к непомерному потреблению общество не подготовлено — ни материально, ни морально — к абсорбции большой алии. Более того, оно может оказать пагубное влияние на репатриантов, которые, не приспособившись в водвороте «умеющих устраиваться израильтян», образуют многочисленную массу реэмигрантов. Экономическая абсорбция большой алии невозможна в существующих населенных пунктах. Без новых поселений — городских, сельскохозяйственных или смешанного типа — с новаторскими в техническом и общественном отношениях предприятиями, существующие пути абсорбции закроются. Олим натолкнутся на барьеры, воздвигнутые старожилами. И чем выше будут знания и квалификация олим, чем усерднее и энергичнее они будут, тем больше будут и препятствия. Признаки такого отношения к олим из Советского Союза можно наблюдать в последнее время.

Но проблема заключается не только в экономической абсорбции. В приморской полосе страны, где сосредоточено большинство городов страны, нарушено равновесие между населением и окружающей средой. Даже по понятиям планирования прежних лет, когда предусматривалась умеренная алия, такому большому городу, как Тель-Авив, угрожает опасность в течение десяти лет достигнуть плотности

населения, в два раза превышающей плотность населения самых густонаселенных городов США. А это, в свою очередь, повлечет за собой: загрязнение воды и воздуха, истощение почвы и упадок сельского хозяйства; оглушающий шум, отрицательно сказывающийся на слухе и нервной системе; насилие и преступность, физические недуги и психические заболевания; конфликты между людьми и напряженные общественные отношения. Это губительные для общества явления, приводящие в конечном счете к загниванию или взрыву. Но еще задолго до того, как эти процессы достигнут крайних пределов, такое урбанистическое общество в духовном и социальном отношениях будет уже не в состоянии абсорбировать алию. Олим не смогут (а лучшие из них даже не захотят) раствориться в таком обществе.

* * *

Каждая волна алии, которая прибывала в Израиль, осваивала в стране новые земли. Без халуцианства и поселения на новых землях укоренение олим не могло быть полным. Пионеры поселенцы подготавливали условия для устройства остальных. Это относится не только к первой, второй и третьей алиям, но и к алии из центральной Европы в 30-е годы. Олим из центральной Европы не только присоединялись к уже существующим кибуцам и мошавам, но и основывали свои деревни в городах, изменив тем самым карту заселения, а также географию экономических и культурных центров страны. Одной из

причин неудач польской алии 20-х годов послужило то обстоятельство, что почти вся она осела в небольшом количестве уже существовавших тогда городов. С другой стороны, алия евреев из стран ислама в пятидесятые-шестидесятые годы внесла свой пионерский вклад в заселение страны, создав сотни сельскохозяйственных поселений и двадцать городов и поселков. Благодаря этому алия из мусульманских стран полностью абсорбировалась — в общественном, экономическом и духовном отношениях. Между тем без новых поселений эта алия потерпела бы крах и ослабила бы весь ишув, — как это произошло с польской алией тридцатью годами раньше. Нынешняя русская алия, хотя и достигшая уже десятков тысяч, еще не проявила халуцианства в стране. Поэтому несмотря на ее положительные черты, еще преждевременно утверждать, что она абсорбирована. Это произошло, однако, не по ее вине: от этой алии — впервые в истории современного этапа возвращения в Сион — никто не требовал пионерства и заселения земель.

Оседание олим и старожил в новых районах Израиля не является лишь экономическим и общественным процессом. Халуцианство — экономическое и общественное — является составной частью более многосторонней картины будущего. Каждый из районов страны, который представляет собой как бы самостоятельный мир, вносит свой вклад в формирование национального характера тех, кто возвращается в страну. Теплая и потенциально благодатная Долина Иордана, неплодородные

просторы Негева, высокие горы Голана и Хермона, овеянные атмосферой далекого прошлого Иудея и Самария, озера и богатые рыбой пруды и огромная пустыня, занимающая значительную часть страны и составляющая ее сокровище, — все это трудности и соблазны, которые — каждый по-своему — бросают вызов поселенцам. В тяжелой и упорной борьбе с этими трудностями выковывается и закаляется характер репатриантов. Без того вклада, который вносит каждый район, каждая местность страны в обновление нашего облика, мы были бы неполноценными и вряд ли смогли бы противостоять будущим испытаниям.

Халуцианство, таящееся в сердцах олим, раскрывает характерные черты страны, которые остаются невидимыми для ее жителей — неевреев. Израиль и арабская Палестина — не одно и то же; это две разные страны, несмотря на совпадение их географического местоположения. Эздрелонская долина двадцатых годов, до еврейской колонизации, и та же долина, преобразованная в результате заселения, представляют собой два различных явления. Главное во всем этом то, что пионеры-переселенцы уже тогда воспринимали свою мечту о нынешней долине как реальность. Я могу засвидетельствовать это на основании собственного опыта. Долина Иордана до 1967 года, разрушенная эрозией и иссушенная палящим солнцем, и та же долина, как она вырисовывалась сегодня, — представляет собой уже нечто совершенно иное. То же можно сказать и о большой пу-

стине, в которую входит Негев и Синайский полуостров. Ее богатства обнаруживаются в результате труда поселенцев-пионеров. Будущий облик пустыни был известен еврейской традиции: «Нет ныне деревьев в пустыне, но они будут... нет ныне дорог в пустыне — лишь одни пески; но дороги там будут». (Комментарий «Бемидбар раба», 23). Обильные воды предвидит «Ветхий завет» в пустыне («из пустыни придут дары»). Подлинный, реальный лик Синай раскрывается для нас теперь — от Нахал-Ям и до Офиры — десятками ученых и сотнями специалистов. Экологические причины вынуждают нас осваивать пустыню, и это освоение стало возможным благодаря техническому прогрессу. И не случайно, что Египет оставил эту пустыню бесплодной после 126 лет своего господства над ней, в то время как Израиль, несмотря на политическую нерешительность его правительства, открыл «дары» пустыни.

Не составляет трудностей сформулировать массовые запросы современного западного общества:

* максимально высокий жизненный уровень;

* максимум свободного времени;

* немедленное удовлетворение своих вожделений;

* полное обеспечение индивидуума независимо от его вклада в достояние общества.

Эти устремления стали осуществляться, обретая формы законодательных актов. Они отражают духовный мир, в основе которого лежит стремление достичь «счастья» через удовлетво-

рение потребительских запросов и обеспечить душевное и социальное равновесие путем завоевания новых прав, не обусловленных дополнительными обязанностями. Поэтому вера в этот духовный мир в настоящее время начинает колебаться именно там, где он зародился и сложился. Этот быстро растущий жизненный уровень вызывает чувство неудовлетворенности и отсутствия стабильности. Чрезмерный досуг вызывает внутреннюю неуравновешенность и насилие. Ничем не ограниченное возбуждение инстинктов и страстей вызывает душевные травмы и умножает психические заболевания. Всестороннее социальное обеспечение приводит к тупоумию, общественной и гражданской индифферентности. И чем больше эти достижения становятся всеобщим достоянием, тем больше проявляются в обществе признаки разложения. Таким образом, бремя обязанностей является благодатным сдерживающим фактором как для индивидуума, так и для общества, стремящегося к расширению своих прав. Вместе с тем подлинное осуществление этих прав невозможно без ограничивающих рамок обязанностей, которые дают направление развитию прав и придают им реальный вес и значение. Без обязанностей, увеличивающихся вместе с постоянно растущими правами, последние становятся иллюзорными и представляют собой лишь маскировку для анархии и необузданности.

Пройдет еще много времени, пока новое миропонимание, не ставшее пока еще достоянием масс, изменит утилитарный подход и несдержанный образ жизни

ни. Только испытав ряд бедствий и страданий, примирится западноевропейское и американское общество с необходимостью изменить свой нынешний образ жизни. А цена, которую придется за это заплатить, будет, наверно, очень высока. Правда, западное общество может заплатить эту цену. Опасность, которая угрожает ему извне, не представляется непосредственной, и оно успеет, пройдя процесс разложения, снова регенерироваться еще до того, как атрофируется инстинкт самосохранения и самозащиты. В Израиле положение совсем иное. Если ослабнет его бдительность, моральное единство и самовоздержание, если притупится его чувство безопасности, — то он может быть уничтожен в результате постоянно угрожающих ему ударов внешних врагов. В отличие от европейских стран, Израиль не находится в гомогенной среде дружественных государств. Он не защищен также широкими водными пространствами и мощным экономическим потенциалом (как, например, США). Поэтому Израиль не может себе позволить таких «интермедий» беззаботности и небезуданности, как страны Запада.

«Инфляция» моральных и общественных ценностей и ослабление сдерживающих общество начал наблюдается намного сильнее у молодежи. Публикуемые в прессе интервью со школьниками рисуют преувеличенно отрицательную картину, что объясняется отчасти погоней журналистов за сенсациями и их стремлением эпатировать публику. Естественно, среди молодежи

(и не только молодежи) можно обнаружить вызывающие тревогу тенденции, которые показаны в этих интервью: пренебрежение обязанностями по отношению к народу (отсюда насмешки над сионизмом); равнодушие к проблемам общества (отсюда и безразличие к сложным национальным задачам): пренебрежительное отношение к общественной и личной трудовой собственности (отсюда кражи, совершаемые молодежью из зажиточных семей); нежелание учиться (отсюда уклонение от экзаменов и фальсификация отметок); погоня за наслаждениями (отсюда преждевременные половые отношения среди молодежи); откровенное стремление к внешней роскоши и (в более зрелом возрасте) честолюбие; презрительно-циничное отношение к дружбе и преданности. Сомнительная левизна, которая осуждает заселение новых земель, пренебрегает гражданским долгом несения военной службы, недоброжелательно относится к алии, защищает всяческие изращения, — такая левизна часто служит всему этому прикрытием.

Если эти явления, которые пока еще не являются характерными для большинства молодых людей, распространятся, — будут существенным образом подорваны основы существования израильского общества, начиная с экономической базы и кончая способностью противостоять военной опасности. Общество, где все, за исключением утилитарных стремлений, равноценно, в действительности лишено каких бы то ни было ценностей. Народ, не достойный жертв, сам заранее обречен. В чем причина

таких настроений? Мы видим три источника:

* непонимание сущности израильского общества и долга, который возложен на него исключительностью исторических судеб народа;

* снижение значительности актуальных задач сионизма, к которым молодежь должна приспособить свои личные стремления;

* отсутствие авторитета у воспитателей, которые не знают «для чего воспитывать» и во имя чего поощрять и наказывать. Уже сами понятия поощрения и наказания теряют свой смысл в этой атмосфере.

Опытный и авторитетный директор средней школы сказал однажды интервьюировавшему его корреспонденту газеты «Гаарец»: «Мы не имеем права упрекать молодежь... Она ведет себя так, как мы все... Дайте нам достойную цель, а мы скажем, воспитываем ли мы в направлении достижения этой цели». Если учителя и воспитатели нуждаются в том, чтобы цель воспитания была им подсказана извне, так как не могут найти ее в своей душе, — то воспитание перестает существовать; а это, в свою очередь, сводит на нет и учебу.

* * *

Стоящая перед обществом цель должна быть настолько весомой и значимой, чтобы объединить это общество. Второстепенные задачи, оторванные от главной, решающей цели, не будут в состоянии консолидировать израильское общество и могут даже стать отрицательным фактором.

Это относится, например, к увеличению социальной помощи отсталым и нуждающимся слоям населения. Уже само существование этих отсталых в материальном и культурном отношении слоев противоречит сущности еврейства и несовместимо с понятием единой еврейской нации. Еврейскому народу по возвращении в Сион назначено было стать единым народом. Его заветы распространяются на всех его граждан, и поэтому всем необходимо предоставить равные возможности выполнять их. Улучшение положения малоимущих, отсталых слоев общества не является с точки зрения сионизма делом совести или милосердия. Такой подход к вопросу характерен для христианства. Еврейской идеологии чужд культ слабых и униженных, от которых должно якобы прийти избавление, как это принято в христианстве и его современных революционных («пролетариат»).

Страдания, если они не сочетаются с самоусовершенствованием и прочными моральными устоями — сами по себе не возвышают человека. Недовольство и раздраженность обездоленного не равносильно справедливости, и требования его не могут быть удовлетворены безоговорочно. Еврейской традиции в одинаковой мере чужды как угождение неимущему, так и лезть перед сильным. «Не будь лицепристен к нищему и не угождай лицу великого» (Левит, 19, 15); «Не следуй за большинством... и бедному не потворствуй в тяжбе его» (Исход, 23, 2—3). Сказанное о неимущих и подавно относится к тем, кто выдает себя за их представителей и стремится

этим путем приобрести политическое влияние.

Социальная помощь, не обусловленная постоянными активными усилиями тех, кому эта помощь оказывается, поддержка, не освобождающая поддерживаемого от дальнейшей надобности в ней, — представляет собой весьма сомнительное благодеяние, особенно когда это касается молодежи и людей трудоспособных. Расширение социальной помощи, превращение ее в постоянный фактор, порождает серьезную опасность, — опасность все возрастающей бездеятельности и сковывания духовного развития, которое является источником отсталости во всех других областях. Так складываются паразитические, привыкшие к праздности и вымогательству слои снизу и наряду с этим — надменное безделье и непродуктивные занятия сверху. Потворствование первым имеет целью обеспечить последним возможность беззаботно продолжать свое расточительство, злоупотребления и пустое существование. Социальный эффект успокоения «общественной совести» заключается в поощрении существования обеих крайностей. Экономическое благополучие позволяет это до известной поры, — до тех пор, пока не наступит упадок и обе разновидности паразитизма не распространятся со всеми вытекающими из этого хозяйственными и нравственными последствиями.

Еврейская мысль всегда непримиримо относилась к праздности и не признавала никакой замены труду — притом не толь-

ко по экономическим соображениям. Наши мудрецы говорили: «Праздность ведет к скуке..., к злым помыслам». Или: «Господь не ниспослал своей благодати на народ Израиля, пока он не начал трудиться». Речь здесь идет не только о труде как источнике материальной пользы — благотворность труда в нем самом: «Что будет делать тот, у кого нет занятия? Если есть у него запустелый двор или запустелое поле, — пусть пойдет и займется ими» (Авот де рабби Натан). У нас нет недостатка в запустелых дворах и полях — как частных, так и общественных. Исходя из этого, необходимо в широких размерах проводить мероприятия по социальному развитию и национальному росту.

Какова та деятельность и каковы те общественные преобразования, которые способны — в наших условиях — ликвидировать отсталость, бедность и социальное неравенство? Главный путь к этой цели лежит через пионерскую, халуцианскую работу в самом широком смысле этого понятия. Таковы, в частности, земледельческо-поселенческое движение, достижения Армии Обороны Израиля, работа в области экологии и современной техники. Пионерская общественность в Израиле стала серьезной силой даже в тех случаях, когда она начинает с малого. Примеров тому достаточно. Активная деятельность в общинах, без которой невозможно построение нового общества, способна превратить отсталых в передовых и активизировать общественно пассивных. Помощь в этом случае будет служить сти-

мулом, поощрением к продуктивному труду.

Весьма сомнительно, принесли ли бы нам пользу формы социальной помощи, принятые в Западной Европе и США. В условиях еврейского общества нашей страны они явились бы лишь временным, успокаивающим средством, которое еще более углубляет и увековечивает социальные недуги и общественные противоречия. В израильском обществе любые пособия из общественных фондов не представляют собой консолидирующего фактора. Они являются лишь вспомогательным средством, которое сопутствует более значительному историческому процессу: возрождению еврейского народа путем его воссоединения в Израиле на основе пионерско-поселенческого движения.

* * *

Из вышесказанного вытекает ряд выводов относительно многих областей нашей общественной жизни: просвещения и национального планирования, лесонасаждения и организации репатриации, структуры государственного бюджета и методов социальной помощи. Отметим часть из них:

* Прекращение дополнительного притока населения в районы Долины, в частности в ее города.

* Поселение репатриантов и населения, нуждающегося в государственной помощи (молодожены, малоимущие и т. п.) в необжитых районах и в новых населенных пунктах, разбросанных по всей стране, — даже при условии, что новым поселенцам придется первое время работать вне их местожительства.

* Поощрение поселенческого движения помимо неизбежно ограниченных рамок НАХАЛ. Новые поселения создаются далеко не только для военных надобностей—они сами по себе представляют достойную цель.

* Коренные улучшения в экономике, жилищном строительстве и регулировании капиталовложений предполагают далеко идущие изменения в структуре государственного бюджета. Суммы, исчисляемые миллиардами, должны быть ассигнованы на создание необходимой базы для заселения и экономического развития безлюдных районов. Эти задачи должны найти отражение во всех статьях бюджета, в целевых кредитах и в соответствующих законодательных актах, связанных с этой разветвленной деятельностью.

* * *

Серьезный моральный кризис, охвативший наше общество, проявляется в грубом присвоении и использовании всего, что легко доступно, злоупотреблении общественным достоянием, безудержной и бессмысленной погоне за мелкой наживой, недостатке честности и порядочности и т. п. Было бы, однако, большим преувеличением утверждать (пользуясь словами трактата Сота), что у нашего поколения «собачий облик», т. е., что поколение это совершенно деградировало. В израильском обществе имеется достаточно многочисленный здоровый элемент — продуктивный, творческий, любознательный и с высокой моралью. Это общество способно воспитать и достойное молодое поколение.

ЕВРЕЙСКАЯ СУЩНОСТЬ ВОЗРОЖДЕННОГО ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

В 1902 году в одном из самых уважаемых толстых журналов России «Русское богатство», который редактировали Михайловский и Короленко, выступил еврей, представитель либерального лагеря, Иосиф Бикерман со статьей, озаглавленной так: «О сионизме и по поводу сионизма». Эта статья выражала кредо русского либерализма того времени. По мнению автора статьи, государства не создаются по плану, по теории, в центральных комитетах или в редакциях журналов. Они создаются поколениями людей в течение столетий в результате того, что каждая отдельная личность стремится удовлетворить свои непосредственные нужды. И поэтому сионисты, которые хотят на основе какой-то теории создать свое государство, являются безнадежными утопистами, фантазерами, романтиками, и они никогда и ничего не добьются. Единственное, к чему они могут привести еврейский народ, это к сепаратизму, к отделению от общечеловеческой культуры и прогресса. Если, как писал Бикерман, ассимиляция — это участие в прогрессе человечества, а национализм — отказ от этого участия, то, конечно, следует выбрать первое.

Возникает вопрос: что послужило противоядием против разложения общества? Во-первых, все возрастающие размеры репатриации, в частности из Советского Союза; во-вторых, направляемый и регулируемый государством процесс поселения; в-третьих, напряженность из-за угрожающей стране военной опасности (особое место Армии Оборона Израиля в нашем обществе отражает эту напряженность).

Если бы не было в последние годы большой репатриации из Советского Союза и заселения новых земель и, если бы Армия Оборона Израиля перестала быть доминирующим моральным фактором в нашей обществе, — беззаботность, наглый цинизм и нравственный упадок приобре-

ли бы еще большие размеры. Символом израильского общества стали бы тогда злоупотребления, нарушения законов и пренебрежение моральными ценностями. Это было бы общество, стремящееся к высокому уровню потребления, но не обеспечивающее необходимой для этого производственной базы, — то есть общество, более примитивное, чем общества западных стран (которым оно старается уподобиться).

Из всего этого мы должны сделать выводы о том, что консолидирует наш народ, гарантирует его существование в качестве полноценной нации и наполняет это существование смыслом.

Перевел с иврита
ИЦХАК ЛАПИДОТ.

Интересно, что и до Бикермана многие русские народники и либералы, а после него русские и нерусские либералы или антисемиты утверждали, что еврейское национальное движение по существу своему реакционно, что оно отрывает евреев от решения общечеловеческих задач, приводит к сепаратизму. Обвинение евреев в сепаратизме, а в грубой форме — в тайном еврейском заговоре, существовало с давних пор и существует, обретя особый смысл, и по сей день. Но если мы обратимся к истории еврейского народа, то можно сказать, что действия и стремления евреев в течение столетий и даже тысячелетий были направлены не на отделение и сепаратизм, а на сотрудничество и ассимиляцию. Еще древние еврейские пророки упрекали евреев за то, что они стремятся впитать в себя чужую культуру, поклоняются чужеземным идолам и культам. Мы слышим такие упреки в еврейской национальной литературе на протяжении всего ее существования. Кроме того, еврейская национальная культура создавалась на различных языках, в сферах влияния других цивилизаций и национальных культур, и попытки сотрудничества или синтеза традиционных исконных еврейских принципов с окружающей культурой были одним из самых видных выражений еврейского творчества (например, Филон Александрийский, Маймонид или Моисей Мендельсон). Десятки еврейских писателей и мыслителей писали на греческом, на арабском, на испанском, на немецком, на французском, на английском, на русском языках. Именно евреев трудно упрекнуть в том, что их основное стремление — отделиться от общечеловеческой культуры.

Но, с другой стороны, факт остается фактом: еврей — их основная часть — не ассимилировались ни в национальном, ни в религиозном, ни в культурном планах. Даже те евреи, которые приобрели знание иностранных языков, или, точнее, языков тех народов, среди которых они проживали, и многие из тех евреев, которые творили в культурной сфере стран диаспоры, все же оставались связанными с еврейской культурой, выраженной иногда не на ее основном языке, а в какой-то переводной или опосредствованной форме. В конце-концов, говорить о еврейской культуре, выраженной исключительно на основном языке — трудно: даже Библия не написана только на иврите, в ней есть и арамейские элементы. А язык Талмуда совсем уже не иврит, а диалект, состоящий из арамейского, еврейского и других языков. Поэтому даже то, что называется основой еврейской религии и культуры — это синтез разных культурных влияний.

Возникает вопрос: почему же еврей не ассимилировался с теми народами, в среде которых жили на протяжении столетий? Этот вопрос порождал недоумение, подозрение, ненависть, с одной стороны, а с другой стороны — уважение, восхищение: как это великие цивилизации древности — Египет, Вавилон, Греция, Рим — сошли с исторической арены, а маленький народ евреев — остался. В 19 и 20 века самым рациональным объяснением этой загадки было «чувство самосохранения». Один из виднейших деятелей еврейского национально-освободительного движения Ахад-Гаам считал, что есть коллективное естественное чувство самоохранения, желание продолжать жизнь, и это стремление и сохраняет евреев как нацию.

Но в свое время Достоевский очень справедливо заметил, что стремление к самосохранению было, очевидно, и у других народов и цивилизаций, но им не удалось дотянуть и до половины тех сорока столетий, на протяжении которых существуют евреи. Так что объяснить все только инстинктом самосохранения — это как-то примитивно, во всяком случае необидительно. Достоевский, будучи глубоко религиозным человеком, утверждал, что есть в евреях какая-то тайна, какая-то идея, которая гораздо глубже всех этих плоских рационалистических объяснений, принятых в социологии и истории 19 века.

Отдельное и отличное существование, сохранение национального группового самосознания в течение многих столетий несомненно наложило свой отпечаток на психологию евреев, как этнической, национальной и культурной единицы, с одной стороны, и на отношение других наций и культур к евреям, с другой.

В основном, в человеческом обществе вершиной культуры всегда считались какие-то всеобщие, общечеловеческие, универсальные идеалы. Во имя таких идеалов многие мыслители стремились создать идеальное общество, основанное на принципах морали, культуры и т. д. В действительности, в истории человечества таких идеальных обществ не существовало. Поэтому, когда говорят, что евреи отделяют себя от общечеловеческой культуры, то на практике это не звучит, что евреи действительно откалываются от чего-то всеобщего, потому что хотя бы, что общечеловеческой культуры еще не существует и неизвестно будет ли она вообще когда-либо существовать. Евреи отличают себя от тех конкретных народов, среди которых живут. Значит, отдельное существование евреев — это существование какой-то этнически обособленной группы среди какого-то государства, нации. Но так как в действительности существует пропасть между абстрактными, возвышенными идеалами, о которых говорили величайшие умы человечества, от Платона до Гегеля и Маркса, с одной стороны, и конкретным ходом истории, с другой стороны, то от евреев требовали всегда больше, чем от всех остальных народов. Требовали, потому что могли требовать, потому что евреи жили среди других народов, потому что эти народы считали себя хозяевами или коренным населением, а евреев — гостями, чужеземцами, пришельцами.

Уже в 1859 году один из еврейских «просветителей» («маскилим») Леон Мандельштам писал, что, собственно говоря, от каждого еврея, даже самого примитивного, требуют, чтобы он находился на уровне самых идеальных стремлений и требований данного общества, а в действительной жизни даже самому культурному и талантливому еврею не хотят дать равных прав с обыкновенным средним гражданином этого общества.

Вот эта действительность по отношению к евреям (которая не всегда исходила из злостных побуждений, из желания творить несправедливость по отношению к евреям, а иногда существовала именно потому что на евреях пытались доказать возможность претворения в жизнь универсальных идеалов) и является одной из причин того, что еврейская ассимиляция, иногда принимавшая широкий размах, в конце концов нигде не удалась в серьезных масштабах.

Ассимилировавшихся евреев даже во втором и в третьем поколении попрекали их еврейским происхождением, и сознательные ассимиляторы были очень незначительной группой в еврейском народе. Основная масса евреев оставалась евреями в представлении окружающей среды и потому, желая этого или не желая, также в своем собственном понимании.

С другой стороны, евреи сами помогали такому отношению, потому что, как было сказано выше, многие еврейские мыслители и писатели проявляли склонность к утопизму, стремясь к каким-то возвышенным и практически не осуществимым идеалам. Во всех универсальных движениях, которые ставили перед собой возвышенные цели — в христианстве, в социализме и в ряде других движений — евреи играли значительную роль. Пытались это объяснить по разному. Бер Борохов, один из основоположников социалистического сионизма, будучи еще очень молодым, написал статью об особенностях еврейского ума. По его мнению евреи всегда стремились к схематизму, к обобщенному восприятию явлений, по его терминологии — к «монизму». Это и было причиной их склонности к монотеизму, к социализму, к абстрактной философии и т. д. Но я сомневаюсь, действительно ли эта психологическая особенность еврейского мышления (если она вообще существует, в чем я не уверен) является основной причиной того, что евреи были склонны к различным утопическим идеям и течениям и поэтому участвовали в революционных или радикальных, как религиозных, так и социальных, движениях. В основном, как мне кажется, это больше результат еврейской истории, чем еврейского мышления.

В еврейской истории мессианизм играл очень большую роль, не только теоретическую, идеальную, но и весьма практическую. Мы знаем о целом ряде мессианских движений в еврействе, возникавших спорадически с первого века до нашей эры и вплоть до наших дней. Еврейский мессианизм действительно, как мне кажется, является отличительной чертой евреев как этнической группы или нации. В глубокой древности у евреев наблюдались черты, отличавшие их от других народов.

Сохранились мифы, предания и легенды разных народов. Все эти народы производят себя от очень важного родоначальника, нередко бога или героя, или от царя, или от законодателя, основавшего государство или организовавшего народ. Древность и благородство происхождения характерны для преданий примитивных народов, потому что эти качества давали им чувство значимости и укрепляли их групповое самосознание; они были важным фактором, определявшим историю и действия примитивных народов. С этим связаны, очевидно, и основные мифы большинства народов о том, что когда-то, в глубокой древности существовал идеальный строй, золотой век, и что развитие человеческого общества — это, собственно говоря, какая-то систематическая деградация, от золотого века к серебрянному, медному, глиняному, и, наконец, очень нехорошему нашему веку. Таким был подход самых разных народов. В этом — одно из основных различий между самопониманием евреев и самопониманием других народов.

Евреи не производят себя от важного родоначальника. По преданию, евреи происходят от младшего сына, который обманым путем

приобрел право первородства, принадлежавшее по закону старшему брату. Они происходят от кочевника Авраама, который не имел прав на землю, и который, чтобы похоронить жену, должен был купить за деньги участок для могилы. Они происходят, как группа, от рабов — они были рабами в Египте. И только с помощью вмешательства божественной силы они были избавлены от этого рабства. Это совершенно отличное от других народов восприятие мирового порядка и своего места в нем.

Историки считают поэтому еврейские предания более или менее исторически обоснованными, ибо ни один народ не станет возводить на себе поклеп, выдумывая себе рабскую родословную.

У евреев не было золотого века в прошлом, а было рабство. А мессианский век, справедливое, идеальное общество — оно в будущем. И это стремление к будущему идеальному обществу есть перелом в человеческом самопонимании и основа развития еврейского группового национального самосознания. Будущий идеальный мир — результат действий конкретных людей в каждую эпоху. Каждый человек своими поступками определяет, как скоро наступит это время искупления. Такой подход, который видит в мессианском будущем социальный и национальный идеал, приводит к тому, что люди жертвуют настоящим во имя будущего, и в этом также большая не только психологическая и социальная, но и политическая разница между историей евреев и историей других народов древности.

В древности, когда какой-нибудь народ был побежден, он знал, что это означает: его бог слабее бога победившего народа, и он должен был примириться с этим. Поэтому сильнейший всегда был и самым справедливым; сама его победа доказывала, что божественные силы на его стороне. Евреи были единственным народом в древнем мире, который воспротивился этому представлению. Можно быть слабым, можно быть побежденным, но все-таки оставаться правым и справедливым. Но для этого надо приносить жертвы, бороться. В этом еврейский идеал, так называемый *”עֲשֵׂה שְׂמֵחַ לַיהוָה”* («Освящение имени Бога») — жертва настоящим, не только материальными благами, но и своей жизнью во имя идеала. Это — принятый евреями и доказанный их историей основной закон. Такое утверждение идеальных принципов, за которые человек обязан пожертвовать жизнью, и есть одна из основных черт еврейского существования в течение столетий. Жертвы приносятся во имя будущего мессианского идеала. И если еврей в 19 и 20 веках принимает участие в политических, социальных или религиозных движениях, то это является результатом такого восприятия мира, такого мировоззрения, такого понимания принципов морали, которое было выработано в течение тысячелетий еврейским народом. Антисемитские утверждения о «всемирном еврейском заговоре» есть искажение основных черт еврейского мессианского идеала, который не отказывается от борьбы за социальную справедливость, за идеальное общество, за идеальную политическую структуру, даже находясь в очень тяжелых условиях. Сионизм также является одним из выражений политического мессианизма, политического утопизма. Он действительно, как утверждал Бикерман, является попыткой на основании теоретических выкладок, на основе тео-

ретического анализа создать конкретную реальную политическую единицу — Еврейское Государство, Но, в отличие от других утопических учений, сионизм является синтезом прошлого и будущего. Он не ставит своей задачей создать какие-то новые, идеальные, ранее не существовавшие отношения между людьми. Он хочет воссоздать еврейское прошлое на новой, современной основе, возродить еврейское государство, еврейский язык и культуру.

Возможно, что именно эта формулировка мессианского утопизма — в его сионистской форме — и привело к тому, что в основном (хотя, конечно, ни один идеал ни в одном человеческом обществе не был полностью претворен в жизнь) осуществление сионизма гораздо ближе к теоретическому идеалу, чем современное христианство — к основным положениям ранних христианских общин или претворение в жизнь идей социализма и коммунизма к их основным принципам, созданным социалистами прошлых столетий. Такого огромного разрыва между теорией и действительностью, которое существует в христианстве и коммунизме, в сионизме не было и, я надеюсь, не будет.

Но если эти постулаты анализа, который я попытался представить, соответствуют действительности, то это приведет нас к особому взгляду на Израиль: как на еврейское Государство. Израиль не может быть подобен остальным государствам, так же, как еврейский народ не может быть подобен другим народам, хотя были в сионистском движении и такие деятели, которые задалась целью превратить евреев в «нормальный народ среди других народов». Но отношения среды, конкретно-исторические условия влияют таким образом, что евреи остаются отличающимся, исключительным народом несмотря на все усилия общественных течений и отдельных лиц, пытающихся этому противостоять. И мне кажется, что Израиль остается необычным, своеобразным государством, несмотря на усилия отдельных политических партий и течений в стране.

Основным положением Герцля и Пинскера было: антисемитизм возник и существует из-за еврейского рассеяния. Если евреи соберутся в пределах своего собственного государства, то основные причины ненависти, недоверия, противоречий исчезнут сами собой. Тогда исчезнет и антисемитизм и ненормальное положение евреев среди других наций. История Израиля за последние 24 года показала, что это положение классиков сионизма не оправдало себя. Наоборот, недоверие и антагонизм, которые существовали по отношению к евреям в прошлом, теперь проектируются на Еврейское Государство. Сегодняшний антисионизм — это тот же старый антисемитизм, даже не очень хорошо завуалированный. Поэтому Израиль является и всегда будет идейным государством, т. е. государством, основанном на каких-то абстрактных политических, социальных и моральных принципах. Без этого его существование потеряет свой смысл. Взаимоотношения Израиля с другими государствами и с диаспорой всегда будут носить особый характер, который некоторым из других народов и государств может казаться подозрительным. Это особое взаимоотношение, которое существует между евреями рассеяния и Израилем, когда люди, не являющиеся гражданами государства, все же в какой-то степени чувствуют себя

связанными с ним, противоречит принципам ряда политических систем, разработанных в Европе. Это обусловлено разницей в историческом и моральном развитии евреев и других народов, и принципы, принятые этими народами, не всегда отражают, и не могут отражать действительность еврейского народа и Еврейского Государства.

Эта исключительность и необычность придает Израилю всемирно-историческое значение. Еврейский национальный эксперимент не является выражением еврейского сепаратизма и желания евреев отделить себя от общечеловеческой культуры, а наоборот, в мире индустриальной цивилизации, в котором общество потребителей является идеалом, всякая действительно идейная структура является чем-то из ряда вон выходящим. В то время, когда идеалы социальной и политической справедливости теряют свои основы именно в ходе развития современного индустриального и эгалитарного* общества, национальный эксперимент маленького и необычного государства может принести большую пользу не только самим евреям, но и многим другим народам, проходящим теперь через этот этап развития.

Поскольку евреи в странах диаспоры являются одним из самых чувствительных элементов этих высокоразвитых обществ, то взаимоотношения Израиля с диаспорой — это не только внутриеврейский вопрос. Этот вопрос имеет большое значение в развитии общечеловеческой культуры, и даже в ближайшем будущем такое положение вещей может открыть новые пути развития всему человечеству.

Израиль является важным фактором мирового развития, потому что Израиль — необычное явление среди других государств. Это единственный в мире пример осуществления политического и культурного идеала сознательными действиями людей, в котором действительность не извратила первоначальную идею.

* эгалитарный — уравнительный (прим. ред.).

Д-р Б. ЭЛИАВ.

НАШЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО СВЯЗЬ С МИРОВЫМ ЕВРЕЙСТВОМ

В еврейском ишуве (поселении) в Палестине и впоследствии в самостоятельном Израиле вопрос о еврейской сути нашего государства был всегда спорным. В сущности, и в сионистском движении с самого его начала не было единого мнения на этот счет. Столкнулись и сталкиваются в нашем израильском обществе две основные и противоположные концепции о взаимоотношении еврейского народа с иудаизмом. Иудаизм всегда относился несколько либерально к вопросу о его

* Д-р Бенъямин Элиав — член редакционного совета «Энциклопедия Юдаика».

философской интерпретации. Но, начиная с кодификации, в Талмуде и особенно после Талмуда, иудаизм был очень настойчив в предписании всех мелочей повседневной жизни евреев. Таким образом — и с этим, кажется, согласны все стороны нашей внутренней полемики — иудаизму удалось сохранить существование еврейского народа в диаспоре в рамках единой культуры и цивилизации, оставляя при этом относительно широкую свободу философской мысли, от рационализма до самой эзотерической мистики. Тема спора другая: что служило чему — иудаизм сохранению народа в изгнании и рассеянии или еврейский народ — сохранению иудаизма, как единственно правильного пути служения Богу ("אבותינו...").

Сионисты первого направления считали, что историческая роль иудаизма, как обязательной нормы жизни евреев и еврейского общества заканчивается с ликвидацией диаспоры, с территориальной концентрацией еврейских масс в своей собственной стране. Теодор Герцль, например, вначале даже не был уверен, что такой страной должна обязательно быть «Эрец Исраэль», и Пивскер в своей книге «Автоэмансипация» ясно выразил предпочтение новой территории где-то на американском континенте. Этот рационально-прагматический подход к понятию еврейского государства, как национального убежища тех евреев, которые не могут или не хотят жить в нееврейских странах, остался одной из идеологических основ сионизма и по сей день. Хотя за это время, главным образом, благодаря возрождению иврита, изучению еврейской истории и традиций в нерелигиозных школах, иудаизм стал не настолько уж чужд нынешнему светскому лагерю в сионизме и Израиле, насколько он был для основоположников политического сионизма.

Противоположная точка зрения существовала в сионизме с момента его возникновения. Конечно, существует она и в израильском обществе. У некоторых идеологов, таких, как Ахад-Гаам, например, сохранение традиционной иудейской культуры как цели сионизма, носило явно нерелигиозный характер. Но, в общем, общественную и политическую силу этой тенденции составляют, главным образом, религиозные круги. Для них нет смысла в самом существовании евреев, еврейского народа и государства, если этим не обеспечивается более свободно и прочно, чем в условиях диаспоры, продолжение иудаизма, т. е. индивидуальный и общественный образ жизни по предписаниям Торы и ее кодифицированных интерпретаций. Только трагическая судьба евреев Европы во время Второй мировой войны, и впоследствии борьба Израиля за свое существование предотвратили прямое столкновение этих противоположных тенденций и привели к прагматическому компромиссу в сионизме и в израильском обществе. В Израиле этот компромисс называется «статус кво в религиозных делах». Накануне провозглашения государственной самостоятельности было достигнуто соглашение нерелигиозного лагеря с религиозным, означавшее, что в официальной и общественной жизни государства будут сохранены те формы религиозных отношений, которые существовали в Палестине в еврейских поселениях до 1948 года. Но у

многих израильтян, даже у части религиозной интеллигенции, нет сомнения, что этим вопрос не разрешен. что в условиях мира с арабскими странами, когда мир наступит, нужно будет установить более ясные правила соотношений между государственными и религиозными сводами законов, возможно даже полное отделение одного законодательства от другого. Обе стороны опасаются острого внутреннего конфликта в нынешних условиях и предпочитают прагматическое разрешение каждого возникающего вопроса принципиальной борьбе за установление еврейской сути еврейского государства.

Если взглянуть на диаспору нашего времени, то окажется, что отношения между Израилем и еврейством диаспоры совсем не просты и не поддаются схематическому описанию. Мне кажется, что на вопрос «мигу гаегуди» («кого считать евреем») в странах диаспоры есть много ответов, и они в наше время определяются не тем, что сами евреи хотят или думают, а, главным образом, официальной и неофициальной структурой общества, в котором эти евреи живут. В СССР, например, «быть евреем» значит принадлежать к определенной «национальности». И даже если еврей крестится, он не меняет этим свою национальную принадлежность, как и армянин, переходящий в лоно православной церкви, не перестает быть армянином. Такова структура советского общества, и, покуда она не изменится, так и будет. Другими словами, религиозный элемент определения слова «еврей» потерял свое значение, и остался только этнической.

В американском обществе — наоборот. Когда-то, 50—60 лет тому назад, во время массового притока евреев, итальянцев, ирландцев и т. д. американское общество делилось фактически (т. к. формального группового статуса, как в СССР, никогда там не было) на этнические или, если хотите, «национальные» группы. Но американцы тогда сознательно стремились как можно скорее стать единой нацией, и спустя 2—3 поколения после прекращения массовой иммиграции, приблизительно в 1924 году, американцы стали смотреть на свое общество как на состоящее главным образом из различных религиозных, а не этнических групп. До недавнего времени там было принято говорить о «треугольнике» протестантов, католиков и евреев, который, мол, составляет молодую американскую нацию. Сыновья еврейских иммигрантов, даже левых и атеистов, личным идеалом которых была одна единственная цель—стать «стопроцентными американскими», были, в общем, очень рады этому переходу от этнического определения своего еврейства к религиозному. Они могли, таким образом, осуществить свою полную американизацию (там часто повторялась и еще повторяется формула о «иудео-христианском наследии» американской культуры), и вместе с тем, не оборвать нить своего еврейского происхождения и не стыдиться его. Но этот факт их к чему-то обязывал, например — примкнуть к религиозной общине: к синагоге или к «темплу» ортодоксального, консервативного или реформистского направления. Вокруг такой религиозной институции произошла (и до сих пор происходит) общественная консолидация евреев, урожденных американцев. При таком «темple» есть клуб, кружки для женщин, «Hebrew school» (т. е. преподавание древне-

еврейского алфавита и основных текстов библии детям, главным образом, до возраста «бар-мицва» у мальчиков и «бат-мицва» у девочек). Такой еврей всегда мог ответить своему нееврейскому соседу на вопрос «кто ты?» — например: «Я еврей консервативного течения». А его нееврейский сосед скажет, например: «Я баптист». Оба в одинаковой мере члены американской нации. Если американский еврей решает креститься (это ему, впрочем, в наше время никакой материальной выгоды не принесет), то он перестает быть евреем и определяется в американском обществе как член своей христианской общины, — баптистом, пресвитерианцем, мормоном, католиком или протестантом «еврейского происхождения». Конечно, в душе своей и американский еврей знает, особенно после того, что произошло в Европе в недавнем прошлом, а также вспоминая, каким был его отец или дед, эмигрировавший из Европы, что евреи — не только религиозная разновидность пестрого общества, составляющего новую американскую нацию, а нечто более древнее, историческое, этническое, национально-культурное. Но все таки до недавнего времени, покуда в США еще верили в этот «протестантско-католическо-иудейский треугольник», само понятие о Еврейском Государстве, хотя и вызвало сильный энтузиазм почти у всех американских евреев, в то же время немножко их смущало. Ведь оно, по определению их собственного еврейства, означает религиозное государство, т. е. «теократию», нацию, основанную на общности религии, а это противоречит священному американскому принципу полного отделения религии от государства. Поэтому у многих американцев было болезненное отношение к сионизму и Израилю. Даже американские сионисты сами во всеуслышание заявляли, что Израиль не создан для них — они ведь не в «галуте», не в изгнании. Они свой «еврейский вопрос» разрешили полной интеграцией в новую американскую нацию, не теряя при этом своего еврейства, хотя бы и в форме религии. Израиль создан будто бы для тех евреев, которые не имели счастья быть американскими гражданами, и которые преследуются в старом мире как племя, как этническая группа. Но те же самые американские евреи, посещая Израиль, часто плакали от волнения и счастья именно при виде национально-государственных признаков нашей страны — флага, армии, иврита как живого языка и т. п.

Я так подробно разобрал противоречия в отношении американских евреев к Израилю не только потому, что они — самая большая масса нашей диаспоры, но и потому, что из анализа этих отношений следует сделать выводы. Я хочу подчеркнуть, что и там очень многое в корне изменилось, не только у евреев, но и в американском обществе вообще. Большая часть того социального слоя, к которому принадлежит еврейская молодежь, т. е. третье или четвертое поколение родившихся в Америке, не верит в идеалы своих родителей и ищет новое идеологическое содержание для своей жизни. Некоторые из них надеются найти именно здесь, в Израиле, ответ на свои вопросы, вытекающие из полного разочарования в американской идеологии и даже культуре. В этих поисках есть часто и неорелигиозный элемент; но, главным образом, их интересует новый подход к жизни вообще, жизни с новыми социальными и

человеческими ценностями, отличными от тех, в которые верили и которыми жили их родители. Эта «неоеврейская» или «неосионистская» реакция еврейской молодежи на идеалы своих родителей, которые в свое время вырвались из узко-еврейской среды и верили в универсальные идеалы, эта реакция не чужда и вам, советским евреям.

Связь Израиля с диаспорой можно выразить в следующих пунктах:

Во-первых, основная жизненная функция Израиля — быть убежищем для тех евреев, которые не могут или не хотят жить в странах рассеяния.

Во-вторых, основы израильской культуры, заложенные пионерами возрожденной еврейской нации: иврит; сохранение сознания и понимания еврейской традиции; сознание единства еврейского народа — достаточны, чтобы дать каждому еврею в диаспоре, который хочет остаться евреем, интимную связь с Израилем.

В-третьих, все остальные вопросы, как-то: какова религиозная суть израильской культуры, каковы ее социальные нормы, в какой степени Израиль представляет или может представить собой осуществление какого-либо духовного идеала для еврея в диаспоре—это личное дело каждого; я бы даже сказал, что это вопрос личного вкуса.

В конечном итоге культура Израиля складывается и сложится в будущем в соответствии с духовными и общественными нуждами его населения. Израильская культура в значительно меньшей степени является проекцией духовных потребностей евреев диаспоры, поселившихся в стране — например, тех евреев, для которых главное — чтобы Израиль воплощал военную доблесть и научное превосходство евреев, или тех, кто ищет в Израиле социальное или религиозное совершенство. В Америке есть, например, евреи, которые сами не исполняют предписаний иудаизма, но возмущены тем, что есть некошерные рестораны и что общественный транспорт в некоторых районах страны работает по субботам и праздникам. Они хотели бы, чтобы Израиль был чем-то вроде «коллективного ребе», т. е. раввином всех евреев мира, как раввин их собственной общины, который соблюдает законы еврейской религии будто бы от имени и за счет всех членов этой общины. Это, конечно, абсурд. Израиль не может служить символом или воплощением идеалов, удовлетворяющих все духовные запросы евреев диаспоры. Это относится и к социальным, политическим и даже военным аспектам поведения израильского общества и государства. Израиль — это живой организм, развивающийся не только ради определенной цели, ради той двуединой еврейской цели сионизма, о которой я упоминал выше, но и для удовлетворения своих собственных нужд в процессе возникновения и изменения внешних и внутренних условий. На эти условия, особенно на внутренние, и на их возникновение и направленность, смогут влиять эффективно только те евреи, которые живут или поселятся здесь, которые уже превратились или со временем превратятся в живые частицы израильского общественного организма.

ЧТО МЕШАЕТ... «СТАТЬ ЕДИНЫМ НАРОДОМ»?

К статье Роберта Давида в № 2—3 журнала «ЦИОН»

Статья приобретает большое общественное звучание и заслуга автора в мобилизации внимания к болезненному аспекту напряженности отношений между этническими группами в нашем народе.

Р. Давид мастерски показал нам типичные, для небольшой части алии, отрицательные характеры, несомненно вредные по воздействию на некоторые прослойки советской алии, отталкивающие копированием приемов унижения достоинства лиц разных этнических групп. Импортированные из галута, эти циничные приемы, жертвами которых в течение всей жизни были мы сами, кощунственно пытаются теперь насадить на нашей земле. Общественность располагает теперь настолько точными портретами носителей мешчанствующей «культуры», что распознать их и нейтрализовать просветительной работой среди населения — шаг неотложный долг.

Однако, статья Р. Давида значительно теряет в своем гражданственном значении тем, что вспышка конфронтации в нашем обществе показана только одной ее стороной, советской алией, и тем может создаваться, быть может, ошибочное представление, что автор пытается предрешишить мнение общественности, заочно, в пользу другой стороны, предстающей в конфликте непогрешимой.

Установить объективность, предложить обществу анализ

причинности нездоровых отношений между этническими группами населения и попытаться найти конкретный и реальный путь их ликвидации — ставлю я целью своего ответа.

Невозможно представить себе олим, извлекающих по прибытию в Лод из своих чемоданов готовые конспекты недостатков и пороков отдельных групп израильского населения и, в зависимости от контактов с той или иной из них, немедленно приступающих к реализации своих симпатий или антипатий: «черные», «пейсатые», «длиннополые». Собственным многолетним опытом и близким знакомством с алией Сов. Союза — потенциальной, легальной и желегальной, заверяю, что все ее представление «там» о составе израильского населения, его отношении к алии, о всех аспектах интеграции — наивно идеализированы и, по сути дела, равны нулю, и... Слава Богу... Это обстоятельство служит явным подтверждением того, что первопричина неприязни рождена на израильской почве и, благодаря запущенности таковой, дала богатые всходы чертополоха: зависть в социально-бытовом плане для одних, опасность остаться в стране чужаками для других и, в результате, взаимное отторжение.

Олим, прибывавшие в улыпаны или поселения, граничившие с шикунами выходцев из арабских стран, запомнили шок от

первых впечатлений знакомства с соседями: разгузданная невоспитанность детей, низкий уровень культуры взрослых, шумные распри и скандалы в семейной жизни и открытая, тогда еще непостижимо-непонятая, враждебность к олим, вызывали ответную реакцию со стороны последних, и, под влиянием отрицательного воздействия со стороны разных сомнительных личностей, заполнивших вакуум в культурно-осведомительной работе среди олим, принимали жюгда формы, описанные в статье Р. Давида,

Никого из старожиллов, участников и организаторов уго-кофейных встреч с олим, никого из гистадрутовцев, руководителей тиюлей (кстати, единственное культурное мероприятие), никого из органов интеграции, в том числе, руководителей ульпанов, не интересовала атмосфера нарастающей взаимной неприязни, хотя штатам ульпанов были приданы сотрудники, обученные и специализированные, именно, для культурной работы по сближению олим с населением страны — это, так называемые, социальные работники, однако, деятельность этих лиц, по ее результатам, не заслуживает упоминания.

Когда же несколько прозрев в окружающем их мире отношений, олим начинали ориентироваться в общественной и материальной сторонах жизни и познавать собственную роль в этом запутанном клубке гражданского противостояния, было уже трудно встать в позу халуца-идеалиста и отказаться от своих «собственных», «законных» прав (раздали, значит, есть за что).

Этими категориями и мышления олим обзавелись к тому времени, применившись к условиям жизни и, распростившись с бурной, вначале, реакцией на крупные экономические преступления в стране и на социальное построение общества — все это, далекое от тех идеалов, которыми они наделяли свою Родину в галуте. Теперь уже нетрудно стало и самим подвести моральные оправдания своим экономическим привилегиям: и особо-трудные условия нашей, советской алии, и возросший (для кого?!) уровень жизни в стране, расширяющийся, следовательно, и на нас, и большое количество специалистов высокого класса, которых доставляет наша алия.

Так, предоставленные самим себе, не вступая ни в общественные (за исключением мест работы), ни в личные контакты, проходили обе стороны свой путь «превращения в единый народ Израиля».

На беду алии, в дело ее практической интеграции проникли недоброжелатели, инспирировавшие среди населения всякие провокационные слухи, вроде того, что «американцы все покупают за деньги, а этим, «любимчикам», все дают бесплатно». Не исключено, что по этому замыслу алие отводилась роль громом отвода, накопившемуся раздражению у населения за ряд провалов в общественном устройстве.

Какую же позицию занимали в этом, накаляющемся общественном вопросе, органы интеграции? — не создающие с интересами общества и алии. Так, провалив психологическую подготовку населения, особенно его

отсталой части, в вопросах алии, ее роли и значения для страны, а также источниках средств на ее интеграцию, и, доведя дело до предверия гражданских волнений, — эти, так жеудачно подобранные проводники государственной политики, вынуждены были, наконец, сообщить народу, положенные ему, нормами демократического общества, сведения.

Со столь же трагическим опозданием было приступлено к гашению второй, логически совершенно неизбежной, вспышке общественного возмущения — к строительству квартир для зугот-ц'ирим и многосемейных. Нельзя сказать, что такая «упреждающая дальновидность» регулирования общественных вопросов способствует поднятию авторитета руководящих органов и дальнейшей стабилизации отношений среди населения.

На пути благополучия и процветания нашего государства и достижения великого идеала — СТАТЬ ЕДИНЫМ НАРОДОМ — возникает огромное препятствие в виде все увеличивающегося разрыва в материальном положении отдельных классов нашего общества. Причины этого явления общеизвестны и об их устранении может идти речь в специализированной статье, однако в общих чертах это:

Большие семьи, с одним в них работником в течение многих лет, да и тот обладатель низкой квалификации и соотв. уровня заработка; дети, рано оставляющие школы, вынужденные работать и редко достигающие образования и хорошей квалификации — это весьма распростра-

ненное явление в семьях восточных евреев.

Малые семьи, с двумя работниками высокой или, как крайний случай, средней квалификации и их дети, благополучно проходящие путь образования и квалификации, достаток и возможность сбережений — в семье ашкеназийского еврея.

Если мерами государственно-го масштаба не будет создана альтернатива этому положению — не будет «моста через пропасть» в общественных отношениях, не будет здоровой атмосферы в жизни нашего народа.

М. РАБИНОВИЧ.

(Реховот).

* * *

В своей статье «За старое, за новое, за 10 лет вперед» в журнале «Цион» автор провозглашает, как неизбежное и желаемое, столкновение русской алии с израильским обществом. Столкновение, которое предполагает открытую борьбу. Отправная точка Амика в том, что русская алия, не принимающая Израиль и его идеалы, или вернее, отсутствие таковых, имеет право и способна бороться за духовное руководство Израилем. Права они имеют, а вот умение свое они еще ничем не доказали. На чем основана уверенность автора в духовном превосходстве русской алии? На том, что русские халуцим стремятся создавать свои поселения без израильтян, хотят отделиться? Это свойственно всем многочисленным этническим группам, населяющим Израиль, из которых каждая считает себя единственным истинным представителем еврей

ской нации. Тот факт, что некоторые, по мнению автора, истинные представители алии по просту «смазывает удочки» и оставляют страну, не представляет собой ничего оригинального, а тем более похвального. Главное, автор не потрудился сообщить за какие идеалы борется русская алия. Автор признает, что она еще сама толком не знает этого. Можно ли говорить о русской алии, как о чем то едином? Можно ли говорить об израильском обществе, как о чем то едином? И что объединяет тех и других? Попробуем разобраться в этих вопросах. Из разговоров с олим можно заключить, что большинство или многие недовольны (статистики, ведь, нет). Недовольны квартирами, работой, соседями, пищевыми продуктами, климатом и зарплатой. В последнем случае олим заодно с израильянами, быстро усваивают формулу: сколько есть недостаточно — надо требовать больше, независимо от того, сколько они зарабатывали в Союзе. Что касается идеологии русских олим, то среди массы русских олим можно встретить оттенки самых различных идеологий. Мне вспоминается оля, бывший идишист, просидевший несколько лет в советских лагерях. Он заявляет: «Приедут русские олим в большом количестве, и мы покажем этим религиозникам, закроем синагоги и ешиботы, не дадим раввинам наживаться за счет народа».

Другие олим более умеренны. Их не беспокоят синагоги — «пусть их молятся старики. Но почему нет транспорта по субботам? Почему изучают Танах?

Забивают головы наших детей религиозной чепухой?».

С другой стороны, часть олим обеспокоены неверием и распушенностью большинства израильянтян. Грузинские и бухарские евреи даже боятся, что нельзя будет воспитать детей, чтобы они были настоящими евреями (в их понимании). В статьях Пераха и др. выражается беспокойство за чистоту нашей расы — их беспокоят смешанные браки, переход в еврейство не по убеждениям и т. д. Многие олим интересуются Танахом, еврейской религией, даже поступают в ешиботы, дабы лучше изучить Талмуд. Нет единого мнения по вопросу о структуре «идеального общества». Оля из Киева, который работал продавцом, продавал «налево», брал надбавки за дефицитные товары, наживался неплохо, решительно предпочитает социализм, ибо, работая у хозяина, который вовсе не стремится платить высокую зарплату, он воочию познал «ужасы» капиталистической, эксплуатации. Однако, после того, как ему удалось открыть свою лавочку, он еще раз переменил свои взгляды. Среди русских олим есть такие, что верят в социализм «с человеческим лицом», которых возмущает бедность, имущественное неравенство, с которым они сталкиваются. Есть много олим, которых возмущает празднование 1-го Мая, разговоры о классах, существование предприятий, принадлежащих Гистадруту, участие правительства в разных частных компаниях, возмущаются всем, что пахнет социализмом.

Итак, за что борются русские

олим? В чем они солидарны? Что их объединяет?

Если говорить о привычках и обычаях, свойственных любой этнической группе, то мы встречаемся с существенными отличиями между евреями Москвы, Риги и Черновца, с одной стороны, и евреями Грузии, Бухары, с другой. Только в одном городе Черновцы можно насчитать 3 «нации» — «бессарабцы», «буковинцы» и «советские» евреи; каждая себя считает «высшей нацией». Между всеми ними все же немало общего — такого, что отличает их от израильских евреев. Все они — продукт советского режима. Это выражается в том, что они склонны к насильственным методам решения вопросов. Например, чтобы добиться чистоты на улицах надо штрафовать, чтобы добиться уменьшения преступности — надо давать длительные сроки заключения, чтобы бороться с забастовками, которые иногда ударяют по всему обществу — нужно их запретить и т. д. Только небольшая часть олим понимает опасность, которая кроется в подобных методах, ведущих к диктатуре, от которой они убежали. Русским втолковали с детства, что существует справедливый коммунистический строй, к которому надо стремиться и, хотя они разочаровались в советском коммунизме и даже не терпят этого слова, они верят в возможность существования такого справедливого строя и очень разочарованы, что не нашли его в Израиле. И еще — общая черта русских олим — прежде, чем они очутились в Израиле, им пришлось бороться за право на алию, их клеймили на собраниях, объяв-

ля изменниками... Они отстаивали свое право на выезд в Израиль, вступая в борьбу с законстелельными догмами советской идеологии, жертвуя карьерой, рискуя потерять работу и даже свободу. Очутившись в Израиле, они обнаружили что Израиль не таков, каким они себе его представляли. Из борцов за национальное возрождение, они превратились в борцов за материальное благополучие для себя и своей семьи. В этом нет ничего плохого — жить, ведь, надо. Плохо то, что, привыкнув противопоставлять себя властям в Союзе, они точно так же борются с Сохнутом и «Клитой». Некоторые ведут себя, будто они находятся на вражеской территории (повторяю, некоторые, далеко не все), а не у себя дома. Правда, порядки в этом доме далеко не идеальны — никому не возбраняется отстаивать свои права. Лучшая часть русской алии, которая боролась за Израиль из идеальных побуждений, которая не хочет превратиться в обывателей и хочет быть в первых рядах строителей страны, действительно растерялась. Она растерялась потому, что не нашла того Израиля, которого ожидала встретить.

Оказалось, что Израильское общество состоит из разных этнических групп, которые еще не превратились в единый народ, что в идеологическом отношении еврейский народ представлен дюжиной партий и большинством — равнодушным к идеологии вообще. Однако, маленькое государство Израиль имеет уже военный и хозяйственный опыт. В течение 25 лет он отражал нападения многочисленных врагов и в то

же время было создано высоко-развитое сельское хозяйство, которое по урожайности выдерживает высокие европейские стандарты. Молодая Израильская промышленность, несмотря на ошибки и колоссальные убытки отдельных компаний, создается на высоком техническом уровне. То, что страна сумела абсорбировать более миллиона олим, находясь в состоянии войны, является чудом! И все же олим недовольны по праву, ибо это не тот Израиль, о котором они мечтали: Израиль калуцим, в котором нет противоречий между отдельными группами населения, в котором царит образцовый порядок, законность и справедливость. Что же должны делать русские олим? На мой взгляд, во-первых, они должны запастись большой долей терпения и быть скромней. Раньше чем противопоставлять себя израильскому обществу и учить его, надо с ним познакомиться. Надо изучить язык, историю и географию страны, обычая разных этнических групп населяющих ее, те идеологические течения, на основе которых образовалась страна, и, конечно, надо изучать «Танах», без которого нельзя понять тот народ, от которого русская алия была оторвана и частью которого она хочет стать. Надо научиться любить страну так, как ее любят сабры. Не за ее достоинства и недостатки, а такую, какая она есть. Любить страну значит стремиться сделать ее совершенной. С недостатками надо бороться там, с ними сталкиваешься: у себя на работе, в том районе, где ты живешь. Кто хочет вносить изменения в государственном масшта-

бе, может присоединиться к какой-либо партии, близкой ему по духу, и через парламент внести новые законы. Это не просто и требует времени. Не противопоставлять себя Израилю, а завоевать авторитет в Израиле. Вот задача русской алии. Мы приехали сюда, чтобы вместе с другими гражданами Израиля строить страну и стать единым народом. Правильно говорит Амик: «Мы приехали потому, что ощутили ответственность за судьбу своего народа». Это хорошо сказано. А вот призыв автора противопоставить себя Израилю, причем он не потрудился сказать во имя каких идеалов — это на мой взгляд — безответственно. Автор говорит и другое: «Мы прибыли в Израиль не из-под палки, не потому что деваться некуда было», и противопоставляет себя тем евреям, которые приехали потому, что Израиль единственное место, где они могли найти приют и убежище. Это можно понять так, что нам, мол, и там было неплохо, а мы, вот, приехали, дабы облагодетельствовать Израиль. Это может показаться лестным для некоторых олим из России, но очень далеко от действительности. Как сказала Голда Меир: «Израиль нуждается в олим в такой же степени, в каком они нуждаются в нас». Те, кто ощущают ответственность за судьбу народа, знают, что евреи СССР нуждаются в Израиле, если они хотят остаться евреями. И даже многие из тех, кто тяготеет своей принадлежностью к евреям, приходят к сознанию, что лучше перебраться в Израиль. Здесь не место говорить о причинах, почему евреи уезжают из СССР, но находясь там,

НЕ СНОБИЗМ, А РЕАЛЬНЫЙ СИОНИЗМ

Я прочитал внимательно статью т. Амика, и вынужден признаться, что мне остались неясными ее суть, ее цель и ее основные выводы. Я (тоже оле из Советского Союза, проживающий здесь в стране около 50 лет) почувствовал настоятельную потребность ответить на эту статью, ибо несмотря на слова автора, что его «сионизм не был унаследован, он вырабатывался нами самостоятельно заново», по существу — эта статья далеко не сионистская, чтоб не сказать больше.

Основной тезис ее — «конфронтация алии, ее понятий и принципов, ее идеалов с существующим порядком и идеалами израильского общества», он повторяет в другом месте: «основа этого конфликта скорее идеологическая, чем экономическая».

Конфликт настолько острый,

многие евреи знают это отлично, а приезжая сюда — забывают.

Евреи из России, как и евреи всего мира, имеют право влиять на судьбу Израиля и даже поучать, но надо доказать, что они это умеют делать с пользой для страны. Завоевать авторитет, сделать так, чтобы к ним прислушивались.

Русская алия, безусловно, способна внести большой вклад в создание того Израиля, который является мечтой поколений, но пройдет немало времени, пока вклад ее будет осущитим.

Эстер КУЛИКОВА.
(Иерусалим).

что автору известны 6—7 групп «наших героев, халуцим», готовых идти строить новые города, кибуцы и т. д. в отдаленных районах страны, при одном лишь «маленьком» условии — «кроме евреев» (израильтян).

При всем моем желании я не нашел во всей длинной статье ни одной строчки, которая объяснила бы в конкретной форме, какие понятия и идеалы в израильском обществе противостоят идеалам алии до такой степени, что автор готов понять (если не простить) двух олим, пробывших здесь целый год — «время достаточное, чтобы осмотреться» — и решивших вернуться в родной Советский Союз.

Я мог бы понять автора, если бы он писал о разочаровании олим в связи с многими недостатками и излишними трудностями в процессе абсорбции, но от этого до тотального конфликта всей алии со всем израильским обществом расстояние слишком большое. На этом стоит остановиться подробнее.

Прежде всего я отрицаю основное противопоставление: с одной стороны, монолит А — Олим из Советского Союза, с другой — монолит Б — израильтяне. В действительности этих двух монолитов не существует.

Олим из Советского Союза делятся на много различных друг от друга категорий: меньшинство — сознательные сионисты; часть из них успела даже получить еврейское национальное воспитание в школах на иврит

или «идиш», они знают историю сионистского движения, халуцианства, начала практического заселения (колонизации) Палестины, борьбу за независимость и т. д. Другая часть этого сионистского меньшинства — люди, которые в условиях Советского Союза были лишены возможности получить серьезное сионистское или еврейское воспитание, но которые глубоко прониклись национальным самосознанием и готовы были активно бороться за достижение своих целей, невзирая на опасности и страдания, связанные с этой борьбой.

Но большинство олим не получило никакого сионистского или еврейского воспитания. Они родились и выросли в Советском Союзе, впитали в себя все хорошее и дурные стороны жизни там, были отрезаны от мирового еврейства и Израиля. Их национальное самосознание возникло, главным образом, на почве усиления антисемитизма во второй половине режима Сталина, не было у них возможностей ознакомиться с первоисточниками и их знание еврейства и сионизма очень слабо и поверхностно. Большой толчок был дан им самим провозглашением независимого государства Израиль в 1947/8 годах (когда представители Советского Союза еще держали в ООН сионистские речи) и главным образом Шестидневной войной в 1967 году (тем временем сталинский режим был намного смягчен).

Когда появилась возможность получить разрешение на выезд в Израиль, и когда выяснилось, что там можно устроиться на работу, все более широкие круги советского еврейства начали ис-

кать путей, чтобы выехать из Советского Союза. У некоторых из них (как, например у грузинских, а затем и бухарских евреев) достаточно сильны были религиозные побуждения.

Все эти различные группы олим далеко не монолитны как по степени их общего образования, так и по сущности их мотивов выезда в Израиль.

Но и израильтяне сами далеко не монолитны. Даже теперь, 90 лет с начала нового движения за возвращение на историческую родину, лишь около 50 процентов еврейского населения Израиля состоит из уроженцев страны, а вторая половина — из олим, прибывших во все времена из стран всего света, всех его пяти континентов, говорящих на 50—60 языках, людей различных культур и степени образованности, начиная с отсталых стран Ислама в Африке и Азии и кончая высокообразованными воспитанниками колледжей и университетов США, Англии, Германии, Южной Африки и т. д.

Перед государством Израиль стояла всегда и будет стоять еще очень много лет весьма трудная, но важная задача — слияние всех этих разнородных элементов в единую нацию. За последние 50 лет было достигнуто недостаточно, несмотря на все усилия в этом направлении. Поэтому нет возможности говорить так категорически о едином «израильском обществе». Этого единого израильского общества нет пока и по другой причине.

Несомненно, что в последние 5—6 лет после Шестидневной войны (а, может быть, это началось и раньше) произошли ог-

ромные перемены во всем нашем быте, во внешнем и внутреннем облике страны и ее жителей. Сильный национальный подъем в начале Шестидневной войны сменился после блестящей победы какой-то душевной реакцией, которую еще нелегко определить.

Огромные суммы денег, которые стали вливаться в страну в связи с небывалым ростом ее оборонного бюджета, дали сильный толчок к ее быстрому экономическому развитию во многих направлениях (индустрия, строительство, туризм и т. д.). Безработица, которая достигала серьезных размеров в 1966—67 годах, совершенно исчезла. Лихорадочная деятельность привела к большой нехватке рабочих (особенно квалифицированных). Зарплата почти во всех отраслях хозяйства и в особенности специалистов ряда дефицитных профессий, начала быстро и непрерывно возрастать. Военные заказы и огромные работы по укреплению, выработке и доставке военных материалов дали новый толчок к созданию многих заводов и мастерских, работающих в новых (очень сложных) областях электроники, химии, радиосвязи и т. д. Появились большие, очень сложные и дорогостоящие машины для трудоемких земляных работ. Все это привело к быстрому росту числа «нуворишей». Люди, которые еще совсем недавно вели тяжелую борьбу за существование, стали быстро богатеть.

Ко всему вышесказанному надо еще добавить, что в Израиле есть десятки тысяч семей, получающих ежегодно крупные денежные компенсации от западно-германского правительства, в

ный этим семьям нацистскими возмещение за ущерб, причинен преступниками. Сумма компенсаций достигает миллиарда израильских лир в год.

Весь этот небывалый «бум» породил бурный рост жизненного уровня широких кругов населения страны. Заказы на автомобили, холодильники, дорогие ковры, телевизоры, стиральные машины и т. д. достигли астрономических размеров. Неимоверно возрос спрос на дорогие виллы и квартиры. Весь уклад жизни у большей части населения резко изменился.

Стало интенсивно развиваться так называемое «потребительское общество» по образцу многих западноевропейских и североамериканских стран, с той только разницей, что там это происходило в результате органического роста собственных источников дохода, а у нас все эти огромные средства пришли большей частью извне в виде пожертвований и ссуд, которые нужно будет вернуть с процентами.

К этому надо добавить еще один немаловажный фактор. Во всем мире огромное и быстрое развитие «средств коммуникаций» (Радио, телевидение) очень сблизил различные части мира. Все важные события жизни в различных пунктах мира — политические, экономические, общественные, культурные и т. д. — передаются с огромной быстротой в самые отдаленные уголки нашей планеты. Это очень сближает все страны и народы. Новые политические и социальные идеи, новейшие течения в музыке, литературе, а также в социальной жизни народных

масс переносятся из одной страны в другую и влияют на их жизненный уклад. Особенно чувствительна в этом отношении молодежь. Все перемены в одежде, внешности, (например, длинные волосы у юношей), употребление наркотиков, взаимоотношения полов, усиление преступности и т. д. — передаются при посредстве радио и телевидения с быстротой молнии из одного конца мира в другой. Даже тоталитарные режимы бессильны бороться с этими влияниями.

И наш Израиль не свободен от этого. Нет возможности в рамках одной статьи разъяснить подробно все перемены, имевшие место в повседневной действительности Израиля за последние 10-15 лет. Факт тот, что многие нормы нашего общественного поведения — скромный образ жизни, пионерский дух, сочетание частных и государственных интересов, уважение физического труда и т. д. значительно ослабели. Вместо них укрепились другие — менее положительные черты — эгоцентрический карьеризм, не считающийся с нуждами общества, стремление к стяжательству, к роскоши и т. д., появились признаки почти презрительного отношения к моральным и социальным принципам. Идеализм вышел из моды и был частично заменен грубым материализмом. Усилились и умножились преступность, насилие, вымогательство, употребление наркотиков и т. д. Хотя во всем этом мы еще далеко «отстаем» от многих высокоразвитых стран мира, но при наших политических условиях и эти отклонения очень вредны для нашего общества, перед которым стоят

еще весьма трудные и великие задачи.

Но при всей критической оценке многих отрицательных явлений в нашей израильской действительности за последние несколько лет, мы не должны терять общей перспективы; каждый объективный наблюдатель должен подчеркнуть, в первую очередь, те огромные достижения в важнейших областях нашей жизни — в экономике, в образовании, в науке, в социальной и культурной жизни отсталых слоев нашего населения, в искусстве, в строительстве и в перманентной абсорбции сотен тысяч новых олим, число которых растет из года в год. Все это в период непрерывного военного напряжения, борьбы с растущим арабским террором и т. д.

Можно сомневаться в том, смогли бы многие нации, более многочисленные чем маленький Израиль, устоять и справиться со столькими трудностями и проблемами. На эту тему можно еще сказать гораздо больше, но мы вернемся к статье тов. Амика.

Он начинает с того, что он смущен(?) вопросом друзей, оставшихся «там»: «Почему вы не пишете?». Он не знает, как поступать, что делать...

На это есть один ответ, тов. Амик, Вы можете и должны писать Вашим друзьям, и писать им всю правду, рассказать и про темные стороны, с которыми Вы сталкиваетесь, с трудностями — объективными, субъективными и личными — на пути приспособления к новой жизни и новым условиям и даже нравам, но рассказать и про большой свет, про все огромные достижения, которые видны на каждом шагу, про

чудесную молодежь (типы «Рехов Дизенгоф» в Тель-Авиве представляют лишь малую, гнилую «накипь»), которая героически стоит на наших границах, о многих сотнях молодых юношей и девушек, которые и теперь оставляют теплые семейные очаги в городах и уходят в самые отдаленные углы Голанских высот, Иорданской долины и Негева, чтобы основать новые поселения, создать новые очаги жизни. Вы должны говорить и о кипящей созидательной деятельности, которая бурлит на каждом шагу. И вы должны прибавить — и на этом я закончу на сей раз — что мы «новые сионисты» так же, как и все прошлые волны сионистов всех толков, должны принять нашу историческую родину такой, какая она есть со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Нельзя нам, «сверхсионистам», стоять как снобам в стороне и свысока критически поводить носом.

Новые олим должны примкнуть и слиться с теми творческими силами, которые непрерывно и безустанно трудятся, чтобы построить израильское об-

щество на основах национальной и общечеловеческой культуры, плодотворного труда, взаимной помощи и социальной справедливости. Только такой Израиль будет способен справиться со всеми трудностями и устоять перед всеми опасностями, грозящими ему.

На этой основе не только возникает возможность, но и существует настоятельная необходимость объединить все творческие силы сионистски настроенных олим с широкими кругами ватиким и молодежи (уроженцев страны) для совместной борьбы против отрицательных явлений в нашей действительности, за укрепление ее положительных сторон.

Это требует выработки конкретной программы действий во всех важнейших областях нашей жизни, как государственной, так и общественной.

Но детальный и конкретный обзор подобной программы и ее обоснование выходит уже далеко за пределы настоящей статьи.

**А. СОНИН,
Тель-Авив.**

О Б О Д Н О М П О Д В И Г Е И О Б О Д Н О Й Ф А Л Ь С И Ф И К А Ц И И

В конце 1963 года я был вызван в КГБ. Дело касалось «Баллады о Девятом форте», написанной мною на идиш и посвященной памяти погибших. Я прочитал ее в день девятой годовщины на памятном митинге.

— Почему вы говорили только об евреях? — спросили меня сотрудники КГБ.

— Убитые на девятом форте были евреями. Все были евреями...

— Это сионизм, и мы не позволим вам вести сионистско-националистическую пропаганду.

Прошел год. Меня вызвали снова. И не только меня. Нам запретили собираться на поле, где пали наши товарищи по форту.

— Не занимайтесь самодеятельностью, — сказали мне на этот раз. — Когда нужно будет — сами организуем митинг. Передайте это своим...

Так и повелось. Они запрещали, а мы собирались. Два раза в год, в день большой гитлеровской акции и в годовщину побега, евреи поминали «Кадисшем» и «Изкором» погибших.

Это были полные скорби сборы. Они были живым укором тем, кто столько лет скрывал истину. Обреченные на смерть узники Девятого форта, совершившие дерзкий побег были евреями. Один еврей. Будь среди них литовцы, русские — кто

угодно — увековечила бы их имена советская литература или, скажем, «Песня о Героях Девятого форта», несгибаемых, сильных духом сыновьях. Но ведь те, кто совершили побег, не были сыновьями, лишь пасынками. И от них постарались откреститься.

Власти беспокоились. Как все-таки оставить подвиг, да только чтобы без евреев. Пусть сами же евреи, покорные и трусливые, станут виновниками своей гибели. И пришла властям мысль вот так просто заманить евреев русскими и литовцами. Впрочем, евреями можно чуть-чуть разбавить. Забыли только советские власти, что живы еще участники побега и о подвиге евреев на Девятом форте будет поведано потомкам.

ДЕВЯТЫЙ ФОРТ. МЕСТО, ОТКУДА НИКТО НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

«...Сюда приводят только на расстрел или же для другого, что страшнее смерти...», писал Арон Виленчук, бывший узник 9 форта, приехавший недавно в Израиль.

...В проем двинулась человеческая масса. Скачут, будто стреложенные, гремя оковами. Вместе с людьми врывается в проем

удушливый запах трупов. Всех выстраивают. Гитлеровец проворно обшаривает людей и бросает «улов» в металлический ящик. Стреленная человеческая масса продвигается к узнику, сидящему у наковальни. Тупыми заученными ударами сбивает он с ног кандалы. Мрак сырых, зловонных коридоров. Грохот металлических лестниц. Жуткое эхо. Камера. Нары в два этажа. Холод леденит сердце. Девятый форт. За ним остались надежды... Мы точно знаем — отсюда никто не возвращается.

* * *

В начале ноября 1943 Девятый форт, место массовых расстрелов, неожиданно обнесли трехметровым частоколом. Усилилась охрана. В километре от форта щиты предупреждали каждого, кто приблизится к нему, о расстреле на месте. Советская армия двигалась на Запад, немцы торопились замести следы. Запылали костры. Трупная гарь клубилась по земле, окутывая все вокруг на многие километры. Узники Девятого форта под дулами автоматов обслуживали «каунасский костер» из человеческих тел.

Десятки тысяч евреев Европы, погребенных на этом куске земли, извлекает экскаватор. Зубья ковша вгрызаются в землю и извлекают из нее человеческие останки. Потрясенные, обезумевшие от ужаса, освобождают узники ковш от трупов.

— Руками, руками! Быстрой, — в такт ударам приклада вторит гитлеровец. Трупы тщательно осматривают, наваливают на носилки и несут через поле к

штабелям. Огромная гора из человеческого мяса переплетается с коленьями. Гитлеровцы ведут строгий учет сложеным в штабеля трупам. Триста тел — костер.

КТО ВЫ, БЕЗЫМЯННЫЕ ЖЕРТВЫ? КАК ВАШИ ИМЕНА, БРАТЯ НАШИ? ЧТО ЗНАЕМ МЫ О ВАС? СКОЛЬКО ВАС ИЗ ТЕХ ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ, ЧТО НЕ ДОСЧИТАЛИСЬ МЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ?

Будто только сейчас услышанный, звучит в моих ушах рассказ покойного Израйля Гитлина. Поведал он как-то мне свой разговор с «Толстым Гансом»:

— Господин часовой, кто эти люди? —

— Эти? Их убили русские в 1941 году.

— Я узнал среди трупов своего товарища Шавельского, я нашел его документы... Его привезли сюда из Каунасского гетто.

— Здесь лежат международные преступники, — бесстрастно ответил Ганс. Гитлин поднимает из ямы труп ребенка и кричит:

— Вот самый большой международный преступник! В огонь его!

Часовой ухмыляется.

— Быстрее! В огонь! Брандмейстер, отметить!

Костры горели долго, а когда дотлевали, немцы приказывали развевать по ветру пепел и смешивать его с землей.

Спешили, торопились. Комиссия из самого Берлина торопила. Это означало, что дни живых сочтены. Каждому из нас было ясно, что фашисты не оставят

свидетелей. Вот уже показалась последняя траншея с трупами, а там и последний штабель трупов... тогда и конец.

...А пока ежедневно, точно по расписанию, из ворот казематов выходят шестьдесят кандалников и движутся к траншеям-могилам. Кандидаты на тот свет методически сжигают массу из человеческих тел и, молча глядя на грязнокровавое жирное пламя костра, думают о своем череде.

* * *

Для ликвидации массовых могил гитлеровцы создали специальную часть под кодовым номером «1 005». Она подчинялась управлению Эйхмана. Осенью 1943 года особый отряд «1 005 Б» (зондеркоманда «1 005 Б») во главе с оберштурмфюрером Рудольфом Радифоп начинает действовать в Каунасе на Девятом форте. В помощь зондеркоманде «1 005 Б» нашли рабочую силу из десяти военнопленных евреев, что остались в живых из шестисот... С сорок первого эти шестисот обреченных закапывали могилы с трупами и рыли новые. К тому времени, когда их осталось лишь десять, немцы привели еще двадцать семь. Эти уже не были евреями, но многих из них выдали товарищи по плену как жидов и комиссаров. В зондеркоманду были переданы еще четырнадцать подпольщиков боевой организации Каунасского гетто. Все они были задержаны, когда пробирались в партизанские отряды. Будто бы для выгрузки угля в Форт загнали из гетто девять сильных мужчин, схваченных в городе без желтой

звезды. Лишь трое русских, трое братьев Кургановых, крестьян из Ионавского района, было среди узников форта. Там, среди этого скопища обреченных, были беженцы из Польши. Варшавский адвокат Владислав Блош, ныне здравствующий член кибуца Тель-Ицхак, в прошлом актер Миша Гильбтрук, раввин Шустерман, лейтенант польской армии Герман Рубинфельд.

С того времени, как появились на «фабрике смерти» подпольщики и партизаны Каунасского гетто Алтер Файтельсон, Мейше Зимилевич, Арон Вилечук, Аба Дискант, Тевия Пиловник, Шимон Эйдельсон, Пиня Кракиновский и др.) атмосфера на форте изменилась. Они принесли нам вести из внешнего мира, от которого мы были начисто изолированы. По ночам, на нарах, рассказали они нам о своих планах. Вдруг зажглась искра надежды и тут же вдруг угасла... И все-таки мечты, несбыточные, казалось бы фантастические в тех условиях, роились. Выжить, во что бы то ни стало выжить...

В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Мечтали о побеге. Этим жили. С этой мыслью открывали по утрам глаза, с нею погружались в тяжелую дремоту. Нужно выжить, чтобы рассказать... Рождаются отчаянные планы. Но поначалу нужно проверить людей. «Прощупываем» заключенных: что лучше — гибель в открытом бою или смерть на костре?

Начались поиски выхода из форта. Изучили всю крепость. Укралки кирки и лопаты. Шимон

Эйдельсон, партизан каунасского гетто, три дня рыл колодец. На четвертый день наткнулись на глухую бетонную стену.

Появился второй вариант побега: во время вечерней поверки, когда эсэсовцы расходятся по камерам, мы нападём на них, обезоружим, уничтожим ножами и бритвами, заберем ключи и, переодевшись в их форму, захватим дежурное помещение. План был слишком рискованным и потому почти безнадежным. По первому выстрелу сбежались бы все охранники с соседних хуторов. Но мы не отказались от этого варианта, оставив его на крайний случай.

Отчаяние рождает надежду, надежда — крылья.

Саша Подольский, его мы называли «Сашка старший», был здесь старожилом. Одним из шестисот, брошенных на рытье траншей смерти в самом начале массовых расстрелов, он изучил каземат, и рассказал узникам, что в конце его, за лестничной клеткой есть дверь, ведущая в темную камеру, заваленную хламьем. В камере есть и другая дверь. Куда она ведет — никто не знает. Ребята проверили всю систему тоннеля. Она оказалась сложной. Лучшие русские фортификаторы, строили эту систему-лабиринт много лет. Оказалось, что за дверью, заваленной хламьем, начинается подземный коридор, по которому можно выбраться во двор, а оттуда по заваленному дровами подземному тоннелю в зону, где нет часовых. После этого нужно спуститься с откоса, перебраться через крепостную стену и пройти заграждения. Был избран этот план побега.

На форте работали мастерские. Военнопленный Шахов, кузнец-умелец из Пятигорска, мастерил гитлеровцам разные мелочи: мундштуки, зажигалки. Шахов смастерил для нас несколько небольших сверл. Мендл Хас из столярной мастерской, где изготовлялись игрушки и посылочные ящики, в которых гитлеровцы отправляли награбленное у умерщвленных жертв добро, дал нам бурав. Среди узников находился воспитанник «Орта» Пиня Кракиновский. Он взялся пробуровать лаз в железной двери. Ему приходилось всячески изощряться, чтобы не ходить на работу и, тайком пробравшись в темную камеру, сверлить без усталы, пока многочисленные отверстия, превратившись в одно, не дадут возможности отогнуть металл. Пиня прикидывался больным, а вместе него ходили действительно больные товарищи. Это было рискованно. Людей, которые долго хворали, немцы пускали в расход. Пиня пошел на этот шаг во имя нашего дела...

Работал он при тусклом свете копилки. Его охраняли товарищи, и чаще других повар из Ленинграда Володя Санкин.

Сколько же требовалось бесстрашия, изворотливости, напряжения сил, чтобы просверлить в железной толще двери триста отверстий. Уже в первую неделю поломались сверла. Из старых карманных ножей, найденных нами у покойников, Шахов смастерил новые сверла.

Руки у Кракиновского превратились в рваные раны, кровоточили, распухли и ныли колени. Приходилось долгие часы работать, лежа на ледяном

каменном полу. Но судьба «улыбнулась» нам — тяжелая броня вдруг начала поддаваться. Лаз был готов.

До поры до времени, нужно было скрывать этот лаз. Пиня заткнул лаз тряпьем, замазал глиной.

Чтобы осуществить следующий этап побега, нужно было извлечь дрова, которыми был забит тоннель. Ребята сказали эсэсовцам, дескать, доставьте сухих дров, и работа пойдет быстрее. Немцы торопились. Была отдана команда таскать сухие дрова из подземного склада — тоннеля.

Уже были приготовлены ключи к камерам, детали для лестниц. Все это тайком переносилось и пряталось под нарами в камерах. Дату побега назначили в ночь под рождество. Охрана, решили мы, тогда уже наверняка перепьется. Ведь даже заключенным «за усердие» была обещана водка.

25 декабря 1943 года в 9 часов вечера, после того, как караульные заперли каземат, мы были готовы к побегу. Камеры, в которых находились узники, отделялись от коридора железной решеткой.

За несколько дней до побега Кракиновский и Пиловник сбилили заклепки с одного из прутьев. А когда пришла пора, Шимон Эйдельсон отогнул прут, вылез в коридор и подделанным ключом отпер все камеры. Больные, измученные, потрясенные виденным, ожили смертники. Скоро, скоро наступит избавление от этого ада.

— *Alca jacta est*, — прошептал Абрам Манейский,

— Свобода или смерть! — сказал Мишка-Бродяга (Миша Эстис), электромеханик из Одессы.

И ТОГДА НАЧАЛОСЬ...

Организаторы побега оказались правы, избрав для побега ночь под Рождество. Охрана, как предполагали, действительно перепилась. В тревожной ночной тиши раздавались их хриплые пьяные голоса.

...От каземата до тоннеля было несколько десятков метров. Чтобы пройти по снегу незамеченными, спили из простыней длинное покрывало. Двое держали покрывало, под ним пробегало несколько человек. Покрывало передавалось из рук в руки ожидавшим своей очереди.

Валил снег, и засыпал наши следы.

Уже позади осталась крошечная тьма тоннеля. К подножию высокой бетонной стены спускались, по заснеженной насыпи, будто в детстве с горки. Из полос разорванного одеяла мигом связали припасенные деревянные лестницы. «Переход Суворова через Альпы» — имел еще мужество сосрять Манейский.

Первым взобрался на стену Мишка Эстис и сверху опустил по другую сторону веревочную лестницу. Он привязал ее к столбу провелочного заграждения, прорезав кусачками лаз в колючей проволоке.

Глазам узников открылось безмолвное заснеженное поле. Вдали мерцали редкие огоньки. О как прекрасна ты, жизнь! Какое это счастье — свобода! Но куда теперь?

...И ОНИ ЗАПАГАЛИ ВПЕРЕД

Горсточка обреченных евреев совершила побег под неуспынным оком фашистских палачей.

Так была вписана еще одна прекрасная страница в историю подвигов нашего народа, страница, повествующая о трагической борьбе еврейства с фашизмом.

Не все из них, пережившие смерть, дожили до освобождения. Одну группу, что пробиралась к партизанам в Гайжюньские леса, фашистам удалось достигнуть. Группа, которая пробиралась в гетто, была там надежно спрятана и переправлена в партизанский отряд «Смерть оккупантам». Перед уходом в лес товарищи из этой группы написали о гитлеровских злодеяниях на Девятом форте. Они сохранили и вещественные доказательства, которые находились в еврейском музее Вильнюса после освобождения и до разгрома музея в 1948 году. Им удалось вынести и две зарисовки ленинградского парня Анатолия Гарника.

Сегодня из ребят, совершивших побег, в живых осталось лишь четырнадцать. Сразу же после войны прибыл, тогда еще в Палестину, Миша Гильбтрук. Ивня Бракиновский, Алтер Файтельсон, Арон Виленчук приехали в страну недавно. Несколько из наших товарищей пали смертью героев при исполнении боевых заданий в партизанских отрядах. Анатолия Грана бело-русские партизаны расстреляли, не разобравшись, кто он и откуда.

* * *

В Каунасе и по сей день стоят эти казематы. В крохотном музее тусклые фотографии, кандалы, куча золотых зубов — мертвые, безмолвные свидетели сгоревших на фашистских кострах жизней.

А память о погибших — где она? А память о героях?

Еврейские имена и лица давным-давно исчезли из экспозиции. Их место заняли русские, литовцы, которых было очень, очень мало на Девятом форте. Постепенно музей Девятого форта превратили в музей, рассказывающий посетителям о Коммунистической партии Литвы и ее руководителях. В рассказах гидов побег евреев упоминается вскользь. Ведь главное оказывается, то, что до прихода Советов в Литву, форт был местом заключения коммунистов, а это куда важнее.

В прессе, в книгах, памятных альбомах историческая правда уступила место откровенной фальсификации.

П. Штарас, к примеру, в своей книге «Партизанское движение в Литве в годы Великой Отечественной войны», говоря о Девятом форте, ни одним словом не упомянул евреев. Будто их там и не было...

«В 1943 году, — пишет он — на Девятом форте в Каунасе они (т. е. немцы — прим. автора) начали откапывать и сжигать 80 000 трупов, расстрелянных ими людей. Эту работу они заставили выполнять советских военнопленных и арестованных каунаских комсомольцев-подпольщиков».

В сборнике «Гитлеровская оккупация в Литве», в статье П. Кежинайтиса «Литва под властью

гитлеровских убийц», автор, описывая фабрики смерти, опять фальсифицирует факты, утверждая, что на Девятом форте погибло во время оккупации 80 000 людей, среди которых не менее 35 тысяч евреев, много тысяч литовцев и даже 10 тысяч иностранцев, специально привезенных гитлеровцами из Франции, Австрии, Чехословакии, Польши и других стран. А ведь известно, что все эти французы, австрийцы, чехи, поляки были евреями.

Даже такой, казалось бы порядочный человек, как бывший председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР и долгое время бессменный Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкис в статье «Юность Октября», опубликованной в журнале «Мелодия Гвардия» к 50-летию Октябрьской революции, позабыл упомянуть хотя бы слово «еврей». Он писал.

«Среди 64 легендарных героев, бежавших из гитлеровского лагеря смерти — Девятого форта Каунасской крепости — в ночь на 25 декабря 1943 года, подавляющее большинство составляли члены подпольной комсомольской организации и Комитета освобождения».

В альбоме «Партизаны Литвы», выпущенном на литовском, русском и английском языках, претендующем, конечно, на абсолютную объективность и правдивость, не обойден тот факт, что в Литве было истреблено 700 000 человек. В нем упоминаются Панары у Вильнюса, каунасские форты смерти, Пивения близ Укмерги, десятки боров Литвы, которые свидетельствуют о кровавых злодеяниях

гитлеровцев и их литовских пособников.

Но как освещаются факты? Близки ли они хоть сколько-нибудь к истине?

«Здесь расстреливали и сжигали советских людей». «Казематы Девятого форта. У этих стен гитлеровские палачи истребили 80 000 человек». «На стене камеры смертников сохранились предсмертные слова. (На снимке предсмертная надпись француза Жюля Герскеветса на стене Девятого форта). «Паспорт австрийской подданной Гелены Вайе, найденный на Девятом форте. Ее убили здесь в начале декабря 1941 года...» и т. д. и т. п.

Так кто же были эти «советские люди, австрийская гражданка, все эти французы, бельгийцы и проч. и проч.». Евреи из Литвы, Австрии, французские евреи из лагеря Дранси...

И сегодня еще вы встретите следы надписей на стенах каземата. Прочитайте их: Нехемия Шарлес из Парижа, Карл Илман, из Дранси, Вольф Зальцштейн из Брюсселя, Гарри и Феликс Клейны из Парижа, Лев Марсель из Ванденгейма...

С болью выходили евреи, посетители музея после просмотра фильма «Шаги в ночи» (производство Литовской киностудии сценарий В. Мозурюнаса, режиссер Р. Вабалис). Этот фильм рассказывает о побеге с Девятого форта литовцев и русских, что побег организовали опять же литовцы и русские. И только в эпизоде увидели мы жалкую карикатуру, эдакого, маленького, местечкового еврея, знакомого нам по рассказам Шолома Аша, или Шолом-Алейхема, который

отрешенно молился перед смертью...

Когда создавался этот «документальный» фильм, мы, бывшие узники форта и участники побега, зная во что выльется вся эта затея (благо — научены горьким опытом), наотрез отказались сотрудничать со съемочной группой. Даже на роль молящегося, тяжело было им сыграть исполнителя этой роли.

Почему все таки советские власти боятся даже наших мертвецов? Какие цели преследуют они, фальсифицируя факты, так цинично, бесчеловечно оболгав их.

Весь мир знает о том, что не было ни одного гетто, ни одного концентрационного лагеря, где бы евреи не встали на борьбу с фашизмом. Мы были одиноки — голые среди волков — но мы боролись, мы защищали доброе имя ЧЕЛОВЕК. И мы думали не только о себе...

Так почему же все-таки советские власти так боятся сказать людям правду? Ведь известно же кто скрывает правду, сам становится соучастником преступления.

Сейчас мы можем говорить о подвиге узников Девятого Форта во весь голос.

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУСТАВЕЛИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Совсем недавно Научный Картвелологический комитет имени Дова Гапонова получил часть рукописей покойного поэта и переводчика. Среди них имеется и серьезное, научное исследование Дова (Бориса) Гапонова «Библейские мотивы в творчестве Руставели».

Статья Д. Гапонова писалась параллельно с переводом грузинского эпоса Шота Руставели на иврит. Это первое, в своем роде, исследование, в котором подробно анализируются и освещаются сложнейшие вопросы сюжетно-тематических сопоставлений и соприкосновений творчества грузинского поэта XII в. с Библией. Настоящее исследование Дова Б. Гапонова является первым руствелологическим трудом, касающимся грузинско-еврейских литературно-поэтических контактов. Автор попытался проследить в поэме «Витязь в тигровой шкуре» два рода библейских реминисценций: первый — это цитаты, перефразировки, ассоциации и т. д., второй — собственно библейские мотивы.

Рукопись исследования Дова (Бориса) Гапонова «Библейские мотивы в творчестве Руставели» подготовлена к печати Научно-Картвелологическим комитетом.

Ицхак ДАВИД.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре» гениального грузинского поэта Шота Руставели удостоилась тщательного изучения и многосторонних исследований, образовавших отдельную ветвь литературоведения — руствелологии. Установлено, что Руставели был чрезвычайно образованным для своей эпохи человеком, владел несколькими языками, глубоко знал западную и восточную философию.

В комплекс тогдашнего образования входило изучение Библии, в составе которой имеются такие блестящие литературные памятники, как книги Исаяи, Амоса, Иеремии, Псалмы, Песня Песней, Притчи Соломона и др. Вполне естественно, что в творческом подсознании Руставели звучали многочисленные библейские изречения, ассоциации, образы и сюжеты, которые действительно, вкраплены и вплетены в яркую, цветистую ткань поэмы.

В процессе перевода «Витязя в тигровой шкуре» на иврит* я выя-

* Вышел в свет в издательстве «Сифриат Поалим» («Рабочая библиотека»). Тель-Авив, 1969.

вил места, вызывающие библейские ассоциации (в таких строк и строф оказались сотни!), чтобы придать переводу соответствующее звучание.

Как известно тема библейских мотивов в творчестве Руставели еще не ставилась. Тема эта при тщательном рассмотрении материала, оказывается весьма обширной, требующей большого труда, поэтому данная статья, являясь лишь постановкой проблемы, не претендует на более или менее полный охват.

Доложено 24 ноября 1969 г. в Кавказском кабинете Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР.

I

В поэме «Витязь в тигровой шкуре» прослеживаются два рода библейских мотивов: первый, лежащий, так сказать, ближе к поверхности, — это цитаты, перефразировки, контаминации, ассоциации и т. п.; второй род влияния, более глубинный, состоит в использовании сюжетных библейских мотивов.

От цитат, приводимых в поэтическом произведении, нельзя, конечно, требовать точности, тем более, если они приводятся в произведении XII-го века и автор не указывает источника. А Руставели на всем протяжении поэмы последовательно придерживается этой тактики: цитаты он творчески перерабатывает, а на источник не указывает нигде, — кроме двух случаев, когда у цитируемого автора данной цитаты не обнаружено...

Таких «мнимых цитат» в поэме две:*

177

Об этом свидетельствует мне Дионис мудрый Эзрос:

Достойно сожаления, когда роза зацветает и продрогнет.

Повидимому, имеется в виду современник Руставели — живший в Испании еврейский поэт Моше ибн Эзра и арабский перевод сборника его стихов — «Диван» (в греческой транскрипции — «Диванос», «Дионис»). Однако, в дошедших до нас произведениях этого поэта** указанного сравнения нет; кроме того, оно чуждо складу его творчества. Можно лишь констатировать, исходя из данного упоминания, что произведения Моше ибн Эзра были известны и почитаемы не только самим Руставели, но и просвещенным читателям.

789

Осмелюсь высказать тебе одно слово, сказанное в поучение Платоном:

«Ложь и двуличие вредят плоти, затем и душе».

Такого изречения у Платона также не обнаружено.

Чем же вызвано то, на наш взгляд парадоксальное, обстоятельство, что приводя мнимые цитаты, Руставели ссылается на источники, а цитируя действительно сказанное, он таких источников не указывает?

* Здесь и далее текст поэмы в дословном переводе.

** См. «Сокровищница еврейской поэзии в Испании». («Опар шират иשראל би-Сфарад») под. ред. Х. Н. Бялика и И. Х. Равницкого, т. 7, 1928, Тель-Авив.

Мнимы́е цитаты — это, разумеется, не что иное, как поэтическая воля́ность, причины которой можно только предполагать. Например: желание популяризировать полюбившегося поэта; стремление заинтересовать учением великого философа. Однако таких побуждений не могло быть у Руставели в отношении Библии, которая в его эпоху широко изучалась, как основа христианской религии и, следовательно, указания на источник (причем не цитируемый слово в слово) были бы не всегда уместны в поэтическом произведении.

В качестве иллюстрации к сказанному можно привести несколько реминисценций Руставели из Пятикнижия, сюжеты которого были широко известны в руставеловскую эпоху:

409

Тьма моего сердца озарилась, радость стояла над ним как столп.

Это сравнение сразу вызывает ассоциацию с библейским рассказом об облачном столпе, озарившем тьму (Исход 13, 21):*

«Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им...».

Строфа 811 — молитва Автандила — вызывает у просвещенного современника Руставели целый пучок ассоциаций из Пятикнижия (а также других библейских книг);

У тебя прошу поддержки, какой бы путь я ни прошел

Если выживу, то буду служить тебе, буду приносить тебе жертву.
Бытие 28, 20—22:

«И положил Иаков обет, сказав, если (Господь) Бог будет со мною и сохранит меня на пути сем, в который я иду, и я в мире возвращусь в дом отца моего, то будет Господь моим Богом,... и из всего, что Ты, Боже, даруешь мне, я дам Тебе десятую часть».

Молитва Автандила явно ассоциируется с молитвой Иакова, бежавшего от своего брата Исава; Автандил, также, как и Иаков, ставит Богу условие: если выживу (Иаков; возвращусь в мир), то принесу тебе жертву (Иаков: дам тебе десятую часть).

Руставели цитирует хорошо известные его образованному читателю библейские книги Иова, Экклезиаста, Притчей, Исаяи; но он не просто цитирует, а творчески перерабатывает в соответствии с национальным духом своего произведения. Так, в книге Иова 2, 10 говорится:

«...Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?».

А у Руставели:

726

Если мы хотим радости от Бога, — примиримся же и с горем.

Экклезиаст 7, 1:

«Доброе имя лучше дорогой масти» (елея, оливкового масла. — Б. Г.); а в Притчах 22, 1 — в более общей форме: «Доброе имя лучше

* Здесь и далее библейский текст цитируется по изданию «Библия», СПб. 1897.

большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота». В эпоху и в местности написания первого из двух данных изречений оливковое масло было широко распространено и могло стать источником богатства. В Грузии же, в иных географических и социальных условиях, источники обогащения были совершенно другие, и поэтому Руставели предпочитает более обобщенную, афористическую форму абсолютного утверждения:

799

Лучше приобрести славу, чем любое приобретение!

Известное пророчество Исайи (11, 6):

«Когда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком...».

Говоря о всеобщем мире и благоденствии, установленном в царствах Таризэля, Автандила и Фридона, Руставели обращается к этому пророчеству и говорит:

1664

В их владениях коза и волк паслись вместе.

В поэме «Витязь в тигровой шкуре» имеются уподобления и перифразировки слов, которые Библия вкладывает в уста своих персонажей. Так, в ответном письме Таризэлю взбунтовавшийся против Индии хатыйский царь Рамаз пишет следующее:

400, 401

«Кто такой ваш государь? Что он за господин над нами?

. ;
. ;

Да не увижу я более твоих писем!».

В Библии подобные пренебрежительные слова говорят несколько персонажей:

Фараон Моисею (Исход 5, 2; 10, 28):

«...кто такой Господь, чтобы я послушался голоса Его?...

Берегись, не являйся более пред лице мое...»

Гаал сын Еведов жителям Сихема (кн. Судей 9, 28).

«... кто Авимелех и что Сихем, чтобы нам служить ему?»

Когда в ответ на это дерзкое письмо Таризэль выступает в поход на Рамаза, то притворяется покорным и пишет Таризэлю:

422

«Без разорения предоставим мы тебе себя, детей, скот».

Эти слова представляются нам «цитатой наоборот» слов библейского персонажа царя Содомского (Бытие 14, 21);

«И сказал царь Содомский Авраму: отдай мне людей, а имение возьми себе». А царь Рамаз отдавал людей, лишь бы не разорил его имения...

Особое внимание в смысле библейских ассоциаций обращает на себя строфа 1081, открывающая главу «Любовь Фатьмы к Автандилу»:

Лучше удалиться от женщины, насколько кто может терпеть:

Она завлекает и прельщает тебя, вызовет доверие и доверится,

Но внезапно изменит тебе, рассечет то, во что вонзится,

И потому женщине нельзя доверять никакую тайну.

Таково содержание строфы. Вслед за нею следуют: любовное по-

слание Фатьмы к Автандилу, его ответ, убийство Автандилом бывшего возлюбленного Фатьмы и наконец — ее рассказ о Нестан — Дареджан. После всего этого подробного и долгого повествования (183 строфы!) Автандил как раз открывает Фатьме свою тайну (о том, что он разыскивает Нестан — Дареджан), и — вопреки вышеприведенной сентенции — это ведет лишь к благу... Таким образом, строфа 1081 явно выпадает из контекста и даже противоречит ему. Исходя из этого, можно рассматривать данную строфу в отрыве от контекста, как навеянную ситуацией Автандил — Фатьма и тем, что в дальнейшем ему предстояло поведать ей свою тайну. Это рассуждение приводит нас к следующему выводу: говоря, что следует избегать женщины и не доверять ей тайны, Руставели видел умственным взором историю Самсона и Далилы (кн. Судей 16, 4—21), идея которой в точности соответствует содержанию строфы 1081...

В поэме «Витязь в тигровой шкуре» несколько раз упоминаются библейские географические названия, используемые автором для образования сражений. В строфе 331 Таризель говорит о Нестан-Дареджан, что она росла как древо, насажденное в Гаваоне. Гаваон — город в древней Палестине, который упоминается в книгах Иисуса, во второй и третьей книгах Царств, в книгах Паралипоменона, в книге Наума, а также в книге Иеремии (41, 12), где говорится:

«... у больших вод, в Гаваоне».

Известно, что это была плодородная, хорошо орошенная местность.

Руставели упоминает реки, которые, по библейскому сказанию, вытекают из рая (Бытие 2, 8—14): Фисон, Гихон (или Геон), Хиддекель (- Тигр, у Руставели — в арабском произношении «Дидила») и Евфрат. Из них в поэме названы три последних:

В строфе 694 говорится о Тинатии:

Воды Евфрата обильно оросили насажденный в Эдеме стройный тополь,

В строфах 332 и 650 слезы сравниваются с волнами реки Тигр;

Лишь льются слезы из глаз подобно течению Тигра.

Достаточно и для Тигра слез, лившихся из его глаз.

И, наконец, о реке Гихон (Геон, у Руставели — в арабском произношении «Джеон») говорится в строфе 749, в чудесной метафоре, которая перекликается с библейской. В книге Иеремии 9, 1 читаем:

« О, кто даст голове моей воду и глазам моим — источник слез!».

Руставели же говорит:

Не возьму я его слез, даже если бы из глаз моих тек Гихон!

В строфе 1248 Фатьма описывает Автандилу волшебные качества кудесников — каджей:

«Сотворят нечто удивительное, ослепят глаза врага,

Поднимут страшный ветер, ввергнут корабль в море,

Как посуху пробегут, осушив воду начисто.

Захотят — превратят день во тьму, захотят — озарят мрак!»

Все четыре перечисленные волшебства описываются в Библии как чудеса Божьи:

1) слепота, или ослепление:

«Людей же, что у входа в дом, (ангелы Б. Г.) поразили слепотою». (Бытие 9. 11).

2) губительная буря:

«Но Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря, и корабль готов был разбиться» (кн. Ионы 1,4);

3) осушение моря:

«...и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею; и расступились воды» (Исход 14, 21);

4) превращение дня в ночь и обратно:

«Кто сотворил семизвездие и Орион и претворяет смертную тень в ясное утро, а день делает темным как ночь...» (кн. Амоса 5, 8).

Таким образом все чудеса, которые Руставели приписал каджам, являлись, по сути дела, прерогативой господа бога...

По воплощению и перевоплощению библейских мотивов совершенно замечательна строфа 1046, каждая строка которой — это реминисценция из Библии:

Человек, не гордись силой и не похваляйся как пьяный:

Ничего не даст тебе мощь, если не поможет божья сила;

С большими деревьями справится и сожжет их малая искорка;

Если бог тебе покровительствует, то одинаково рассечет,

ударит ли ты кого деревяшкой или мечом.

Первая строка этой строфы — «Не гордись силой и не похваляйся» — это почти буквальная цитата из книги Иеремии 9, 23:

«... да не хвалится сильный силою своею...».

Вторая строфа — «Ничего не даст тебе мощь, если не поможет божья сила» — представляется парафразом из Псалмов 59, 13—14:

«... защита человеческая суетна. С Богом мы окажем силу...».

В третьей строке — «С большими деревьями справится и сожжет их малая искорка» — сопоставлены две враждебные силы; горючий материал и огонь. Подобное противопоставление имеется в двух местах Библии — в книге Исаии 1, 31:

«И сильный будет отрепьем, и дело его — искрою; и будут гореть вместе, — и никто не потушит».

В книге Авдия 1, 16

«И дом Иакова будет огнем и дом Иосифа — пламенем,

а дом Исавов — соломою: зажгут его и истребят его...»

Однако Руставели не просто сопоставляет две враждебные силы — горючий материал и огонь, как это сделано в процитированных местах Библии, а подчеркивает, что именно меньшая сила может одолеть большую, подобно тому, как искра сжигает лес.

Четвертая строка: «Если бог тебе покровительствует, то одинаково рассечет, ударит ли ты кого деревяшкой или мечом». Это сопоставление невольно вызывает в воображении поединок Давида и Голиафа, описанный в первой книге Царств 17, 40—51. Вышедший победителем Давид имел при себе палку, метательные камни и пращу (были и пращи с деревянным ложем), Голиаф же был вооружен до зубов. Характерно, что Руставели противопоставляет мечу не дубину, палицу или какое либо иное деревянное оружие, а именно деревяшку («пеша»), как рассказывается в упомянутой книге (17, 43 и 50):

«И сказал Филистимлянин Давиду: что идешь на меня с палкою, (и с камнями)? Разве я собака?...».

«Так одолел Давид Филистимлянина пращею и камнем, и поразил Филистимлянина и убил его; меча же не было в руках Давида».

Это подкрепляет наше предположение о том, что поэт имел в виду Давида и Голиафа.

II.

Все сказанное о творческом использовании Руставели ветхозаветной тематики относится и к Новому Завету. В двух местах поэт даже дает общее указание на источник приводимых им цитат; но следует отметить, что в этих (новозаветных) источниках указанных цитат нет в том виде, в каком они даны у Руставели. В данном случае, однако, перед нами не «мнимые цитаты», о которых говорилось выше, а поэтическая интерпретация новозаветных тем.

Автандил в своем завещании царю Ростевану пишет:

790

Читал ли ты как апостолы пишут о любви?

Как говорят, как восхваляют? Признай, обрати внимание.

«Любовь возвышает нас», — звучат они как колокола.

Если ты не веришь в это, — как мне убедить неучей?

В писаниях апостолов нигде нет подобного выражения: «Любовь возвышает нас» (поэт имеет в виду любовь дружескую); однако, выражений, из которых можно извлечь подобный афоризм, у апостолов немало:

Первое послание Иоанна 4, 7—8:

«Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь».

Послание Павла к римлянам 13, 10:

«Любовь не делает ближнему зла (вспомним слова Автандила в том же завещании (798): «Незабвение любимого никогда не причинит нам ущерба!»); итак, любовь есть исполнение закона».

Первое послание Павла к коринфянам 8, 1;

«...знание надмевает, а любовь назидает»; и там же 13, 8:

«любовь никогда не перестает...».

Послание Павла к колоссянам 3, 14:

«Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» — и многие другие подобные изречения. Таким образом, Руставели мог с полным основанием сделать вышеупомянутую ссылку.

Вторая приведенная Руставели новозаветная цитата:

1045

Победит он в их войне, как желало его сердце.

Некоторые заклинали его: «Не убивай нас ради твоей веры!»

Не убил их, обратив в рабство тех, кто выжил от ран.

Истинно речет апостол: «Страх создает любовь».

Такого изречения также не обнаружено в канонических писаниях апостолов; Руставели мог, однако, вывести этот афоризм хотя бы из

Евангелия от Луки 5, 8—11, где рыбаки уstraшенные чудотворством Иисуса, полюбили его и стали его приверженцами — апостолами.

Наряду с этими двумя поэтическими интерпретациями в «Витязе в тигровой шкуре» имеются и почти точные новозаветные цитаты, хотя их источники опять-таки не указаны по вышеизложенному соображению. Вот три такие цитаты; две из них даны в следующей строфе:

II

Что кому дает судьба, — пусть довольствуется и говорит о том:
Труженик пусть постоянно трудится, воин пусть геройствует;
Также влюбленный пусть любит и познает свою влюбленность,
Ни сам не будет порицаем кем-либо, ни порицает других.

Мысль, выраженная первой строкой этой строфы, дана в Первом послании Павла к коринфянам 7,24;

«В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом».

Четвертая строка имеет два аналога в Новом Завете:

Евангелие от Матфея 7,1

«Не судите, да не судимы будете»;

Евангелие от Луки 6, 37:

«Не судите и не будете судимы».

Третья цитата:

939

В конце каждое скрытое дело проявляется явлю.

Этот афоризм почти слово в слово трижды варьируется в Новом Завете:

Евангелие от Матфея 10, 26:

«...нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано»;

Евангелие от Марка 4, 22

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу»;

Евангелие от Луки 8, 17;

«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

III.

После того, как библейские мотивы прозвучали для нас в поэме отдельными аккордами, — в виде цитат, уподоблений, перефразировок, ассоциаций и т. п., — мы можем уже с большей уверенностью и с большим основанием искать и находить в поэме и библейские сюжетные линии, которые негромко звучат то тут, то там сквозь симфонию руставелевского повествования.

Царь Парсадан приблизил к себе Тариэля и сделал его своим военачальником; затем царица Нестан-Дареджан посылает Тариэля в поход против хатайцев, обещая стать его супругой. Это сюжетная линия напоминает другую, а именно: как царь Саул приблизил к себе Давида, сделал его военачальником и обещал выдать за него дочь, если он убьет сто филистимлян (первая кн. Царств 18).

Автаңдил, отпраившись на поиски возлюбленной своего друга Таризля, скрывает на чужбине свое имя и пользуется услугами женщины легкого поведения, купчихи Фатмы так же, как посланные Иисусом Навином разведчики воспользовались услугами блудницы Раав (кн. Иисуса 2).

Когда Автаңдил, по просьбе Фатмы, убивает ее прежнего возлюбленного, то в доказательство приносит ее перстень, снятый с руки убитого. О доказательстве с помощью перстня рассказывается в библейской истории с Иудой и Фамарью (Бытие 38, 25).

Царь Рамаз, убоившись наступавшего против него Таризля, посылает ему подарки — и так же, по Библии, поступил Иаков перед встречей с обманутым им братом Исавом (Бытие 23, 14—16).

Царь Парсадан помиловал изменившего ему царя Рамаза, и Руставели горячо одобряет этот акт благородного великодушия (хотя ему, как автору известно, что Рамаз вторично изменит Парсадану, нападет на его страну и станет причиной его преждевременной смерти). Аналогичный случай описан в третьей кн. Царств 20: израильский царь Ахав милует разгромленного им арамейского царя Бен-Адада; однако Библия, в противоположность Руставели, не одобряет этого поступка и устами пророка говорит Ахаву (третья кн. Царств 20, 42):

«...за то, что ты выпустил из рук своих человека, закланого Мною, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа»...

За время отсутствия Таризля царь Рамаз напал на Индию и разорил ее. Возвратившись, Таризль разгромил Рамаза и вернул себе власть над страной. Подобный сюжет описывается в первой кн. Царств 30, когда Давид выступил в поход, оставив жен и все имущество в городе Секалаге, а в его отсутствие город был разграблен и сожжен амалекитянами. Погнавшись за ними, Давид разбил их и вернул из плена своих жен и имущество.

* * *

Предлагаемая статья, как уже говорилось, является только постановкой проблемы, поэтому некоторые ее положения могут быть дискуссионными. Однако, нет сомнения в том, что исследование библейских мотивов в творчестве Руставели может и должно открыть новую грань гениального грузинского эпоса.

ВО ИМЯ НАШЕГО НАРОДА И НАШЕЙ СТРАНЫ!

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ К ЕВРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

КОТОРАЯ СЕРДЦЕМ ПРЕДАНА СВОЕМУ НАРОДУ И СИОНУ*

Братья!

В то время, как наша истинная сионистская цель нам более или менее ясна, наше национальное и политическое возрождение на земле Сиона, пути, ведущие к ней, еще покрыты туманом, и блуждаем мы по ним больше двадцати лет.

Основными причинами наших заблуждений являются: наша склонность к скачкам и наша наивная вера в близость нашей цели и в легкость ее достижения. Эта наша преувеличенная вера вызвала то, что мы строили себе воздушные замки и в воображении нашем видели, как летим мы прямо к нашей цели, почти без труда и жертв с нашей стороны. Наша склонность к скачкам привела к тому, что мы пренебрегли долгой и трудной дорогой, которая, вероятно, есть самая надежная и правильная, а потому и самая

* «Воззвание к еврейской молодежи, которая сердцем предана своему народу и СИОНУ» было написано и издано в 1905 г. и явилось стимулом к прибытию в страну 2-ой алии. В этом воззвании имеется нечто, что звучит современно и сегодня. Оригинал воззвания (на иврит) напечатан в книге «Китвей Йосиф Виткин», издание «Ам Овед», 1961 г.

короткая, и все еще блуждаем по «коротким» дорогам, без истинного терпения, энергии, растерявшиеся и отчаявшиеся от всяких отсрочек и задержек и отступаем назад при малейших препятствиях и жертвах...

Оглянитесь же, братья, и посмотрите! Сколько денег и труда жертвует каждый ныне существующий могущественный народ, сколько времени и слез он проливает за сравнительно незначительный национальный успех, за рынок сбыта, за дальнюю колонию, в которой никто и не поселится. Оглянитесь внимательно и посмотрите, сколько жертв приносят угнетенные народы, живущие на собственной земле, говорящие на собственном национальном языке, — сколько жертв они возлагают на алтарь политической свободы и национального развития! Только за попытку освободиться, их деревни погибают в пламени, города разрушаются в буре битв и от мести врага, их герои падают на полях сражений, погибают на плахе и угашают в темницах. И бывает, что все их жертвы оказываются напрасными, враг празднует победу на могилах побежденных героев, — но разве тогда эти народы упадут духом, оставят свои

надежды? Нет и нет! Наши глаза уже видели, как такие народы вновь набирают силы и во второй, в третий раз испытывают их для победы или смерти... (Так наши предки поступали, пока чувство и жизнь не погасли в них). Вспомните, балканские народы, которые спаслись и были освобождены с помощью своих братьев по крови и религии, разве есть счет их жертвам, которые они сами возложили на алтарь своей свободы?!

Братья! Укажите мне победу, купленную физически или духовно, коллективом или индивидуумом без жертв, равных целям и задачам! Верно, братья, силы наши бедны, а цель так возвышена для нас, но именно вследствие этого не можем мы сидеть сложа руки, даже минуты, если мы жить хотим. Именно ради этого мы должны напрячь наши силы и отдаться нашему делу с безграничной любовью, и самопожертвованием безграничным, и терпением бесконечным! Упаси нас Бог обмануть самих себя и народ, от имени которого мы выступаем, говоря: дорога легка и коротка.

Мы должны трудиться ради освобождения нашей страны, бороться как отчаянные, как медведицы, потерявшие своих детей. Все наши боли, все наши протесты и страшные стенания, застрявшие в наших горлах и не могущие вырваться наружу из-за страха перед врагом, должны вылиться в гигантскую сверхестественную национальную работу ради нашего спасения и нашей жизни! В этом сознании мы должны воспитывать себя и наших младших братьев.

Верно, что это сознание прожигает не во многие сердца, и может быть, немногие и даже очень немногие останутся в наших рядах, в особенности в первое время, — но много ли мы потеряем от этого? Помогли ли нам в нашей тяжелой борьбе те десятки наемников, которым мы платили по сорок копеек? Легкий ветер унес их и, как перчатки, сменили они свое знамя! Братья, наш народ всегда обращал внимание на качество, а не на количество, наша Тора также нам велит отослать из нашего лагеря всех тех, для которых их личная жизнь дороже жизни всего народа, всех малодушных, могущих в час опасности побросать свои знамена и убежать. Поступим же и мы так, как велела нам Тора.

Наша борьба долга и тяжка, она требует от борцов не денег (что мы до сих пор считали важным), но безграничной любви к нашему народу и к нашей стране, геройства и бесконечного терпения. Из одаренных этим свойством людей надо выбрать таких, которые по здоровью, возрасту и семейному положению могут войти в ряды организации с крепкой дисциплиной и абсолютной преданностью народному делу.

Но что сделают эти люди, как они будут служить народу и бороться за него?

Эти борцы должны разделяться на небольшие отряды по сто и даже пятьдесят человек, приехать в Палестину, осесть на земле, обрабатывать ее (без посторонней помощи или при незначительной помощи, от которой в короткое время можно будет отказаться) и организовать

свою жизнь, которая расцветет физически и духовно.

Это будет их долг, а цель их будет достигнута лишь после огромного труда, множества жертв и длительной борьбы — внешней и внутренней; с посторонними и с самими собой, борьбы с природой и с людьми, с населением страны, с административными порядками, с нехваткой во всем, с болезнями и голодом, но самой трудной будет борьба с гнилым окружением, воспитанным на благотворительности. И борьба должна быть не борьбой слов, а борьбой действий. Им придется выстоять в страшном испытании, но не запутаться в сетях благотворительности, которая высасывает душу человека, как пиявка высасывает его кровь.

Послушайте, братья, и поймите! Мы не хотим создать еще одну колонию на базе обмана и преувеличенных надежд, только ради увеличения количества колоний. Нет, нет и нет! Мы хотим создания поселений нового типа, которые разрушат все ошибочные взгляды всего народа и жителей Палестины на существующий ищув и на возможность поселения в стране при существующих условиях. Мы хотим, чтобы эти новые поселения создавались не частными лицами и не обществами, а руками самих поселенцев. Мы хотим, чтобы эти новые поселения показали нам, что если мы до сих пор терпели неудачи, то это потому, что мы ничего не сделали такого, что следовало бы сделать погибающему и тонущему народу, стремящемуся к приобретению страны для себя и к спасению своей жизни! Им на практике придется

для себя и спасению своей жизни! Им на практике придется бороться с отчаянием в нашем лагере, с отступлением и изменой знамени.

Нам говорят на основании опыта, что ищуву не удастся достигнуть успехов в стране, если не будут коренным образом изменены существующие условия. О горе! Да не посмеет ни один человек говорить от имени опыта! Что мы сделали, чтобы приблизиться к нашей цели, какие жертвы мы ради этого принесли? Должны ли мы считать деньги благотворительности нашими деньгами, а несчастных, упавших телом и духом, нашими халуцим-пионерами? Разве принесли мы на алтарь нашей идеи тысячную долю того, что другой народ приносит не для спасения своей жизни, а для приобретения рычка сбыта? Пожертвовали ли мы за последние десятилетия во имя страны тысячную долю того, что сами же жертвуем на чужбом алтаре?...

Что мы сделали как народ для собственного спасения? Что мы сделали, когда собирались вокруг нашего Сиона? Мы разговаривали (и в особенности в последнее время) на семидесяти языках; подняли пыль до небес, ослепили и народ страны; уже дослужились до известного лозунга: «вот народ вышел из Египта и покрыл всю страну». Удостоились также благословения Вилама, все это не принесло нам блага и не сдвинуло с места...

И такую работу мы считали и считаем национальной работой, соответствующей величию цели, и с наивностью ребенка или ста-

рика, впавшего в детство, мы верили, что приближаемся к нашей цели! А теперь, когда наши глаза раскрылись, и мы увидели, как далеки мы еще от цели и как ничего мы еще не достигли, мы обвиняем страну и ее особые условия.

Братья, признаемся открыто, что мы ничего не сделали, а потому ничего не достигли!

А теперь не должно быть места для отчаяния, а только для работы. На нас возложена обязанность незамедлительно начать работу без отсрочки и промедлений, ибо еще немного времени и страна окажется в руках тех, от которых мы ее уже никогда не получим. Железные дороги, которые в ней строятся, разные плантации, которые здесь развиваются в последние годы, привлекли к стране народы, которые во много раз сильнее нас, и еще немного, и нить нашей единственной надежды порвется! На нас возложена обязанность ускорить освобождение страны и заселение ее нашими братьями, и обе эти задачи мы сможем выполнить лишь после изменения взгляда всего народа на ишув в стране. Это должно привести новые отряды к достижению поставленной цели.

Мы народ бедный и малоимущий, мы народ слабый и угнетенный, но есть у нас национальные богатства, которые смогут прийти к нам на помощь, если мы, говорящие от имени Сиона, будем преданы Сиону преданностью живого народа, борющегося за свое существование! Есть у нас тысячи, а может быть больше, молодых, которые жертвуют своей жизнью, проливают свою кровь, к нашему

несчастью, на свои алтари, а они могли бы быть с нами, если бы мы сами знали, чего требует от нас национальная работа, если бы мы поняли, что национальное стремление не может осуществиться только при наличии одного условия, что оно не терпит границ и препятствий, что с ростом препятствий окрепнут и умножатся наши силы, и оно будет продолжать идти своей дорогой. Имеются у нас общества как «ИКО» (общество для еврейского поселения, созданное в 1891 г.), «Бней-Брит» (создано в 1843 г. в Америке для поднятия еврейской культуры, традиции и социальной справедливости), «Агудат Алим» (общество для помощи религиозным) и другие, владеющие миллионным запасом денег. Разве мы что-нибудь сделали, чтобы привлечь эти деньги?

...Надо организовать отряды, у которых будет ясная цель. Они изменят взгляды вышеназванных обществ, взгляды всего народа на возможность работы в стране и на все наше движение, а с изменением взгляда придет их великая помощь в деле обновления страны. И их помощь будет национальной помощью, такой, что обе стороны, как дающая, так и получающая, будут исходить из интересов национальной цели, всегда стоящей перед ними. Эти отряды привлекут к нам наши молодые силы, наиболее свежие, показав им, что и сейчас имеется в нашем движении великая работа, — работа, требующая напряжения всех наших физических и духовных сил одновременно. И они достигнут своей цели не ре-

чами и собраниями, а великой и успешной работой.

Члены этих отрядов должны, прежде всего, создать крепкую организацию с твердой дисциплиной и прибыть в страну. В первое время они должны работать в качестве рабочих в поселениях и городах у евреев и неевреев, — всюду, где найдут работу. А после того, как приобретут немного опыта в работе, им надо будет получить отдельные участки земли в виде выкупа или аренды на долгие годы у «ИКО», «Национального фонда» или у других обществ, у арабов, у государства, если это удастся, и основать на них поселения, которые расцветут не при помощи миллионов, а при помощи их способностей и самопожертвования. Личной удачей и счастьем они достигнут осуществления цели и счастья всего народа.

А сейчас, дорогие братья, все те, которые уже давно стремились работать ради народа, отдать ему свою душу и жизнь, все те, кто способен по своему семейному положению и физическому состоянию сделать это, прислушайтесь сейчас к воззванию, идущему с гор Израиля: проснитесь. Проснитесь, молодежь Израиля, поднимитесь на помощь народу. Народ наш изнывает, его земля еще немного и ускользнет от него навеки. Спешите, торопитесь к нему на помощь! Организуйтесь, создайте крепкую дисциплину (дисциплина — основа объединения и сосредоточения сил, — и без нее нет победы!), оставьте, забудьте навсегда все, что было для тебя до сих пор дорого, оставьте навсегда без тени сожаления и приди работать для народа! Еврейская молодежь,

ты не лишняя, как тебя приучили думать, ты нужна народу, как воздух для дыхания, вооружайся безграничной любовью к стране и народу, любовью к свободе и труду, к бесконечному терпению — и приди!

Знайте, что народ наш болен и несчастен, а потому от него нельзя ожидать помощи и вознаграждения, — не приходите к нему с претензиями и требованиями. Необходимо помочь ему и ободрить его. Единственной наградой за это будет достижение цели. Знайте, что вам предстоит создать новую эпоху в ишуве, вам предстоит вернуть стране любовь ее сыновей, а ее жителям честь народа и утраченную любовь, — и все это придет с достижением вами вашей цели. Только будьте готовы к борьбе с природой, болезнями и голодом, с людьми — врагами и друзьями, чужаками и братьями, с врагами Сиона и сионизма... Будьте готовы к ненависти и жестокости окружения, которое увидит в вас опасных конкурентов, будьте готовы к осмеянию и недоверию, к отчаянию, пожирающему душу и тело, к дискуссиям и расчетам, которым нет обоснования и которые можно опровергнуть только работой и опытом. Будьте готовы к встрече с препятствиями, которые вам поставят даже друзья и близкие, будьте готовы к встрече с наиболее тяжелым и наиболее страшным, а также с победой! А ваша победа — это победа народа! Многие из вас, возможно, падут в вашей тяжелой борьбе — от болезней и страданий, от голода и труда; но те, кто останутся и те, кто придут после вас, пополнят ряды, а борьба, борьба

мира — она продолжится до победы!

Только остерегайтесь пасть от меча отчаяния и от стрел, полных презрения и ненависти, от недостатка терпения и геройства. Придерживайтесь правила: «лучше на щите, чем под щитом!».

Слабовольные и трусливые люди не должны вступать в ваши ряды. Кто хочет протянуть нам руку, пусть хорошо проверит себя, проверит свой характер и натуру свою, проверит много раз, прежде, чем даст клятву отдать свои силы и жизнь народу. В эти ряды должны вступить лишь герои, готовые на самопожертвование, которые могут бо-

роться за свой идеал даже без тени мысли об отступлении когда-нибудь в будущем.

Молодежь, желающая работать для народа, но не могущая по разным причинам вступить в эти отряды, может организоваться другим способом и работать на своих местах в нашем духе,—и в ее силах оказать помощь своим братьям, работающим в самой стране.

Герои Израиля! Поторопитесь и приходите, воскресите дни «Билуйцев» со всею смелостью, ибо еще немного — и мы погибнем.

Группа молодежи Палестины.

1905 год.

Перевел М. Шапиро.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К АНТОЛОГИИ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ*

Точно из старого мшистого корня вознесся свежий побег, точно старое сердце забилося свободой и восторгом, — такое чудо возрождения, обновления, освобождения я вижу в творчестве молодых еврейских поэтов. Что случилось с еврейством за последние 15 лет? Его внешнее положение немало не изменилось к лучшему: все то же рассеяние, та же вражда со всех сторон, та же нищета в народной массе. Ничто не изменилось во вне, но что-то очень важное произошло в душе еврейской, — об этом неопровержимо свидетельствует еврейская поэзия. Она говорит не только о настроении десяти или пятнадцати поэтов: она говорит ясными явуками о том, что смутно назрело в народном сознании. Если поэты вереницей потянулись по новому пути, то это верный знак, что за ними, выслав их своим тайным велением вперед, идет и все еврейство. Какой это новый путь? Куда направились поэты?

До сих пор еврейская поэзия только жаловалась и вспоминала, и оба эти тона одинаково говорили о безнадежности. Она твердила, что прошлое было прекрасно, а настоящее невыносимо, но прошлое кончилось и минуло без возврата, а вперед — лучше не смотреть: впереди — бесконечное продолжение печального сегодня. Та поэзия временами возвышалась в жалобах и воспоминаниях до потрясающей силы, — раньше, не в последние века, — но все же это была поэзия старческой немощи. Еще и в другом сказывалось старчество: в поглощенности своими бедствиями, в неспособности воспарить выше земных судеб и народной скорби. Та поэзия была якорем прикреплена к еврейству, притом к еврейству неподвижному навсегда.

И вдруг — еврейскую музу не узнать. Было бы самонадеянно стью думать, что мысль способна разгадать темные движения народного духа. В нем действуют тайные силы по непостижимым законам. Как в отдельной личности, так в целом народе совершаются события, которых нельзя предвидеть, нельзя и созерцать, а можно только удостоверять по их внешним проявлениям. О таком духовном событии свидетельствует новая еврейская поэзия. Она вдвойне отлична от старой. Она национальна не менее той, но иначе и гораздо глубже. Та не говорила ни о чем другом, как только о еврействе, подобно больному, который неустанно говорит о своей болезни; эта черпает вдохновение во всем, чему откликается сердце горячим биением. Эти молодые поэты любят, как юноши всех стран, и вольно и звонко поют свою любовь; им открыта природная жизнь, и они с любовью живописуют ее; они мыслят о жизни, о человеке, о Боге, — их не гнетет неотвязная мысль о еврейской беде. И потому, когда их мысль обращается к ней, — потому что

* Издание 1922 г. Берлин.

забыть о ней невозможно, — как ново звучат их слова о еврействе. Они — люди, свободные люди вполне, — а свободный человек горд и ясен. Черниковский **НЕ МОЖЕТ** изнывать в бессильных жалобах, Шнеур не может скорбно вспоминать о прошлом величии. Еще прежние жалобы и воспоминания время от времени слышатся в этой книге, но господствующий тон ее другой: у одних спокойное, у других, как отголосок старого, гордое национальное самосознание—и свободная, хотя и страстная, речь о судьбах еврейства, о несмысливаемой вине народов, о долге еврейства самому строить свою судьбу.

Я не знаю, что случилось с еврейством, я только свидетельствую: в этой книге еврейство — как прокаженный, который, весь, как раньше, в проказе, вдруг поднял лицо, и все видят: он ясен духом, он в духе победил свою болезнь. Еврейство века жило не только в материальном гетто: внешнее рабство сделало его духовным рабом, — рабом неотвязной мысли о своей народной судьбе. **БЕСПЕЧНОСТЬ** — драгоценнейшее благо смертных, источник духовной свободы, родник величия и красоты, — вот что история отняла у еврейства, и с ним отняла все. Мне кажется чудом поэзия Черниковского: в ней не осталось и следа той свинцово-тяжкой, непреодолимой озабоченности евреев, — он беспечен: стоит в лесу, смотрит долго, и никуда не спешит; чутко слушает шумы и слушает внутри себя; да, никуда не спешит. Я не найду слов, чтоб выразить, каким великим обетованием, залогом какого светлого будущего мне кажется эта духовная свобода освободившихся поэтов-евреев. Быть свободным евреем не значит перестать быть евреем, напротив, только свободный еврей способен проникнуться еврейской стихией во всю глубину расцветшего человеческого духа. Мне кажется Бялик предтечею этой плеяды. Он первый не жаловался, не ныл, — он проклинал ноющих; и он звал еврейство к мужественному самоопределению; но он еще почти всецело поглощен еврейским делом, — ему еще не было дано выйти на простор человеческой свободы. Он дарованием бесконечно могущественнее остальных, но они ушли дальше его.

БУДЕТ ПЕРЕИЗДАНА «ЕВРЕЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Перед первой мировой войной известным издательством Брокгауза и Эфрона в Санкт Петербурге была издана на русском языке шестнадцатитомная «Еврейская энциклопедия», на которой воспитывались многие поколения еврейских ученых и интеллигенции.

Этот замечательный и всеобъемлющий труд вышел под общей редакцией доктора Льва Сергеевича Кацнельсона (псевдоним: Буки бен Егли), заведующего известными петербургскими курсами Востоковедения, основанными бароном Давидом Гинцбургом. В редакционной коллегии энциклопедии сотрудничали 160 еврейских ученых и специалистов, в числе которых были известный драматург, автор знаменитой пьесы «Га-Дибук» Ан-ский; крупнейший исследователь и историк польского еврейства Меир Балабан; основоположник теории «еврейского социализма» Бер Борохов, историк, редактор исторического отдела «Энциклопедии» Марк Вишницер; историк, заведующий еврейским отделом Петербургской библиотеки Абрам Гаркави; востоковед и общественный деятель барон Давид Гинцбург; знаменитый историк, впоследствии погибший от рук нацистов, Семен Дубнов, писатель и ученый Иосеф Клаузуер; историк Илья Чериковер; автор монументальной истории еврейской литературы Израэль Цинберг;

знаменитый поэт Шаул Черниковский — и многие другие.

Среди сотрудников энциклопедии был также молодой в то время историк Залман Рубашов, ныне Залман Шазар — президент государства Израиль.

Помимо статей этих специалистов в энциклопедию был включен также ряд статей из аналогичной английской энциклопедии (Джуиш энциклопедия). «Еврейская энциклопедия» Брокгауза и Эфрона, издание которой потребовало 7 лет (с 1906 по 1913 год), представляет собой сокровищницу исчерпывающих монографий и статей по всем отраслям еврейских знаний — науке, истории, демографии, экономике, статистике, философии, литературе.

Но «Еврейская энциклопедия» — не только справочное издание.

Она является наиболее полным сводом знаний о еврействе царской России, особенно в первом десятилетии нашего века. В силу этого «Еврейская энциклопедия» представляет собой незаменимый источник фактических данных для любого исследователя российского еврейства того времени.

Все это делает «Еврейскую энциклопедию» в значительной мере уникальным трудом, значение которого трудно переоценить.

Теперь эта энциклопедия является библиографической ред-

ТАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

В сентябре и октябре 1972 года на страницах московского журнала «Октябрь» появился роман Юрия Колесникова «Земля обетованная»... По прочтении его мы узнаем, что на этом кончается первая часть и, очевидно, следует ждать продолжения. Но и незавершенный труд Ю. Колесникова представляет некоторый интерес для любознательного читателя.

Из маленького румынского городка Болграда осенью 1939 года уезжает в Палестину молодой еврей Хаим Болдитер. По дороге он заболел тифом и чуть не умер на Кипре, куда его высадили с корабля из-за болезни; затем по дороге в Хайфу он чуть не погиб во время нападения английского эсминца. Наконец, Хаим попадает в страну, в которую он стремился, и здесь начинается прозрение, и герой романа с ужасом убеждается, что был обманут, и бежит, прожив несколько месяцев в Палестине, в свою родную Румынию. Таков

костью. Поскольку «Еврейская энциклопедия» в основном сохраняет свою научную ценность и в наши дни, «Институт по переизданию литературы на славянских языках» в Западной Германии предпринял ее перепечатку. Первые три тома энциклопедии уже вышли в свет. Продолжается подготовка к переизданию и остальных томов.

М. Н.

вкратце сюжет романа. Но роман весьма объемист, и читателю предлагается масса увлекательных подробностей. Заболевшего на эмигрантском корабле тифом и оказавшегося в связи с этим на Кипре Хаима выходила глухонемая красавица гречанка по имени Ойя. Молодые люди влюбляются друг в друга и, несмотря на козни отвратительного кипрского раввина, уезжают вместе в Палестину. Там короткая Ойя подвергается ужасным преследованиям за то, что она нееврейка; у нее рождается ребенок, который вскоре гибнет. Ойя кончает жизнь самоубийством. Хаим на протяжении романа становится свидетелем многих тайных сборищ, после чего для него открывается подлинная сущность сионизма. Еще и еще покопавшись в сюжете, можно открыть и другие увлекательные подробности, и, хотя роман изобилует множеством персонажей (среди которых даже Эйхман) и художественных красот, три главные идеи определяют цель и содержание этого повествования.

1. Жизнь в еврейском государстве ужасна. Люди ненавидят друг друга, все готовы перегрызть друг другу глотку. Хаим с первых дней почувствовал, что кругом один обман. Блестящая художественная деталь — от взрывной волны переворачивается лозунг «Эрец халав у дваш» — должна означать, что на самом деле все наоборот.

Кроме того Хаим чуть не в первый день обнаружил отсутствие в стране уборных: «О каком государстве с молочными реками и кисельными берегами можно говорить всерьез, если здесь нет даже нормального сортира?» («Октябрь» № 10, стр. 27). Хаим, как мы узнаем из романа, разделяет коммунистические идеи, и, конечно, ему лучше знать, что самое главное в нормальном государстве.

2. Очень тонко и ненавязчиво автор объясняет читателю, что сионистское государство и фашистское государство — это одно и то же. Это нетрудно увидеть и простым глазом, а тем более глазами мудрого Хаима. «Вы знаете, кто такие халуцы?» — спрашивает Хаим свою знакомую. Шелли пожалала плечами, неуверенно сказала: «Что-то вроде штурмовиков. Не так ли?». (№ 9, стр. 45). Читает Хаим транспарант, на котором написано «Арбайт махт гликлих». Что-то знакомое почудилось пронзительному Хаиму в этом лозунге. Подумал он, подумал и вспомнил, как однажды показывали документальный фильм. Внимание его привлекла надпись у входа в гитлеровский концлагерь для интернированных евреев. Она гласила: «Арбайт махт фрай». Хаима тогда поразила эта странная аналогия (№ 10, стр. 43). В другой раз увидел Хаим первый транспарант с двумя ярко-голубыми звездами по краям и жирной черной подписью: «Единый народ, единая нация, единое государство — Израиль!». Это была та самая фраза, которая в течение всего дня не давала ему покоя. И вдруг по какой-то неудо-

лимой ассоциации Хаим вспомнил, где он слышал ее впервые. Это было в Констанце, в день отъезда в Палестину. Вместе с другими «халуцами» он был в кино. Показывали киножурнал: огромная площадь, запруженная эсэсовцами; на разукрашенной флагами со свастикой трибуне у микрофона Адольф Гитлер. Сборище эсэсовцев скандирует: «Айн фольк, айн райх, айн фюрер — Дойчланд». (№ 10, стр. 49—50). Убедительность таких аналогий для читателя не подлежит сомнению — ведь Хаим мудрый, у него хорошая память, и он, вероятно, часто бывал в кино.

3. На всем протяжении романа читатель без труда убеждается, что в деле создания еврейского государства активную роль играла гитлеровская Германия, помогая евреям оружием, способствуя эмиграции евреев в Палестину и активно сотрудничая с сионистскими организациями. Возможно, что создание могучего еврейского государства было главной и конечной целью гитлеровского режима. Фашисты стремились помогать евреям, чтобы насолить своим врагам-англичанам; чтобы получить большие деньги с богатых и образованных евреев, переселяющихся в Палестину (в романе, правда, не сказано, как должно было называться взимание этих денег — выкупом или академическим налогом) и в силу духовного родства сионистов и нацистов.

Страницы романа, посвященные братской дружбе сионистов и нацистов, совершенно неопровержимы. Мы могли бы не поверить автору, решить, что автор

что-то присочинил, но Хаим — герой романа, сам подглядел тайное собрание сионистов, сам подслушал, о чем там говорилось, сам увидел сионистского агента, который с Геббельсом на дружеской ноге. Хаим сам еврей, к тому же положительный, он не даст соврать.

Понятно, как соблазнительно советскому автору разоблачить тайный сговор сионистов и нацистов, как ему важно поведать миру, что подслушал Хаим, но действие романа происходит в 1939—1940 годах, когда отнюдь не тайно Риббентроп летал в Москву, а Молотов — в Берлин, когда Гитлер и Сталин с двух сторон раздирали Польшу, когда договор Советского Союза с Германией дал возможность Германии растоптать половину Европы, и один людоед совсем не тайно поздравлял другого людоеда с шестидесятилетием. И подслушивать нечего и подглядывать нечего. Достаточно посмотреть старые газеты.

Все средства высокого искусства автора стремятся убедить читателя в подлинности повествования. Для этого в романе — Хаим. Его функция — понимать. «Хаим понял. Понял, что голуборубашечники, которыми руководил Симон Соломонзон в Палестине, так же как чернорубашечники итальянского дуче, коричневорубашечники германского фюрера и молодчики румынского вожака легионеров Хория Симы, щеголяющие в зеленых рубахах, действуют никого не щадя и не иначе, как с помощью взрывчатки, пуль и ножей... Он понял еще, что все они сродни друг другу... Понял Хаим и ужаснулся. (№ 9,

стр. 82). Наконец, он понял, что так же, как десятки тысяч других евреев-бедняков, стал жертвой гнусного обмана, что обман и клевета, шантаж и провокации, — словом, все отвратительные методы и способы, вплоть до убийства из-за угла, возводимые фашистскими идеологами в некую доблесть и добродетель чистокровных арийцев, присутствующие и сионистским деятелям, оправдываются и насаждаются ими с величайшим усердием»... (№ 10, стр. 50).

Может быть, в романе, следуя советской традиции, утверждает, что сионисты плохие люди, а простые евреи, трудящиеся евреи — хорошие? Отнюдь нет. Хаим — положительный герой и его глазами читатель видит, как страшны и уродливы ВСЕ ЕВРЕИ. Бедную Ойю, жену Хаима, травили даже дети. Хаим думает, что «откажись он от поездки в Палестину, отцу и сестренке пришлось бы без оглядки бежать из Болграда! Еврейская община заклевала бы их на смерть!» (№ 10, стр. 38). Только про своего благородного героя автор может заметить: «Хаим почувствовал, как учащенно забилося его сердце». (№ 10, стр. 49). Состояние других персонажей передается совершенно иными красками: «Бен-Цион Хагера закатил выпуклые, налитые кровью глаза». (№ 9, стр. 18). Речь персонажей — тоже оружие автора. Вот на страницах романа появляется Штерн — один из виднейших борцов за создание еврейского государства. «Что вы говорите?! — слышался удивленно-ехидный голос Штерна. — Скажите, пожалуйста?» (№ 10, стр. 53);

«Как, как?!» — завопил Штерн, словно его ужалили» (№ 10, стр. 53); «А разве это плохо?» — вновь бесцеремонно прервал его Штерн» (№ 10, стр. 53); «Чтобы англичане могли его рано или поздно конфисковать?» — крикнул Штерн» (№ 10, стр. 53); «Штерн взорвался: «Это мы скот?» (№ 10, стр. 53); «Врете! — истерически закричал Штерн». (10 стр. 54); «А пулеметы? — выходя из себя уже орал Штерн» (№ 10, стр. 54); «Представьте себе, лучше» — завопил Штерн». (№ 10, стр. 54); «Мне угрожать, предатель?! — раздался дикий вопль Штерна». (№ 10, стр. 55).

Арабский рабочий говорит, разумеется, иначе, чем Штерн: «Вкалывал я и в Иерусалиме, — продолжал араб с болезненным лицом наркомана. — На спичечной фабрике «Нура». Там душа у меня была спокойна, клянусь пророком!». (№ 10, стр. 79).

Наконец, нельзя не сказать еще об одной заметной особенности эпопеи Ю. Колесникова. Роман перенасыщен еврейскими словечками, выражениями и т. п. В романе рассказывается, как Эйхман, чтобы угодить сионистам, «ловко пустил в ход испитанные козыри: щегольнул несколькими словами на идиш, затем произнес две-три фразы на иврите». (№ 10, стр. 30). Ю. Колесников никак не хочет отставать от Эйхмана. Он словечка в простоте не скажет. Зачем писать: она отправилась в полицию, — когда можно: «Она отправилась в мештору.»? На каждой странице романа — сноски. Автор объясняет свои реалии. Мамзер — по воле автора — рожденный нееврейкой (№ 10, стр.

105), а «сминен» — молитвенный обряд в доме усопшего. Это неважно, что «шабат-гой» трактуется как «еврей, не чтящий праздника субботы» (№ 9, стр. 62); и не столь важно, что осенью 1939 года встречаются евреи 4659 год. Нам кажется, что абсолютное невежество автора в языке, географии, истории, еврейских обычаях и т. п. — самое извинительная сторона повествования.

Сегодня автору приказано писать про евреев. Мы не знаем, о чем он будет писать завтра. Мы только знаем, о чем он писал вчера. Лет двадцать тому назад вышла книга «Югославская трагедия». Положительным персонажам этой книги удалось подслушать тайный разговор Тито и его клики с нацистами. При этом у положительных персонажей сжималось сердце, а у отрицательных (Тито и его клики) отовсюду выступал пот, они при этом орали, кричали и вопили. Герои произносили много слов на разных югославских языках, а каждая страница кончалась обильными сносками. Сейчас не столь важно — один ли автор написал «Югославскую трагедию», и «Землю обетованную» и кто такой Колесников — О. Мальцев, И. Шевцов, В. Кочетов или В. Кожевников. Подобные книги пишутся одним и тем же роботом — роботом ненависти. Одни и те же приемы кочуют из романа в роман, одни и те же стилистические красоты. И одинаково уверенной рукой такой робот изобразит Мао Цзэ-дуна ангелом или дьяволом, — как будет приказано.

Существенно, пожалуй, совсем другое. Роман «Земля обетован-

ная» — откровенная антисемитская страпня, опубликован осенью 1972 года, когда десятки тысяч евреев борются за право уехать в Израиль, когда по настоящему пробудилось самосознание российского еврейства, когда во всем мире крепнет сознание к мужественной борьбе нашего народа, когда почти каждый день в нашу страну прибы-

вают репатрианты из Советского Союза.

Зачем же появился роман? Уговорить советских евреев не ехать в Израиль? Это смешное предположение. Скорее всего, чтобы посеять в стране злобную ненависть к евреям. Хочется верить, что эта акция робота обречена на провал.

Члену нашей редакционной коллегии Павлу Гольдштейну присуждена премия им. д-ра Шимпона Юничмана за работу «ДУХОВНЫЙ ПОДЪЕМ РУССКОГО ЕВРЕЙСТВА» (журнал «СИОН» № 2—3, стр. 76—81). По этому случаю мы приносим наши поздравления уважаемому коллеге.

**ИЗДАЕТСЯ КООРДИНАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ
АКТИВИСТОВ АЛИИ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

**Тель-Авив, ул. Хиссин, 4-а, вход «Б»,
4 этаж, кв. 8, тел. 289832.
Chissin str. 4a/B, floor 4, apt, 8,
Tel-Aviv, Tel. 289-832.**

В редакции принимают:

Четверг — с 16 до 18
Воскресенье — с 16 до 18

©

**כל הזכויות שמורות
למערכת „ציון“
All Rights Reserved
to the Editors**

**דפוס „ראש פינה“, רחוב ראש פינה 19, תל-אביב
“Rosh Pina” Press, 19, Rosh Pina Str. Tel Aviv**

УЗНИКИ СИОНА, ТОМЯЩИЕСЯ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ

Залмансон
Сильва

Залмансон
Израэль

Кузнецов
Эдуард

Пенсон
Борис

Дымшиц
Марк

Залмансон
Вульф

Альтман
Анатолий

Ханох
Лейб

Менделевич
Иосиф

Бодня
Мендель

Каминский
Лассаль

Корнблит
Лев

Дрейзнер
Соломон

Корнблит
Михаил

Богуслав-
ский В.

Бутман
Гилель

Ягман
Лев

Могилевер
Владимир

Азерников
Борис

Шпильберг
Аркадий

Черноглаз
Давид

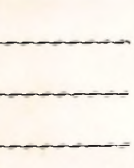
Гольд-
фельд А.

Вудка
Юрий

Грилос
Шимон

Мишенер
Иосиф

Суслен-
ский Яков

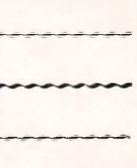
Кукуй
Валерий

Маркман
Владимир

Ренерт
Хаим

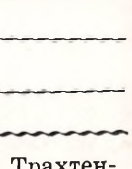
Ханцис
Яков

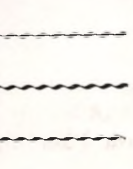
Бриндт
Юлий

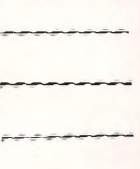
Глезер
Илья

Трахтен-
берг
Эмилия

Берман
Григорий

Пох
Юрий

Любарский
Лазарь

